

Илья

ГЛАЗУНОВ

Россия распятая

Большая биография

Илья Глазунов

Россия распятая

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

Глазунов И.

Россия распятая / И. Глазунов — «Издательство АСТ»,
2005 — (Большая биография)

ISBN 978-5-17-104398-8

Автобиография всемирно известного русского художника Ильи Глазунова во многом уникальна и необычна. Автор рассказывает в ней не только о довоенном детстве, страшных днях ленинградской блокады, о начале пути и становлении будущего художника, но и о нашем трагическом времени, о своем понимании творчества и искусства, о взглядах на историю бесконечно любимой им России. Художник по-новому пытается осмыслить забытые страницы не только русской истории, но и мировой истории. Илье Сергеевичу довелось побывать во многих странах мира, он был знаком с большинством культовых фигур XX века. Ему довелось писать портреты таких неординарных личностей как Иоанн-Павел II, Индиры Ганди и Фиделя Кастро. Выставки Ильи Глазунова с многотысячными очередями зрителей были, есть и будут событиями огромной духовной значимости в жизни нашего общества. Многогранное творчество художника, как и эта книга, есть свидетельство борьбы добра и зла, где поле битвы – сердце человека. «Россия распятая», книга-исповедь, написанная с пронзительной правдой художника и гражданина, – это документ великой духовности, веры в возрождение нашего многонационального Отечества.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-104398-8

© Глазунов И., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Пролог	7
Часть I	33
Глава I. Страницы моей родословной	33
«Его совсем не слышно...»	33
Начало моей жизни	34
Первые уроки живописи в особняках Витте	40
Жар-птица не прилетела...	41
Кто мои предки?	44
Мой прапрадед – воспитатель Царя-Освободителя	46
В древнем Суздале	47
В купели церкви Святого Спиридона	53
Художник Федотов – друг семьи Флугов	55
Мой дед – действительный статский советник	61
Конек	64
Великий Князь К. Р.	67
Дед – внуку	71
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Илья Глазунов

Россия распятая

© Глазунов И.С.

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Посвящаю свою книгу родителям,
Ольге Константиновне и Сергею Федоровичу,
погибшим в Ленинградскую блокаду,
жене Нине и детям моим, Вере и Ивану,
и всем тем, кто освещал путь моей жизни*

*И свет во тьме светит,
и тьма не объяла Его.*
Евангелие от Иоанна (гл. I, ст. V)

Пролог

Я не мог не написать эту книгу...

Мне иногда кажется, что я прожил сто жизней, но все они – и счастливые, и кошмарно-трагические – объединены одним понятием – моя жизнь в жестоком XX веке.

Я родился в 1930 году в России, в Ленинграде – Петербурге, в страшные годы геноцида, прежде всего, русского народа. В СССР, который иностранцы называли «страной без Бога», – в разгар коллективизации, означавшей уничтожение русского крестьянства, равно как и других кормильцев многонациональной страны. Недаром Иосиф Джугашвили, называвший себя Сталиным, именoval ее «второй революцией» после Октября 1917-го.

В годы моего детства страна окутывалась черным дымом новых фабрик и заводов, полнилась гулом первых сталинских пятилеток, знаменующих насильственную «железную поступь» так называемого социализма, покрывалась кровавой коростой концентрационных лагерей. Тогда Максим Горький, вернувшийся по указанию Кремля с солнечного острова Капри, захлебываясь от восторга, воспевал Соловки и Беломорканал как «школу коммунистического перевоспитания». Перевоспитание трудом – давняя идея Льва Толстого, кривого зеркала русской революции. Левая интеллигенция Европы и Америки рукоплескала «русскому чуду», «новому миру», творимому большевиками. Памятные мне детские журналы были до предела насыщены любовью к Сталину и ненавистью к попам, белогвардейцам и мировой буржуазии. По радио, как мне врезалось в память, непрерывно звучали стихи «Гренада, Гренада, Гренада моя» и прославлялись подвиги интербригадцев, героически сражавшихся против мятежного генерала Франко – соратника Муссолини и Гитлера. Позже, уже в школе, нас то и дело заставляли вырезать из учебников портреты недавних вождей и маршалов СССР, которые вдруг становились разоблаченными «врагами народа». И еще помню тихий испуганный шепот моих родственников: «Кого вчера взяли? Кто следующий?». Я никак не мог понять, почему мой отец спит одетым, а среди ночи встает и подходит к окну, когда в колодец нашего двора вдруг въезжает машина...

Это было время, когда рушились древние русские города, стирались с лика земли православные монастыри и церкви, пылали костры из икон и священных книг, всюду добывались «социально чуждые элементы». Задохались без России Бунин и Рахманинов, Шаляпин и Коровин – и многие другие беженцы великого исхода, миллионы лучших людей России... В 1930 году в одиночестве и забвении умер Илья Ефимович Репин. Русские аристократы, генералы и офицеры работали таксистами и официантами в Париже. Не помогли им в беде масонские «братья»...

В изгнании Бунин с горечью писал о России: «Это было давно, бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернется уже веками... Ибо всему свой срок, – миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рыскающие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклания... – и настал конец, предел божьему прощению». (*Бунин И. А. Собр. соч. – М.: Худ. лит., 1998. Т. 4. С. 221, 225*).

Это было время, когда в Европе Муссолини выступил за пересмотр Версальского договора, а молодые немцы зачитывались книгой «Моя борьба» тогда еще молодого, далеко не всем известного Адольфа Гитлера. Британия по-прежнему высокомерно «правила морями», но в далекой Индии, «жемчужине английской короны», уже поднял знамя гражданского неповиновения Махатма Ганди. В 1930 году был убит в своей московской квартире «лучший, талантливейший поэт советской эпохи» Владимир Маяковский. И это тоже было в год моего рождения.

Вспоминая довоенное детство, оглядываясь вокруг себя сегодня, мне порой кажется, что все это было не со мной и в другом мире, в другой, еще живой, хотя и полуразрушенной Рос-

сии. Это было в Петербурге, который за 6 лет до моего рождения был назван Ленинградом. Какие одухотворенные, добрые, словно сошедшие со страниц журнала «Нива» лица окружали меня тогда! Таких не будет уже – они сметены навсегда войнами и красным геноцидом. Слышу цокот копыт по булыжной мостовой и звонки трамваев на Петроградской стороне. Помню, как поразили меня синие волнистые линии, отмечающие уровень наводнения Невы; глядя на них снизу вверх, я думал: а ведь во времена Пушкина вода поглотила бы и нас...

В памяти живет и наш петербургский двор, а неподалеку – Ботанический сад, шумящий высокими кронами деревьев, среди которых высился дуб-великан, посаженный, по преданию, самим Петром I. Его свалило наземь ураганом совсем недавно... В густой и таинственной зелени парка мерцали черные пруды, в одном из которых, как в зеркале, отражалась беседка, где любил в задумчивости сидеть Александр Блок. В Ботаническом саду я бывал до войны каждый день. Здесь, в деревянном двухэтажном доме, жила сестра матери Агнесса Константиновна Монтеверде, моя любимая тетя.

А вот всплывает из глубин памяти доброе лицо первой моей учительницы, Евдокии Ильиничны. Она приказывает мне переписать для школьной стенгазеты такие бравые стихи моего одноклассника:

Бросив пушки, танки, мины,
Удирали белофинны.
Всех быстрее удирал
Белофинский генерал.

А отец мой, выдирая в который раз из радиосети штепсель «черной тарелки», говорит: «Позорно, что они никак не могут проломить линию Маннергейма». Я, конечно, не знал тогда, что барон Маннергейм был адъютантом Государя Николая II и дружил с малоизвестным у нас (очевидно, по этой причине) великим финским художником Аксеном Галеном. Но я уже знал от матери, что у нас до революции была дача в Дибунах, неподалеку от Куоккалы, где жил Илья Ефимович Репин. И думала ли тогда моя мама – Ольга Константиновна, что через много-много лет ее сын, который стал, как она мечтала, художником, будет приглашен писать портрет Урхо Кекконена, президента Финляндии.

Моя память хранит многое. Страшные годы войны предстают передо мной как огромная апокалипсическая туча, сметающая все на своем пути. Словно это было вчера: возвращаясь с летней дачи в Вырице, мой отец, мама и я успели втиснуться в переполненный вагон последнего поезда, идущего в Ленинград. Немцы шли за нами буквально по пятам. Вспоминаются разговоры взрослых: «Вот тебе и несокрушимая... Как драпают! У ополченцев желторотых одна винтовка на 12 человек, да и та «трехлинейка» царских времен!» Кто-то, теснящийся в проходе, добавил: «Обещали – своей земли вершка не отдадим, а немец за два месяца пол-России оттяпал». Другой тихим шепотом вставил: «Говорят, немцы назначили губернатором Киева князя Мещерского; церкви открывают, колхозы распускают. Листовку сам видел: немцы собираются через неделю взять Ленинград и уже банкет в «Астории» назначили». «А я другую видел: на ней сын Сталина с немецкими офицерами сфотографирован, – добавил бородатый мужик в косоворотке. И продолжил: – Власти нету, райкомы пустые, а магазины грабят».

Все ждали воздушного налета. Но его не было. Чудом добрались мы до Ленинграда. Он был неузнаваем – город готовился к осаде.

Мне и сейчас по ночам слышатся завывание сирен и зловещее тиканье метронома по радио, глухие взрывы, от которых шатаются погасшие люстры на потолке. И в лютом морозе комнат, в неверном и тусклом свете мигающей коптилки видятся уже окоченевшие тела моего отца, родных и близких. Помню сквозь слезы лицо умирающей матери, благословившей меня

на спасение медной фамильной иконкой. «Я поправлюсь, сынок», – шептала она. Но чуда не произошло...

Потом – черные, рябые от ветра полыньи Дороги жизни. Ладога. Неужели все это было со мной? Мне суждено было выжить. В деревне Гребло, затерянной в бескрайних новгородских лесах, остались одни только старики, женщины, дети – как будто для того лишь, чтобы получать с фронтов похоронки. В те годы передо мной открылся мир русской деревни с ее могучей и нежной северной природой. С моими новыми деревенскими друзьями я работал на колхозном поле, ходил в школу за пять километров по снежной пустыне замерзшего озера Великого. На уроках мне приходилось иногда отвечать письменно – я стал заикаться и часто даже не мог говорить после пережитого кошмара Ленинградской блокады. Иногда говорят, что дети злые и насмешливые. Только не деревенские! Они относились ко мне с пониманием и тонкой душевной деликатностью.

Наконец блокада была прорвана, и я вернулся в родной город, на пустынные набережные и проспекты столь любимого мною, загадочного в дивной красоте своей Ленинграда – Санкт-Петербурга. Я словно заново открывал его, хоть он был мне до галлюцинаций памятен. Летний сад; заколоченный досками Медный всадник; раскрашенные, будто плащ-палатки, величавые дворцовые ансамбли; крики чаек и брызги волн, стекающие словно слезы по граниту набережных; бывшее великолепие имперских парков, вскопанных под чахлые огороды, – пустынный и ветреный город, населенный скульптурами и отраженными в величавых невских волнах творениями его великих зодчих.

Помнится, как загадочно смотрели на нас, будущих художников, древние египетские сфинксы, когда мы неподалеку от них разгружали с баржи дрова, чтобы не замерзнуть в классах бывшей Академии художеств, на фасаде которой были начертаны слова, осенявшие мои годы учебы: «Свободным художествам. 1725». Помню, как к нам, воспитанникам средней художественной школы, расположенной на последнем этаже академии, заходил сам Игорь Эммануилович Грабарь. Я не мог и подумать тогда, что много-много лет спустя мне суждено будет создать Российскую академию живописи, ваяния и зодчества, стать ее основателем и ректором – во имя сохранения школы высокого реализма, к которой меня приобщили мои учителя и сам дух императорского Петербурга.

Помню зимнее небо утром 5 марта 1953 года. Была серая мгла, сквозь которую светил багровый шар восходящего солнца. Я ехал в Москву на похороны Сталина без билета на багажной полке общего вагона. Я так и не попал в Колонный зал – на Трубной меня едва не раздавило в людском водовороте. Многие тогда рыдали, но у меня не было слез... Гипноз имени Сталина был велик – с ним связывали нашу победу 1945 года. Тогда перед ним дрожала Европа, вставая, как Черчилль, в едином порыве, когда он входил.

Смерть Сталина была вехой в истории XX века. Каждая страна по-своему реагировала на уход диктатора.

Возвращаясь с похорон «отца народов», я смотрел на вечеряющие снега бескрайних просторов России, проносящихся за вагонным окном.

Говорят, что большое видится на расстоянии. Это и правда, и неправда. Реальная жизнь часто подтверждает другое: туманы времен способны исказить и размазать историческую правду...

В моей семье, как и в миллионах других, ненавидели Сталина, видя в жизни и испытывая на себе его преступную жестокую волю. Мне как русскому стыдно и мучительно больно читать сегодня, как иные историки и публицисты, считающие себя патриотами России, вновь возвеличивают Сталина как «вождя русского народа», непримиримого борца с троцкизмом и мировым сионизмом, создателя могучей «советской империи». Забывают, однако, что борьба с Троцким была только борьбой за личную власть в партии.

Так кто же все-таки был Сталин? Меня, как и всех тогда, справедливо учили, что «Сталин – это Ленин сегодня».

Помню, когда мне было 18 лет, я рисовал портрет старого петербуржца, писателя Сергея Карловича Вржосека. Имя его упомянуто в одном из томов «Энциклопедии политкаторжан».

Это было время триумфа культа личности Сталина, объявившего тогда войну безродному космополитизму. Во время сеанса Сергей Карлович спросил вдруг: «Ильюша, а как ты к Ленину относишься?» Я был смущен вопросом и не нашелся, что ответить. Всех нас учили в школе, а позднее в академии, что основатель советского государства Ленин – гений. Его учение всесильно, потому что оно верно.

Но тут же вспомнилось, как недавно в коридоре у мастерской, где мы писали натюрморты, во время перемены кто-то, оглядываясь по сторонам, полупшепотом рассказал новый анекдот. Темная деревенская старушка по складам читает лозунг: «Ленин умер, но дело его живет!» – и, перекрестившись, говорит: «Лучше бы он сам жил вечно, а дело бы его – умерло!» Кто-то прыснул в кулак, а кто-то, улыбнувшись, промолчал.

Я работал над лепкой выпуклого лба Вржосека, а за окном шумели машины, звенели трамваи на многолюдном Невском. Старый писатель, не дожидаясь моего ответа, неожиданно произнес: «Между прочим, Ильюша, Сашка Керенский, балбес и фанфарон, у меня юридическую практику проходил. Я его как облупленного знаю». Задумавшись, не меняя позы, необходимой для работы над портретом, Сергей Карлович продолжил: «Никогда не видел более скучной личности, чем Ленин. Мы вместе с ним когда-то преподавали в рабочем марксистском кружке. Ленин всегда поражал меня своей серостью во всем и школярской узостью, свойственной всем заурядностям. Его научные работы – унылая компиляция. Но уже тогда я заметил в нем нетерпимость и фанатизм. Он не признавал других мнений, даже товарищей по работе. Думаю, что именно фанатизм и беспринципность, когда цель оправдывает любые средства, и сделали из него немецкого шпиона. Над дуростью же пучеглазой Крупской у нас все смеялись, а кто-то даже называл ее за бесцветность внешности молюю. Не понимаю, как могло случиться, что так называемого Ильича превратили не только в гения, но и в вождя мировой революции».

Повернув голову ко мне и пряча лукавую улыбку в седую, клинышком подстриженную бороду, спросил пытливо: «Как, мой милый, я тебя не испугал своими воспоминаниями о людях, которых я хорошо знал?»

Слова старого Вржосека не испугали меня – они потрясли до основания мою душу. Я впервые слышал такое о Ленине. Я на всю жизнь запомнил тот ненастный петербургский день, когда после сеанса с этюдником через плечо в каком-то ознобе возбуждения шел пешком через мост на Петроградскую сторону до своего дома. Я ни с кем не мог обсудить столь взволновавшие мой ум и ставшие для меня откровением слова старого писателя.

С тех пор прошло более полувека. На протяжении многих лет я изучал исторические свидетельства и документы, пытаюсь понять и явление Ленина. Эта работа отражена и в образном осмыслении его в таких моих картинах, как «Костры Октября», «Великий эксперимент», «Мистерия XX века» и других.

Написал я в 60-е годы и портрет Ленина, который, однако, нигде не печатался и не выставлялся, кроме одной выставки в Манеже, закрытой через 4 дня по требованию партбюро МОСХа. Помню, тогдашний президент Академии художеств В. А. Серов, увидев мою работу, язвительно сказал: «Это что – великий Ленин в геенне огненной? И вы надеетесь это показать народу?»

Я многое потом передумал и осмыслил, знакомясь с такими документами и свидетельствами современников Ленина, которые многие десятилетия тщательно скрывались от нас. Сегодня спорят о числе жертв многомиллионного русского холокоста... Памятный лозунг «Никто не забыт – ничто не забыто!» странно сочетается со словами Достоевского о том, что «в мире все за всех виноваты». Долго еще историки будут приводить цифры о преобладающей

роли евреев в революции, о щедро оплачиваемых штыках латышских и китайских наемников, без которых не утвердилась бы пролетарская диктатура, где почти не было русских, но были миллионы распропагандированных «сознательных» рабочих и крестьян многонациональной России. Большинство интеллигенции, увы, вторило им, рукоплеща «освободительному движению», ниспровергавшему Самодержавие, Православие и Народность, – они тоже жаждали крушения исторической России. Мое поколение выросло под кровавым красным знаменем с изображением Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. Нас учили любить все народы мира, кроме своего. Особенно потрясла меня впервые прочитанная фраза Ленина: «А на Россию, господа хорошие, мне наплевать...» По Ленину, пусть погибнут $\frac{9}{10}$, но остальные доживут до победы мировой революции. Эти слова перевернули мою душу. И Ульянов-Ленин стал для меня террористом № 1, взорванной большевиками России.

* * *

Оплакав своего вождя, коминтерновцы, кроме «перманентного» революционера Троцкого, поняли, что мировая революция не удалась. Они не ожидали, какое мощное сопротивление окажут им национальные силы Европы, не приемлющие идей и господства марксистского интернационала. Верный ленинец Сталин начал с присущей ему жестокостью проводить в жизнь идею своего учителя о построении социализма в одной, отдельно взятой стране – России, понимаемой как плацдарм для борьбы за грядущую победу коммунизма во всем мире.

* * *

За 450 последних лет мир видел три главные революции, каждая из которых была разрушительнее предыдущих. Эти три революции – Английская, Французская и Русская – очень близки друг к другу как ступени одной и той же лестницы, ведущей к мировой революции. В начале каждой революции всегда говорилось, что она направлена против угнетателей – «королей, царей и помещиков». А в наши дни, когда власть царей и попов кончилась, а революция в новых формах и под новыми лозунгами продолжается бесконечно, для многих стало ясно, что все это имело целью обмануть народы. Истинное предназначение революции – это разрушение во имя мирового господства избранного меньшинства.

Думается, что Сталин, как и Кромвель, и Наполеон, был одной из марионеток и выдвигенцев этой могучей всепоглощающей силы с ее многовековым опытом.

Многое написано, пишется и будет написано о тайной истории мирового масонства и его влиянии на историю человечества. Не касаясь тамплиеров, розенкрейцеров и особенно значимой фигуры Вейсгаупта, его последователей Маркса, Ленина и большевиков – словом, не вдаваясь в суть истории Адонирама и «тайны беззакония», подтверждаю вместе с многими историками, что все европейские революции были тщательно подготовлены и осуществлены с железной последовательностью масонскими ложами разных систем обрядов и послушания, деятельность которых, однако, направлялась из единого центра, скрытого от глаз человечества в течение многих веков.

Ныне никто не отрицает, что Временное правительство русской Февральской революции полностью состояло из масонов.

Известно, что, придя к власти, большевики запретили в завоеванной ими России все масонские ложи, оставив лишь безраздельное господство своей, победившей. У западных исследователей я читал, что, например, Ленин, Горький, Луначарский, Бухарин и другие были приняты еще до революции в ложу «Великого Востока» – ту ложу, с которой обычно связывают всех участников так называемой великой Французской революции.

* * *

О ликвидации крестьянского сословия России (под видом «ликвидации кулачества как класса»), о миллионах заключенных и погибших в подвалах ЧК – ОГПУ написано немало. А садистские пытки и зверства над православным русским духовенством и верующими мирянами? Кровь стынет в жилах... Кое-что к этому из своего жизненного опыта и встреч с людьми тех приснопамятных лет добавлю и я. Еще и на моей памяти – факты ожесточенной борьбы с «социально чуждыми элементами». Напомню лишь, что их дети вплоть до 1936 года не допускались во все высшие учебные заведения либо изгонялись из них. Был создан вакуум. Так что до самой войны не из русских, а из нового «советского общества» формировалась интеллектуальная и художественная элита советской страны.

Не забыть мне рассказ врача К. М. Дубровского, любимого ученика Бехтерева, отсидевшего более четверти века в сталинских лагерях смерти. Он был изгнан из Ленинградского университета за принадлежность к дворянскому сословию и вынужден был работать санитаром «скорой помощи». В декабре 1925 года раздался звонок: «Скорая помощь»? Звонят из «Англетера». Приезжайте срочно. Повесился Сергей Есенин». «И вот, Ильюша, – рассказывал он мне, – я первым вошел в номер и понял, что это не самоубийство. Следы борьбы говорили о том, что он не хотел расставаться с жизнью». Помню, как уже в годы перестройки на вечере «Огонька», который тогда возглавлял уже не Софронов, а Коротич, наполненный до отказа зал взорвался возмущенным недоверием, когда я сказал об убийстве поэта. В «большевистской империи» умели прятать концы в воду, не только уничтожая миллионы, но и отдельных известных людей страны.

Но почему же «прогрессивные» деятели культуры Европы и Америки в довоенные годы захлебывались от восторга и восхищения деяниями Сталина? А какие звонкие имена! Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Луи Арагон, Андре Жид, Анри Барбюс... Словно соревнуясь друг с другом в словесной лести, они сообща создавали лживый образ «вождя народов», которому беззаветно преданы счастливые граждане его страны – строители нового социального рая.

Поразительна в своей лжи изданная у нас до войны огромным тиражом книга Фейхтвангера «Москва. 1937». Неужели ее мог написать автор «Лженерона», «Испанской баллады», «Гойи»? С удивительным пониманием и одобрением он пишет о знаменитых сталинских процессах над «врагами народа». Невольно возникает вопрос: его «Москва. 1937» не была ли выполнением политического заказа тех, кто организовывал нашу революцию, кто руководил и руководит миром?

Диву даешься, как Фейхтвангер не только восхищается мощью сталинских пятилеток, неузнаваемо преобразующих «нищую лапотную Россию», но и личной скромностью великого вождя. Писателя-антифашиста особенно поразило, что именно сталинская скромность не позволяет ему запретить многочисленные выражения всенародной любви: плакаты, бюсты, картины, песни и памятники.

Раздумывая над тем далеким, но и таким близким временем, сегодня все яснее понимаешь, что все эти восторги деяниями Сталина, поток похвал тому новому миру «социального счастья», который он строил, были продиктованы не политической наивностью, а животным страхом европейской и американской демократий перед стремительно растущей военной мощью Третьего рейха и его союзников – Италии и Испании.

Гитлер не скрывал от всего мира, что своей первейшей задачей он считает расширение жизненного пространства для немцев за счет восточных русских земель, завоеванных «иудомасонским большевистским интернационалом», мечтающим о мировом господстве.

Именно поэтому весь «прогрессивный мир» уповал на Сталина как на единственного избавителя от «коричневой чумы» и жаждал скорейшей схватки двух великих государств, пре-

красно понимая, что после нее и Германия, и Россия – СССР будут лежать в руинах, потеряв миллионы своих граждан.

В то время как США и Англия отказались принять еврейских беженцев, спасавшихся от фашистского террора, Советский Союз незадолго до войны и сразу после ее начала спас от уничтожения два с половиной миллиона евреев. Даже ярый антисталинист, функционер коминтерна троцкист Исаак Дойчер вынужден был признать, что они «таким образом были спасены от нацистских концентрационных лагерей». И далее он подчеркнул: «Об этом еврейская националистическая и сионистская печать часто забывает...» Не могу не добавить, что и наша «демократическая» печать сегодня тоже предпочитает замалчивать это.

После выигранной победоносной войны с мировым фашизмом Иосиф Джугашвили окончательно уверовал в свое личное не только советское, но и мировое могущество.

Он снова, как и до войны, задумал серию политических процессов: закрыл еврейский антифашистский комитет, расстреляв замечательного актера Соломона Михоэлса и талантливого поэта Переца Маркиша, а затем развернул яростные кампании против космополитов и «врачей-убийц».

Помню, как у нас в институте на лекциях и комсомольских собраниях клеймили низкопоклонство перед Западом, зачитывали статьи из газет, в которых сообщались подробности убийства лечащими врачами Горького, Фрунзе, Жданова... Честно говоря, мы, погруженные в работу в своих институтских мастерских, не очень вникали в смысл всех этих шумных событий.

Помню, в то время я с моим другом копировал «Афинскую школу» гениального Рафаэля, поражаясь дару композиции и безошибочному чувству гармонии почти нашего ровесника. От лжи официоза мы отгораживались стеной любви к ушедшей правде классики.

– Ты знаешь, – сказал мой друг, – как все-таки был прав Врубель, сказавший: «Только реализм родит глубину и всесторонность».

Было уже поздно. Возвращаясь домой на десятом автобусе, мы вдруг услышали голос кондуктора: «Следующая остановка – кинотеатр «Свет». Мы переглянулись: ведь еще вчера он носил имя Эдисона! Подойдя к нашему дому, мы увидели в летящих хлопьях снега при тусклом свете уличного фонаря на стене старого здания электротехнического института новую мемориальную доску: «Здесь жил великий русский изобретатель радио А. С. Попов».

Мы стояли на промозглом ветру напротив Ботанического сада. Вокруг не было ни души. Друг сказал мне:

– Я слышал вчера, как отец со своим другом-профессором шептался на кухне: «Сталин плохо кончит», – он испытующе посмотрел на меня. – Существует тайное мировое правительство, которое после революций обычно ставит над побежденным народом диктатора другой крови. Ему чужого народа не жалко. А в конце концов, когда его руками дело сделано, его убивают и все преступления на него велят – он один виноват. Кстати, твой любимый Наполеон ведь тоже был для французов иностранцем, или, как говорили в России, «инородцем», над его ужасным корсиканским акцентом в школе смеялись. Аркольский мост, переписка с Робеспьером... Великий честолюбец, бывший якобинец, изменив революции и тем, кто ее вершил, провозгласил себя императором, обрушился на Россию, мечтая о создании всемирной империи. Столкнувшись в роковой схватке с русским сфинксом, задыхаясь в дыму пожара Москвы, он процедил тогда сквозь зубы: «Это скифы... скифы...» После вступления русских войск в Париж были остров Эльба, Сто дней и позор Ватерлоо и, наконец, английская тюрьма Святая Елена, где он и умер странной смертью в полном одиночестве и забвении.

– погоди, – возразил я. – А разве кто на Сталина что-нибудь валит?

– Когда уберут, все на него одного и свалят, попомни это, – ответил Костя.

Придя домой, я долго не мог заснуть, потрясенный словами друга. Они вспомнились мне сразу же, когда 5 марта 1953 года передали сообщение о смерти «вождя народов». Бесспорно

одно: Иосифу Джугашвили дали беспрецедентную в истории власть диктатора, не ограниченную никакими законами, как и его учителю Ульянову-Ленину, во имя уничтожения исторической России и превращения ее в несокрушимый плацдарм Коминтерна. Окончательное решение «русского вопроса», как и геноцида других народов, входящих в состав бывшей империи, переименованной в СССР, остановила Вторая мировая война.

Дорогой читатель, чувствую, что мне пора остановиться в политических характеристиках своего времени, но не могу не напомнить о той атмосфере моего детства и юности, которая окутывала мою жизнь. Я писал свою книгу для того, чтобы рассказать о детстве, о моем становлении как художника, о мучительно трудных годах учебы, о первой выставке, о тех людях, которые любили и ненавидели меня, о моем познании России, о воле к преодолению и о сознании смысла своего бытия и миссии художника.

* * *

После смерти Джугашвили построенную им пирамиду власти стали медленно разваливать. Началась холодная и лживая хрущевская «оттепель». При нем безжалостно сносились памятники древнего зодчества – краса и гордость уцелевших русских городов. Подсчитано, что «богоборец Хрущев» уничтожил больше церквей и монастырей, чем Ленин и Сталин. Я помню и всеобщее возмущение, когда Хрущев, любящий щеголять в украинской рубашке, «подарил» бывшей братской республике исконно русскую землю – Крым. А ведь это было только начало...

Развенчивая своего бывшего вождя и открывая ворота Архипелага ГУЛАГ, Хрущев начал штурмовать небо. Радостно потирая руки, на многочисленных приемах он не раз повторял: «Наш Юрка Гагарин всю Землю за час сорок восемь минут облетел, но нигде никакого Бога не увидел». Мне позировал Юрий Гагарин вскоре после полета. Запомнились серо-голубые глаза первого в мире космонавта, его открытая улыбка русского солдата. Он сказал мне свое знаменитое: «Поехали! У меня в распоряжении 15 минут. Вызывают к Никите Сергеевичу».

Мельком взглянув на портрет, протянул уважительно: «Похож!» Он поставил в правом углу свой четкий автограф и пометил: «1961 год, апрель».

* * *

Будучи студентом пятого курса, я получил Гран-при на Международной выставке молодых художников в Праге. А в 1957 году в Москве, в ЦДРИ, была открыта, после долгих колебаний дирекции, моя первая выставка, на обсуждение которой пришло столько зрителей, что был вызван наряд конной милиции. Западная пресса назвала ее «ударом ножа в спину соцреализма». Мне было тогда 26 лет. Я впервые ощутил любовь народа, злобную ненависть официальной критики и тех, кто, исповедуя партийную идеологию лжи соцреализма, был против моей правды жизни, считая Достоевского мракобесом, не приемля любовь к вечной России. Вернувшись в Ленинград, я получил «тройку» за диплом и был распределен учителем черчения сперва в Ижевск, потом в Иваново. Так я был изгнан из родного города и переехал в Москву, где у меня после выставки появилось много друзей.

Оказавшись в столице в положении лимитчика без прописки, живя из милости в кладовке большой коммунальной квартиры, я наткнулся на непробиваемую стену враждебного небытия. В моей работе «Стена» я выразил это чувство неприкаянного одиночества: холод, снег и почти невидимое из-за нескончаемой стены таинство небесного сражения, а у ее подножия – ничтожно малая фигура отчаявшегося, никому не нужного человека...

Война выявила и создала новое поколение патриотов-государственников. Многие вернувшиеся с фронтов победители, овеянные славой, были назначены на ответственные посты

как в политике, так и в культуре. Говорили, что они были совсем не похожи на довоенные кадры. Некоторые протянули мне руку помощи – и среди них я с особой благодарностью вспоминаю главного редактора «Огонька» Анатолия Владимировича Софронова. Благодаря ему я не умер с голоду, получая заказы на иллюстрации к произведениям великих русских писателей.

* * *

Могучая и добрая рука автора Гимна Советского Союза Сергея Владимировича Михалкова вытащила меня из житейской и политической трясины. Несмотря ни на что, я продолжал свою борьбу за право идти своим путем – путем русского художника, верного традициям нашей истории и культуры.

Выросший в Петербурге, овеванном духом Серебряного века, только в Москве я стал окончательно русским. В древней столице России для меня открылся мир допетровской русской православной цивилизации – соборы Кремля, священные стены Троице-Сергиевой лавры, хранящие имена святого подвижника Сергия Радонежского и Андрея Рублева, покоряющая могучая красота Ростова Великого, Суздаля, Владимира, Ярославля, тишина и бескрайние просторы русского Севера с его дивными деревянными храмами, где еще помнят древние былины, где до сих пор старушки вышивают на праздничных полотенцах древнеарийский символ Солнца – свастику.

Судьбоносным моментом в моей жизни художника стало приглашение приехать в Рим, с которым обратились к советским властям всемирно известные Лукино Висконти, Федерико Феллини, Джина Лоллобриджида, Джузеппе де Сантис, Эдуардо де Филиппо. Вернувшись после шумного успеха моей итальянской выставки в Москву, я был наконец принят министром культуры СССР Фурцевой. Тогда, как и сегодня, у нас очень считались с мнением Запада, и я дерзнул попросить у министра выставку и еще чердак под мастерскую. Чердак в сорок квадратных метров я получил, а выставка состоялась в единственном не подчиненном Союзу художников зале Манежа, да и то в служебном помещении, с черного хода, но была закрыта через 5 дней по требованию партбюро МОСХа.

Много с той поры написал я картин, которые выставлялись – или не выставлялись – в советском государстве. Общеизвестно, какой грандиозный скандал и шумиху в мировой прессе вызвала моя картина «Мистерия XX века», написанная в 1976 году. В ней я хотел воплотить в конкретных образах свое понимание основополагающих идей, определивших судьбы XX века, – от Льва Толстого и Столыпина до Гитлера, Сталина, Хрущева и властителя дум тех лет Солженицына. Задумана она была в Париже в 1968 году, куда я приехал по приглашению Ива Монтана, Симоны Синьоре и графа С. М. Толстого с целью написания портрета президента де Голля. Я приехал в неудачное время, началась потрясшая Париж студенческая революция, когда строились баррикады, горели костры, вдребезги разлетались витрины, взрывались газовые гранаты. Сидя ночью в одном из знаменитых парижских кафе неподалеку от Сорбонны, я на спичечном коробке сделал эскиз будущей картины. Правда, она получилась потом гораздо больших размеров – 3 на 6 метров. Из-за нее меня хотели выслать из СССР, а итальянский журнал «Оджи» написал о «Мистерии»: «Картина, которую никогда не увидят русские». Но все-таки увидели! Правда, только через 10 лет: когда началась перестройка и так называемая гласность!

...Я ненавижу первую фазу советского «коммунистического искусства» – абстрактный авангард Пролеткульта 20-х годов, задачей которого было создание в искусстве сумятицы и хаоса, уничтожение нравственных и духовных ценностей нашей христианской цивилизации с ее греко-римской и византийской основой. Затем наступила вторая фаза того же «коммунистического искусства» – соцреализм, утвержденный Сталиным, поскольку пропаганда должна быть понятной народу и похожей на реальность.

Но нет худа без добра: для создания правдоподобной пропагандистской лжи сталинским большевикам понадобилось воссоздать реалистическую школу и возродить понятие картины. Это было поручено «советскому Давиду», ученику Репина Исааку Бродскому. Позднее была организована Академия художеств СССР, которую возглавил друг Сталина и Ворошилова Александр Герасимов, воспитанник императорского училища живописи, ваяния и зодчества.

Однажды, позируя для портрета, А. А. Громыко рассказал мне, что на одном из кремлевских приемов Алексей Толстой, вернувшийся из эмиграции, позволил себе заявить, что лучшие русские художники оказались в изгнании, а здесь, в СССР, остались и процветают средненькие таланты. Попыхивая трубкой, хозяин стола Иосиф Виссарионович обратился к Герасимову: «Что вы на это скажете, товарищ Герасимов?» Находчивый глава советских художников, не моргнув глазом, тотчас же ответил: «Совершенно согласен, товарищ Сталин. Большинство наших художников действительно плевенькие, второй сорт. Да и в литературе-то не лучше. Правда, есть Толстой, но ведь не Лев». Сталин был очень доволен ответом и разрешил даже закурить Герасимову.

К сожалению, и А. Толстой, и А. Герасимов были правы: десятки лучших русских художников, именами которых гордилась Россия, вынуждены были покинуть Родину, а творческий путь многих из них до сих пор предан забвению. Я помню, как меня пятнадцать лет издевательски не принимали в Союз художников, в том числе за мою любовь к «эмигрантской своре» «дворянско-монархического» объединения художников «Мир искусства». И пропаганду православной церковности. Статьи наших искусствоведов тех лет были политическими доносами, преследующими цель уничтожить меня как художника.

* * *

Мне, как и многим, памятно то время, когда под видом строительства образцового коммунистического города стиралась с лица земли древняя столица русского народа Москва. Как известно, генплан 1935 года, создателями которого были Сталин и Каганович, проводился с лютой беспощадностью. Годы войны приостановили эту акцию погрома русской столицы. После моей первой выставки я вынужден был ютиться в Москве, обреченной на тотальный снос и разрушение уже Никитой Хрущевым. Никто не собирался строить на месте взорванного Храма Христа Спасителя Дворец Советов. Вместо него был сооружен, как известно, бассейн. Но, словно набухшие кровью, красные линии будущих проспектов и магистралей довоенного генплана безжалостно продолжали уничтожать кварталы, улицы и святыни бывшего Третьего Рима – Москвы, считая, что центром Москвы ныне стал бассейн. Всех тех, кто были против этого плана, называли врагами, мешающими строить «лучезарный город будущего».

Помню, как Нина и я сидели на самом верху старого московского ресторана «Прага». Перед нами расстилалась панорама Москвы. Розовые облака казались неподвижными. В вечерней дымке сверкал купол Ивана Великого. Именно тогда мы с особой болью осознали всю преступность уничтожения нашей древней столицы и поклялись, несмотря на наши ничтожно малые силы, сделать все возможное, чтобы остановить погром. Так началась моя битва за Москву.

Мною был создан молодежный клуб «Родина», который всколыхнул национальное сознание в разных сферах и слоях общества. Его деятельность была пресечена КГБ, под предлогом «борьбы с антисоветизмом, переходящим в шовинизм». Читатель этой книги узнает правду о том, как, кем и когда, но уже при Брежневе, было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Я расскажу о тех героях и подвижниках, благодаря усилиям которых не удалось осуществить тотальный снос Москвы и план построения на его месте нового образцового коммунистического города, ставшего бы примером для других городов России по уничтожению древней исторической застройки. Каким он должен быть, читатель

может судить хотя бы по «архитектуре» Калининского проспекта, который ныне называется Новоарбатским. Нам удалось спасти многое. Например, я, художник А. А. Коробов и реставратор Антропов отстояли ныне красующийся храм XVII века Симеона Богоприимца, где венчалась когда-то с Шереметевым Параша Жемчугова, а уже на моей памяти в мерзости запустения работала лудильная мастерская.

Позднее три года своей жизни я отдал созданию музея народного искусства в Царицыне, возрождению дворца, тогда лежавшего в руинах среди вековых деревьев старого заброшенного парка.

* * *

Кто из нас не задавал себе вопроса о древности славянского племени: откуда оно пришло и какова его роль и судьба в мировой истории?

В моей книге читатель найдет немало исторических сведений, выдержек и цитат из трудов подлинных, но старательно вымаранных из нашей памяти не только русских, но и европейских историков. История – такая же неотъемлемая часть моей жизни, как и живопись.

В поисках ответов на вопросы об истинной истории нашего народа мне приходилось долго и трудно продираться сквозь колючую проволоку псевдоученой лжи, обрекающей нас на потерю исторической памяти, навязывающей нам взгляд на русских как на «неполноценную» нацию и на Россию как «тюрьму народов». И сегодня, в период мнимой свободы мнений и диктатуры «демократических свобод», мы по-прежнему ощущаем на всей исторической науке все тот же намордник антирусизма и глумления над нашим прошлым. После октябрьского переворота наша история, распятая марксизмом, перестала быть наукой и стала идеологией.

В самом деле: почему, например, славяне, часть древнего арийского мира, как будто упали с неба, появившись «внезапно» на страницах истории только с VI века после Рождества Христова? Как будто и не имеет к нам никакого отношения санскрит (столь близкий русскому языку), на котором написаны священные книги Ригведа и Авеста, донесшие до наших дней поэтические воззрения на природу наших далеких праотцев-арийцев, их веру в единого всемогущего Бога. Наука XX века утверждала, что география Ригведы и Авесты мифична, как и сами страны арийские. Читатель узнает, где была прародина великой индо-европейской расы и почему эта раса разбрелась по всему миру. Я постараюсь в меру сил вернуть мировой науке величайшее открытие русского гения конца XIX века, обреченного до сих пор на забвение.

Научный мир и читатели должны узнать о жизни наших праотцев в шестнадцати арийских странах, окаймленных горными вершинами числом 2244. И это не миф, по утверждению всех ученых, а реальность! Замечу кстати, что древняя Троя долгое время считалась вымыслом слепого поэта Гомера – до тех пор, пока житель Петербурга немец Шлиман не доказал реальность бытия легендарного города, из которого вышел Эней – основатель великого Рима.

Немногие историки признают, что падение грозного Рима в 476 году после Рождества Христова, ознаменовавшее начало новой исторической эры – Средних веков, связано с вождем вовсе не немецких, а славянских дружин русина Одоакра, который покорил Рим и 14 лет правил Вечным городом, о чем свидетельствует итальянский историк XVI века Мауро Орбини. А величайшим императором Второго Рима – Византии был сын славянского крестьянина с Балкан по имени Управда, вошедший в мировую историю как Юстиниан Великий. Это он воздвигнул всемирно известный храм в Царьграде, святыню Православия – храм Святой Софии, Премудрости Божией и создал знаменитый Кодекс Юстиниана, лежавший в основе юриспруденции большинства стран мира.

А помним ли мы, что нашими прямыми предками-славянами были прибалтийские и адриатические венеты (венды, веныды)? Они не только построили самый загадочный город в

Европе – Венецию, но и отмечены многими славными деяниями в истории человечества. Не случайно в скандинавских странах по сей день Россию называют страной вендов.

* * *

Когда мне довелось побывать в Израиле, я не мог попасть в Галилею из-за снежных заносов. Меня поразило, что Христос ходил по снегу.

Считая себя сыном Русской Православной Церкви, я, многогрешный раб Божий, даже в тайниках души своей не дерзаю вторгаться в таинства богословия, но стремлюсь осмыслить чудо земной жизни Христа и понять, почему именно древние русы, внуки Дажьбога, создали в течение веков великое православное государство, называемое по праву во всем мире Святой Русью. Более того, христианство, исповедуемое нашими предками и нами, Православие – и есть Богооткровение через Сына Своего галилеянина Христа, которое на протяжении вот уже двух тысяч лет пытаются исказить, вырвав из него пламя героического Духа, с подставлением щек для битья каждому обидчику. Или, как любил проповедовать сбитый с панталыку мировым масонством гениальный русский писатель Лев Толстой, «не противьтесь злу силою», разоружитесь и не сопротивляйтесь. Противиться злу надо именно силой!

Я не понимаю тех, которые называют себя русскими патриотами, а на деле присоединяются к бушующей иерусалимской черни, требующей распятия Спасителя. Только Православие, зажженное от лучей византийского солнца, несет в себе неугасимый свет истины и спасения. Исказить и принизить Православие – это значит уничтожить историю многовекового бытия русского народа, устоявшего в борьбе с полчищами разноликой азиатской Орды и нашествием многих завоевателей.

Хотелось бы также напомнить, что галилеянина Иисуса Христа сопровождали, внимая ему, люди Десятиградия, населявшие греческие города Палестины, где главным был Скифополь, основанный нашими предками во время их похода в Египет. Именно здесь, на Святой земле, рыбак Андрей был первым призван на великое апостольское служение. Это он, Андрей Первозванный, после распятия Сына Божьего получил в жребий Скифию и стал первокрестителем славяно-россов – от Херсонеса до северного Валаама. Это было в I веке от Рождества Христова, а в IX веке Православие утвердилось в Киевской Руси равноапостольным князем Владимиром.

* * *

Сколько раз я пытался воплотить зримо, на холсте образ Христа Спасителя. Всю свою жизнь, с трепетом и благоговением, напрягая все силы веры и души моей, я тщился приблизиться к Его Божественной тайне.

Знаменитый Стоглавый собор при Иване Васильевиче Грозном повелел писать Христа, как писал Его преславный иконописец Андрей Рублев, причисленный к лику святых. По-разному оценивали его «Троицу», написанную в похвалу отцу Сергию Радонежскому и в преодолении ненавистной розни мира сего. Но бесспорно одно: для всего человечества это не просто великое произведение искусства, а сокровенный символ русской христианской цивилизации. Несмотря на античную простоту своей композиции, содержание и смысл великого творения Андрея Рублева не могут быть до конца разгаданы: трудно нам, грешным мирянам, постичь ее тайну. Сколько раз, преисполненный волнения и восторга, я стоял перед «Троицей», любясь небесной лазурью, которой светится плащ Бога Отца, восседающего в центре. Словно из той же лазури соткан, как небо, и хитон Сына Божьего, облаченного в зеленый покров, будто трепещущий на ветру, как весенние русские леса и поля. Воистину Богочеловек!.. Меня так мучает, что я долгое время не провожу на церковных службах, хотя всю свою жизнь стараюсь

исполнять заветы Христовы: возлюби ближнего своего как самого себя, не убий, не укради... Главное – блажен тот, кто положит жизнь свою за други своя. Я свято верю, что только в Нем – Путь, Метина и Спасение.

Сын Божий сказал: «Аз Есмь Жизнь». Эта вера Христова дала России святых, праведников и героев духа. В меру отпущенных мне Богом сил и разума, я как мог стремился выражать самосознание моего народа, стараясь в глухие, интернационально-беспамятные советские годы будить в своих современниках сокрытое в каждом чувство любви к Богу и Отечеству.

* * *

Не могу забыть с детства памятный Волхов с гребнями волн и былинные облака, летящие над древними стенами крепости Ладога, овеванными именем Рюрика – внука славянского новгородского князя Гостомысла. По сей день многие даже серьезные историки считают за аксиому расистские бредни немецких ученых XVIII века, приглашенных в Петербург «делать русскую науку». Презирая славян и Россию, не зная русского языка, они утверждали, что Рюрик был шведско-германским конунгом. Норманизм – это политическая идеология, а не наука, это расизм.

Работая над триптихом «Рюрик и его братья», матерью которых была Умила, дочь Гостомысла, я все глубже понимал их роль в русской истории и все больше проникался ненавистью к «норманнской теории» – многовековой лжи, против которой выступал еще гениальный Ломоносов.

Я хотел бы, чтобы читатель моей книги задумался над всем тем, что явилось результатом моего многолетнего, многотрудного стремления докопаться до исторической правды многотысячелетнего бытия нашего народа. Я хотел бы вернуть русским то, что в нашей славной истории фальсифицировано, украдено и растоптано. Вот чем будет вызвано обилие исторических документов, материалов, извлечений из нарочито забытых трудов наших великих историков, с которыми я считаю своим долгом познакомить заинтересованного читателя.

* * *

Я расскажу о своем понимании миссии художника, обязанного быть жрецом национального духа и самосознания народа, огонь которого не иссякая горит в лампаде пред ликом Божиим, как говорил Васнецов о смысле творчества и назначения своего искусства.

...Вновь и вновь встают в памяти годы учебы в средней художественной школе и институте имени Репина, наполненные отчаянием и надеждой восторга, когда я, живя только искусством, стремился раскрыть смысл и суть сокровенного понятия «классика», что по-гречески значит – «совершенство». Я начал постигать ненужность вдохновения без мастерства, то есть умения воплотить замысел «не руками истерика, – говоря словами М. А. Врубеля, когда-то учившегося в этих же стенах, – а твердыми руками ремесленника». Здесь мы постигали простую и великую истину: художник – это непреклонная воля и упорный нескончаемый труд. И еще – постоянное сознание своего несовершенства перед совершенством мира и дерзостью его воплощения человеком. Мне суждено с той поры идти путем преодоления несовершенства. Этой Голгофой каждого русского художника. Так говорил последний великий православный живописец Нестеров. До сего дня я считаю, что служение искусству невозможно без школы высокого реализма. Без этой школы не может состояться художник – он навсегда останется или дилетантом, или мистификатором.

В одиночестве жизни так необходима воля и уверенность в своем избранном пути. Трудно всегда плыть против течения...

Основополагающие годы учебы... Мучительное и восторженное томление над рисунком: свет, тень, полутон. Тоновой рисунок – это растяжка тона от светлой точки блика до самой темной на античных гипсах или на голове натурщика. А в живописи – поиски ускользающей гармонии натуры в правдивой передаче отношения цвета. Окрашенный тон – это есть живопись, выраженная в понятии слова «колорит». Неожиданная и долгожданная радость находок в композиции, над которой я трудился долгие часы, памятуя о заветах старых мастеров. Уже тогда я понял, что жизнь художника – это мучение и радость, когда только вера в свои силы преодоления формирует личность художника. Порой вскипали слезы горечи, отчаяния и неверия в свои силы, но внутренний голос говорил: «Ты должен и можешь преодолеть». Практику, еще будучи учеником средней художественной школы, я проводил под Лугой или на Волге, путешествуя в трюмах пароходов. Каких разных людей приходилось рисовать!.. Реальная правда современного мне мира России обступала меня и так не была похожа на идеологическую ложь советского искусства. Дома на Петроградской я проглатывал книги и вел дневники при свете одинокой свечи, борющейся с синевой белых ночей.

В те трудные, но прекрасные годы познания, несмотря на каждодневные внушения о социализме как высшем методе утверждения правды жизни (и обязательно «в ее революционном развитии»), я упорно шел своим путем, постигая таинство мастерства. Но я благодарен многим моим учителям, Эрмитажу и Русскому музею, которые учили нас понимать и изучать реальную жизнь.

...Помню, однажды, когда я был студентом, мой друг отозвал меня в сторону к окну гулкого и высокого академического коридора. Лил дождь, бесшумно струясь по стеклам. Он сказал мне:

– Мы с тобой проучились три года – я больше не могу. Ухожу.

– Почему? – удивился я, глядя в его грустное лицо.

Рудольф ответил;

– Не могу больше жить в этой лжи. Как говорил Иван Карамазов, возвращаю билет обратно, только не Богу, а нашему ректору – Орешникову. Не хочу быть социалистом. Ты же слышал, какую тему нам сегодня объявили...

– «Молодые ремесленники в гостях у славных путиловцев», – подхватил я и продолжил, – но ведь мы с тобой в этих святых стенах не для подобных композиций. Вот по этим ступеням ходили твой любимый Врубель и Иванов. И кто тебе мешает, придя домой, делать то, что ты хочешь, а здесь – работать над натурой? Ты же сам говорил, что тебе нужна школа. Врубель учился у Чистякова, а нам преподает его последний ученик Платунов, как и другие «недобитки дореволюционной школы». Как-никак, а здесь еще жив дух Императорской академии. И будет жив, пока мы учимся и любим все это.

На следующий день в рисовальном классе он, наклонившись ко мне, шепотом сказал;

– Я остаюсь. Ты меня убедил. Будем преодолевать, веря в свое.

Год от года для меня все более широко открывалась тайна творчества, суть которой составляют два понятия: что и как. Сюжет и замысел диктуют и определяют форму любого произведения искусства, в том числе картины. Ее нет и быть не может без сюжета. Вне таинства рождения образа в душе художника. Если у творца нет за душой «что», нет образа, то самые изощренные искания формы «как» – останутся всего лишь прикрытием творческой пустоты и амбициозных вывертов «самовыражения» художника. Не существует искусства без сюжета, как нет реализма в искусстве без отбора и обобщения деталей, создающих подлинно художественную форму.

Антипод реализма – ремесленный натурализм, когда художник превращает себя в фотоаппарат. Антитеза натурализма абстрактное формотворчество. Это две стороны одной медали.

Главное – это тон, окрашенный тон есть живопись. Мы научились понимать, что означает «пятно» – в тоне и цвете, когда линия в природе существует лишь как граница разных по своей

тональности цветовых и тоновых «пятен». Красота цветового пятна, продиктованная замыслом художника, сравнима лишь с воздействием симфонизма мелодии в музыке. Суриков говорил: «Есть колорит – художник, нет колорита – не художник». Я изучал это вначале на японских гравюрах у Хокусая и Утомаро, восхищался графикой Ивана Билибина, до того как открыл для себя сокровенный мир гармонии и духовности русской иконы.

Некоторые из моих товарищей называли искусство великих художников Ренессанса католической живописью, видя в иконе единственный путь, характеризующий русского художника. Меня это ввергало в недоумение и тяжкие раздумья. Потрясенный великим реализмом и жизненной правдой Веласкеса, Тинторетто, Тициана и Веронезе, я так же восхищенно преклонялся перед Суриковым и, с моей точки зрения, самым православным русским художником Михаилом Васильевичем Нестеровым. А ведь Васнецов, Нестеров, Суриков, Кустодиев и Рябушкин так далеки от формы умозрения в красках – иконы, равной по церковным канонам молитве и объяснению Священного Писания для тех, кто не умеет читать. Эти раздумья, на которые я нахожу и не нахожу ответа, мучили меня с юности и по сей день.

Вершиной высокой классики, образцом реалистической картины для меня остается «Афинская школа» великого Рафаэля. Она полна не поддающихся холодному разуму поэтических форм и мыслеобразов, выраженных в сплетении фигур, виртуозном совершенстве композиции. Это поистине симфония на холсте, в которой волею художника выстраиваются поэтические образы, не копирующие, а одушевляющие и возвышающие реальность. Вообще, картина сродни не только поэзии, но и музыке, когда композитор из хаоса звуков создает гармонию человеческих чувств. Повторю: картина, настоящая картина есть чудо искусства, выстроенное по законам композиции, полное рифм и ритмов, таинства пропорций и цветовых пятен, целостных художественных образов. Увы, сегодня реалистическая картина близка к гибели, ее завалил мусором хаоса и произвола так называемый «авангард современного искусства»...

К сожалению, XX век – это век их победы авангарда, когда им удалось на руинах нашего мира построить «антимир», который мы не приемлем. Уничтожая критерии в искусстве, уничтожают силу, суть и понимание искусства.

С точки зрения этого «антимира» слава к художнику приходит только после его смерти. Лукавые дилетанты и обманщики, они будто не знают, что раньше, до XX века, художников ценили именно при жизни, и время только множило их славу. Вспомним Пушкина или Достоевского, Рафаэля и Микеланджело, Тициана и Сурикова, Моцарта и Римского-Корсакова, Шаляпина и Джильи. Список великих, к счастью, бесконечен. Но минувший век, сломав все, принес свои, рыночно-рекламные понятия успеха художника. Подлинная ценность творчества уступила место идеологическим критериям и золотому тельцу, а само искусство сделалось служанкой политики и купленной ею скоротечной моды. Разумеется, речь идет о господстве глобальной тенденции, которая, к счастью, не сломала подлинных художников, сумевших вопреки всему сохранить свою творческую индивидуальность. Но таких, увы, единицы...

Именно верность школе и критериям в искусстве побудила меня, в свое время возглавить мастерскую портрета в институте имени ¹ Сурикова, а затем создать Российскую академию живописи, ваяния и зодчества, которая ныне носит мое имя, и является последним оплотом великого европейского, русского искусства в наши больные авангардом годы. Один из художников нашей академии сформулировал четко: «Академия Ильи Глазунова – это национальная безопасность российского искусства!»

Бесспорно высшая форма литературного творчества – роман. В живописи – картина многофигурная, сложная, многоплановая, немыслимая без сюжета и раскрытия в образах его содержания. Есть художники-прозаики, а есть художники-поэты: например, Репин или Рембрандт – прозаики, Веронезе или Врубель – поэты. Как научить понимать разницу между, например, скульптурным портретом Древней Греции и Рима, скульптурой Микеланджело или отформованным в гипсе слепком с руки человека? Красота художественно-образного видения

мира прямо противоположна мертвому правдоподобию слепка или равнодушной фотофиксации псевдореализма. Не случайно великий учитель многих русских художников П. П. Чистяков говорил: «У нас верно, да скверно!», призывая учиться у старых мастеров, изучая объективную реальность гармонии Божьего мира, лежащей в основе искусства всех времен и народов. Работа с натуры – это форма, цвет и рефлекс. Это антимузейное, личное восприятие художником солнечного мира, осеннего леса и такого белого в богатстве цвета снега. Этюды Иванова к «Явлению Христа...» предвосхитили все открытия импрессионизма – непосредственной передачи натуры. Если Энгр говорил, что рефлекс в живописи – это господин, стоящий в дверях и готовый уйти в любую минуту, то импрессионисты утверждали, что все в мире есть рефлекс. Рефлекс – это влияние среды. Русские художники конца XIX века с времен Иванова, не говоря уже об испанце Веласкесе, умели передавать красоту живой ткани мира, напоенной нюансами рефлексов. Утверждаю: только тот художник, кто передает всю сложность и красоту натуры, учась у старых мастеров, кто пройдет школу, которая всегда консервативна. Только так молодой художник с гордо поднятой головой и своей неповторимой творческой индивидуальностью войдет в мир через ворота искусства. А в современном мире его ждут вековые искушения и соблазны: быть или не быть художником. Борьба за возрождение школы высокого реализма, разрушенной во всем мире, – это борьба за будущее культуры. Это и есть гуманитарная помощь России миру. Антитеза школы – пресловутое самовыражение. «Историю современного искусства» всегда начинают с Сезанна, учившего видеть мир как куб, конус и шар. Я считаю эту догму вехой к смерти искусства XX века. Сезанн – это Маркс с его смертоносным делением общества на классы.

Так что же мешает художнику быть художником?

...И сказал Господь: «Много званных, да мало избранных». Тема «учитель и ученики» – огромна, и я не мог не затронуть ее в своей книге-исповеди.

Историки искусства справедливо уделяют много внимания понятию преемственности в отношениях учителя и ученика. Верные ученики не изменяют основополагающим идеям школы и заветам учителя. Но прав и Микеланджело, сказавший, что тот, кто идет за кем-то, всегда будет второй. А другой великий художник был тоже бесконечно прав, сказав, что гений воспитывается на подражании. Весь вопрос – кому подражать? XX век утвердил и в искусстве право на предательство, назвав его «современным искусством».

Оговорюсь сразу, что, говоря о предательстве, я имею в виду самую страшную суть этого понятия: когда человек, а мы говорим о художнике, предает в силу тех или иных обстоятельств самого себя. Предательство страшно тем, что художник, попирая святыне и незыблемые истины творчества, перестает быть художником, меняя на чечевичную похлебку свой Божий дар миссионера и творца, когда ненужным тленом становится что и как. Предательство – когда художник, изменяя себе, на деле становится рвущейся к карьере и материальным благам конъюнктурщиком. Разумеется, общеизвестно: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Предательство – это продажа вдохновенья, что так же пагубно, как и столь модные в XX веке «поиски» художников, а ведь нельзя искать то, чего не терял. Наши учителя, великие художники прошлого, не искали, а находили и, дорожа внутренней свободой своего творчества, в предложенных «социальных заказах» всегда выражали себя, не зная, что такое внутренняя и внешняя цензура! Высотой духа и мастерства художников определяются эпохи истории человечества. Великий французский художник прошлого сказал: «Ничтожная живопись принадлежит ничтожным людям». По истории искусства XX века в его основополагающих тенденциях «социальных заказов» наши потомки будут видеть все убожество вредоносной идеологии большинства политических заказчиков.

Какая пропасть лежит между заказчиками Корбюзье и заказчиками Парфенона, между заказчиками Кельнского собора и нью-йоркского Манхэттена, Лувра и современного зда-

ния ЮНЕСКО! Но, разумеется, искусство во все времена поддерживалось государством или такими меценатами, какими были Лоренцо Медичи, Александр III, Мамонтов или Третьяков.

Обобщая тему учителя и ученика и понятия предательства, не совместимого с героическим преодолением любых ситуаций, оставим в стороне личную боль и обиду каждого учителя, дарящего ученикам свои душевные порывы, знания, мастерство и любовь. Нам всем больно ощущать, как мало избранных, горько видеть взлелеянную смоковницу, которая, вырастая, не дает плода.

Еще в юности меня пронзили пушкинские строфы:

Как с древа сорвался предатель-ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Ахнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань гиены голодной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И Сатана, привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

И давно, еще будучи учеником, я подолгу рассматривал единственно любимые мною у Н. Н. Ге картины – «Выход в Гефсиманский сад», пронизанный таинством лунной ночи, и его «Иуду», одинокого и согбенного отчаянием своего предательства, смотрящего, как в темноте уводят на казнь преданного им Учителя.

Подлинный учитель тот, кто хочет и делает все для того, чтобы ученик превзошел учителя и пошел бы той единственной дорогой, которая достойна его неповторимой индивидуальности – неповторимого творческого «я».

На рубеже третьего тысячелетия в уводимом от Бога мире культура лежит в руинах. Как часто мы слышим о цивилизованных странах. Очевидно, что цивилизация XXI века в странах «демократии» свидетельствует о полной гибели культуры, когда ничто ничтожит в сыто-голодном муравейнике не нации, а населения, являя собой самое страшное шоу – а по-русски зрелище – наступившего духовного кризиса человечества. У нас было великое прошлое, а каким будет будущее? Велика и ответственна миссия не званых, а избранных художников, вступивших на Голгофу искусства нашего времени.

* * *

В детстве я мечтал стать театральным художником. Вспоминается, как впервые в жизни, еще до войны, после увиденных мною спектаклей «Суворов» и «Иван Сусанин» я был потрясен магией театрального действия и приступил к созданию своего домашнего театра, сценой для которого служила большая картонная коробка. «Артистами» на ней выступали нарисованные мною и наклеенные на картон герои 1812 года.

Думал ли я тогда, что мне придется работать в разных театрах России и Германии. Как жаль, что одна из самых великих опер – «Сказание о граде Китеже» Римского-Корсакова ныне вычеркнута из репертуара Большого театра. Нам с женой Ниной Виноградовой-Бенуа, замечательной художницей, выпала большая честь быть ее художниками-постановщиками. Во время «демократических» реформ и в театре победила вседозволенность бездарных реформаторов, уничтожающих классику.

О своем понимании миссии театрального художника и традиций, лежащих в основе триумфального успеха театральных Русских сезонов С. Дягилева в Париже, я расскажу в одной из глав моей книги.

Детство и юность мои протекали в торжественной строгости и красоте Царского Села, Павловска, Петродворца... По воле судьбы я, родившийся в Ленинграде – Петербурге, по-иному прожил бы свою жизнь, если бы меня не окружало с детства великолепие архитектурных ансамблей имперской столицы. Свое понимание задачи архитектора я выразил в создании многих кремлевских интерьеров.

Я имел в жизни только два государственных заказа. Первый – от Андрея Андреевича Громыко на проектирование и создание интерьеров посольства СССР в Мадриде. Второй – от Управления делами президента России Б. Н. Ельцина по созданию интерьеров 14-го корпуса, частично здания Сената и Большого Кремлевского дворца. Для меня было большой честью внести свой посильный вклад, создавая в Кремле его державные интерьеры. Какая творческая радость – создавать новое, уничтожая безликий обкомовский дух стен, обитых фанерными панелями! Какое счастье, будучи художественным руководителем, преисполняться гордостью за наших реставраторов, вновь восстанавливающих красоту Александровского и Андреевского залов Большого Кремлевского дворца!

Как известно, в 30-е годы на месте самой древней церкви Кремля – Спаса на Бору – силами заключенных было возведено пятиэтажное служебное здание так называемой зоны «Е», ставшее ныне неотъемлемой частью Большого Кремлевского дворца – «гостевым корпусом». Дворец был построен по указанию Николая I замечательным архитектором К. А. Тоном, которого Государь ориентировал на возрождение в архитектуре не греко-римских, а византийских традиций. Мне было ясно, что длинный советский коридор, граничивший с восстановленными парадными залами, к которым относится и славный Георгиевский зал, должен быть решен в стиле Тона, а каждый этаж служебного помещения я задумал преобразить в дворцовые анфилады. Зал памяти Николая I, другой этаж – славы русского оружия, памяти об Отечественной войне 1812 года, а верхний этаж, решенный в духе меншиковского дворца, посвящен блистательным победам основателя Петербурга – Петра Великого. Я уверен, что те поколения, которые будут жить после, с благодарностью помянут нас, тех, кто участвовал в этой грандиозной работе.

* * *

Жизнь моя сложилась так, что весь столичный мир открыл мне свое бытие, столь непохожее на наше, советское. Я побывал во многих странах Европы, Азии и американского континента. Остались в памяти, живут в душе образы прекрасной Италии; изысканные королевские дворцы Франции; мистический Толедо в Испании; священный мрамор Парфенона и синий простор Эгейского моря; самурайский дух одетых в бетон ультрасовременных зданий Японии; могучая коричневая водная стихия Меконга в буддийском Лаосе; непроницаемые ночные джунгли, озаренные огнем войны, во Вьетнаме и Никарагуа; человеческий муравейник громадного Нью-Йорка, небоскребы которого осеняет Статуя Свободы – символ господства Америки над миром с ее «новым мировым порядком» – глобальной демократией по-американски.

А сколько же самых разных, знаменитых и незнаменитых людей довелось мне повстречать и узнать в самых разных уголках мира – королей и президентов, премьеров и артистов, таксистов и строителей, студентов и генералов, секретарей ЦК и диссидентов! Мне позировали президент Италии Сандро Пертини, Лукино Вискоти и Фидель Кастро, Марио дель Монако и Индира Ганди, короли Швеции, Испании и Лаоса, латиноамериканские партизаны и вьетнамские ополченцы, и многие-многие другие.

Считаю нужным подчеркнуть: почти в каждой из стран Запада, где я бывал только по самым высоким приглашениям, меня уговаривали остаться, предлагая выбрать «свободу». Учитывая гонения, которым я тогда подвергся в СССР, любая из этих стран могла бы стать моей второй Родиной. Но я всегда знал умом и чувствовал сердцем, что такое страна пребывания, а что есть Отечество. Я могу жить только в моей России. И зарубежные поездки мои были прежде всего способом борьбы за мою независимость в своей собственной стране. И неслучайно, со слов одного иностранного журналиста, мои друзья и враги называли меня «послом русского народа в СССР».

Не счесть пресс-конференций, встреч и бесед, в которых мне приходилось участвовать и дома, и в других государствах.

Лондон. Открытие моей выставки в знаменитом Барбекан-центре. В первом ряду примостились два советских дипломата, не задававшие никаких вопросов, а только записывающие мои ответы. Усердствовал рыжеватый, средних лет английский журналист.

«Господин Глазунов, то, что вы не есть член коммунистической партии, мы поняли. Но я бы хотел спросить вас: верите ли вы в коммунизм и как его понимаете?»

Посольские буквально впились в меня глазами.

«С удовольствием отвечу, – сказал я. – Обычно во все времена и у всех народов, насколько мне известно, даже у англичан, родившись на свет, ребенок начинает выражать свое понимание мира: мой отец, моя мать, мой дом и т. д. Очевидно, что Карл Маркс, основоположник мирового коммунизма, считал, что может наступить такое светлое коммунистическое время, когда, появившись на свет, ребенок будет говорить: наша мама, наш папа и наши дома. Когда придет такое время, то это и будет означать, что коммунизм наступил».

Советские дипломаты крикнули, провоцирующий меня был вполне удовлетворен ответом, а кто-то даже заплодировал.

Вспоминаю мою выставку в Ленинграде, огромное скопление людей в зале. И, как всегда, задают разные вопросы. К микрофону потянулась рука молодого человека Густая шевелюра выющихся волос и горящие глаза, как у юного Троцкого: «Вот здесь многие называют Вас русским художником – не так ли? Тогда разрешите спросить, почему Русский музей в своей экспозиции современных художников никогда не показывал ваших картин?»

Мне он даже понравился своей искренней ненавистью.

«Это ясно всем, кроме вас. Русский музей давно перестал быть русским!» – ответил я. Зрители взорвались аплодисментами. Потом раздался громкий голос человека, который вырвал микрофон из рук задавшего этот вопрос: «Вали отсюда – иди в свой Русский музей и полюбуйся там своими Малевичами и авангардной мазней!»

К сожалению, только в Германии вышла книга «Художник и Россия», где напечатаны бесцензурные и бесконтрольные мнения зрителей с моих двух выставок. Иностранные социологи писали исследования о причинах любви и ненависти к моему творчеству. Американский социолог господин Краснов подсчитал, что 90 % – за Глазунова, а 10 % – против. Уточню, что зрители – это народ, то есть мы с вами – демос. Все можно купить, как известно, кроме любви народной, которая меня согревает и утверждает в том, что и один в поле воин, если он выражает самосознание миллионов.

Как и прежде, горстка наглых «комиссаров», нетерпимых и беспощадных к инакомыслию, считает себя «элитой». В наши дни, как и прежде, в советские времена, эта «элита» и ее подручные пропагандисты открыто презирают народ и все, что ему нравится, что для него дорого и свято.

Глубоко символичным явилось для меня открытие моей недавней новой выставки в Москве, а затем в Санкт-Петербурге на рубеже третьего тысячелетия.

Устроители заранее предупреждали меня: «Не переживайте, Илья Сергеевич, что народу будет не так, как раньше. Тысяч пять-шесть – и то слава богу. Времена теперь другие. Ведь

теперь все можно, ничего не запрещают. Вы перестали быть запретным плодом». На моей выставке 2000 года я показал свыше 150 новых работ, в их числе «Рынок нашей демократии», «Разгром храма в пасхальную ночь» и новую «Мистерию XX века». И вот наступил день открытия выставки, как и раньше, пришли тысячи зрителей. В течение работы выставки были очереди, уходившие за памятник Жукову на Красную площадь. Несколько часов потребовалось каждому, чтобы попасть в зал Манежа. Спасибо вам, моим дорогим зрителям, ради которых я живу и работаю, что вы, как всегда, выстаивали длинные очереди на морозе, чтобы увидеть работы вашего художника. Какое счастье вы мне подарили на фоне развернутой травли и замалчивания, в условиях еще более жестокой, чем советская, «демократической» цензуры! Для меня главным было то, что на моих обеих выставках, и в Москве, и в Петербурге, было очень много молодежи. Эти выставки посетило более миллиона человек.

Многие удивлялись, что «ратующие за свободу» наши средства массовой информации старались не замечать столь шумный успех независимого художника, хотя и присутствовали на пресс-конференциях в обеих столицах. Помню, как в Центральном выставочном зале Москвы, Манеже, я, спускаясь со второго этажа, столкнулся со ждущей меня тележурналисткой. Она сказала:

– Илья Сергеевич, мы сто раз слышали, что вы монархист, все, что вы любите, сделано до залпа «Авроры», что понятие монарха, помазанника Божия, лежит в основе культуры человечества... Я хотела задать вам только один вопрос: как, по-вашему, есть ли сейчас на карте мира страна, которая вызывает у вас симпатию?

– Такая страна есть, – ответил я. – Государство Израиль.

Журналистка не скрывала своего удивления.

– Почему? – спросила она, поджав губы.

– Мне нравится национальное единство и патриотизм его граждан. Там религия едина с государством, в отличие от многих других стран. А теперь позвольте, уже я задам вопрос?

Она кивнула.

– Вы когда-нибудь видели, чтобы стаю лебедей возглавлял воробей, а стаю ворон – утка?

– Станный вопрос. Конечно, нет!

– Разве можно представить, что в израильском кнессете заседают не евреи, а монголы, финны, турки, японцы или русские? Разумеется, и в Японии, и в Корее – так же, но это так называемые моногосударства. Естественно, труднее, когда речь идет о многонациональном государстве, где большинство все еще составляют русские. В нашем парламенте мало людей, которые отстаивают подлинные национальные интересы России, чего не скажешь, например, о конгрессе США, в котором, как известно, заседают не только англосаксы.

Когда по инициативе печально памятного Витте царь согласился на создание русского парламента – Думы, то она была подлинно демократической, выражая интересы всех политических партий, сословий и народностей Российской Империи. Парламент Израиля един, когда речь идет о защите национальных, и только национальных интересов. Молодежь считает честью для себя служить в армии, дисциплинированна, попробуйте-ка что-нибудь сказать против израильской армии по израильскому телевидению! А почему у нас телевидение работает на разложение общества, провоцируя молодежь к трусливому пацифизму, проституции и наркомании? Население Израиля живет патриотизмом согласно законам своей древней религии, в отличие от нас, не допуская американизации общества. Для них Израиль – не страна пребывания, а Родина – Земля обетованная, возрожденная через 2000 лет. Общеизвестно, кстати, что существует Международная лига защиты евреев. Не пора ли и нам, когда русские стали разделенной нацией, создать лигу защиты русских! Общеизвестно позорное унижение русских в бывших братских республиках.

Бог, нация, труд – вот что характерно для любого здорового государства в истории человечества. Я бы хотел, чтобы в нашей многонациональной Российской Федерации все эти нрав-

ственные нормы также соблюдались. Разумеется, я не затрагиваю в данном случае трагическую тему Палестины и взаимоотношений Израиля с арабскими соседями. Кровь рождает кровь...

– Спасибо за ответ, не ожидала от вас такого услышать.

– Вас ждет еще много сюрпризов в «этой стране», – не удержался я, прощаясь. – Ждите!

* * *

Да, я – монархист, ибо эта древнейшая политическая и религиозная идея озарила всю историю человечества. Наши беды начались с черных дней демократической Февральской революции, открывшей двери Октябрю; дней, уничтоживших просуществовавшую 300 лет царствующую династию Романовых. Революция – это геноцид и угасание народа.

Анализируя исторические процессы последствий Английской революции Кромвеля, так называемой Французской революции, равно как и русской, я считаю, что высшей формой правления является монархическое самодержавие, власть помазанника Божьего, не ограниченного никакой Думой, никаким парламентом. Именно такими государями были монархи династии Романовых, принесшей своим царствованием благоденствие, славу и процветание России. А ведь первый Романов был избран на царство во имя преодоления черной Смуты тех лет волею всех сословий России, видящих в возрождении монархической государственности единственное спасение.

Царь – помазанник Божий – отец народа и своих подданных. Четкие права и обязанности сословий общества всегда стремятся разрушить диктаторы, которые ненавидят народ и целью которых является его вырождение, а не возрождение.

Монархия, диктатура и демократия – понятия взаимоисключающие. С моей точки зрения, символом власти должен быть не временный президент, а помазанник Божий, представляющий идею страны, многонационального сословного общества – всех его подданных. У великой России свои многовековые исторические традиции.

Ныне наше общество четко поделилось на нищее большинство и сказочно богатое меньшинство, ставшее безнаказанным хозяином захваченного народного достояния бывшего советского государства. Почему в наши дни сильные мира сего так боятся взрыва народного негодования, называя его национальным экстремизмом?

* * *

...В канун 2000 года меня вместе с другими пригласили на прием во Дворец съездов – стеклянный аквариум с бетонными ребрами, так изуродовавший древний Кремль. Хрущев хотел оставить память о себе.

Сидя за далеким от президиума и сцены столиком, я неожиданно услышал произнесенные в микрофон слова: «За великую Россию!». Пораженный таким неслышанным, непривычным для нас тостом, спросил у соседа: «Кто этот человек?» Сосед, усмехнувшись, ответил: «Ваш земляк Владимир Путин». Я протиснулся сквозь толпу и пожал его руку: «Спасибо за великую Россию». Он невозмутимо посмотрел мне в глаза...

На следующий день я узнал, что он стал Президентом Российской Федерации.

О великой России говорил мой любимый политический деятель Петр Аркадьевич Столыпин, и потому я с особым чувством в который раз перечитал его речи, бесстрашные и бескомпромиссные в борьбе за великую Россию.

Хочу верить и надеяться, что идеи и действия подлинно великого реформатора Столыпина будут памятны в будущей возрожденной России. П. А. Столыпин утверждал:

«...Только то правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей».

«...Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада».

«...Наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в этих русских национальных началах».

«...В деле защиты России мы все должны соединить, согласовать свои усилия, свои обязанности и свои права для поддержания одного исторического высшего права России – быть сильной».

Добавлю лишь одно: только вождь, отдающий все силы спасению и возрождению своей нации, может повернуть Колесо истории вперед – резко и неожиданно для уже, казалось бы, торжествующих победителей.

* * *

Ненавидя всем сердцем коммунизм, я не верил, что пирамида советской империи когда-нибудь рухнет. Мне довелось писать портреты таких столпов партии и государства, как М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, А. А. Громыко, Н. А. Щелоков. Меня поразило, когда я увидел на столе у Суслова букетик весенних ландышей. Помню, как у Громыко на даче при мне не один раз приносили к чаю запломбированный торт. Но несмотря на эти портреты, мои выставки, как правило, закрывали Министерство культуры, Союз художников и Отдел культуры ЦК. Мне однажды посоветовали: «Позвони Андропову» (он был тогда председателем КГБ). «А чем он может помочь?» – удивился я. «Всем, если захочет», – ответил мой приятель.

После первого же звонка мне была назначена аудиенция на Лубянке. Я готовился к волевой схватке глазами. Но он, разглядывая меня спокойно сквозь стекла очков, спросил: «Что, опять какую-нибудь «Мистерию» хотите выставить? Плохо, если любовь к Родине перерастает в национализм и антисоветизм». Его красноватое лицо было невозмутимо, и он хотел быть доброжелательным. Стараясь быть тоже невозмутимым, я ответил: «Все мое творчество – это и есть любовь к Родине, а патриотизм, по моему убеждению, не имеет ничего общего с национализмом». «Высокопарно, но справедливо», – сказал Андропов и стал кому-то звонить. Запомнились его слова: «Да, согласен, не надо нам плодить диссидентов и недовольных». И моя выставка в Манеже была открыта.

Я никогда не был членом ни одной партии и, само собой, коммунистической. Быть членом партии означало бы для меня духовную смерть. Я помню, как сам Суслов – идеолог КПСС – поднял на меня глаза: «Если бы вы вступили в партию, многое бы изменилось в вашей жизни. Перед вами открылись бы многие ныне закрытые двери. Вам даст рекомендацию в партию мой помощник Воронцов, а также директор Трехгорной мануфактуры и космонавт, имя которого известно во всем мире».

Его помощник В. В. Воронцов, работавший над очередной книгой афоризмов великих людей, когда я вернулся из Чили, спросил меня:

– Вот мы в ЦК получили от Альенде восхищенное письмо, где он вас называет гением и отмечает вашу удивительную творческую работоспособность, которую вы проявили за месяц, проведенный в Чили. Как вы считаете, сколько времени продлится режим друга СССР, президента Чили?

– Владимир Васильевич, – в свою очередь спросил я, – вы хотите знать правду? Думаю, режим Альенде продержится 34 недели, не больше.

Обычно он вел себя интеллигентно и даже иногда помогал «отрегулировать» мои отношения с Союзом художников и Министерством культуры. Но тут грозный ВВ (как его называли между собой некоторые в аппарате ЦК) неожиданно рывкнул:

– Пошел вон! Режим Альенде вечен, как и идеи марксизма-ленинизма.

Я теперь понимаю, почему вы отказались вступить в партию. Таким людям там нет места.

Прошло три недели с того памятного для меня разговора в шестом подъезде ЦК. Я невольно думал об Аьенде, с которым, несмотря на разность взглядов, у нас были сердечные отношения. Никогда не забуду первую кровь на пустынных улицах Сантьяго, лужа которой была к вечеру забросана свежими газетами, и бездомные собаки облизывали эти набухшие от крови листы...

Я работал в своей мастерской, на Калашном, когда вошел мой знакомый журналист.

«Ты все Вивальди слушаешь, а вот твоего друга убили». Он дал мне прочесть газету «Правда», где сообщалось о гибели Аьенде и о победе реакционных сил во главе с Пиночетом.

Через несколько дней я не удержался и по совету моего благодетеля С. В. Михалкова позвонил Воронцову. «Владимир Васильевич, вы, конечно, знаете о перевороте в Чили?» – спросил я его как можно спокойнее. Помолчав, он неожиданно ответил: «Хоть вы и длинноволосый беспартийный художник, но иногда даже валаамова ослица говорит правду». Я молчал, как будто ничего не произошло. «Приходите, хочу прочесть вам новую главу из моей книги афоризмов – она посвящена искусству».

Им ничего не оставалось, как выпускать меня за границу, но только по самым высоким приглашениям. Ну как можно было отказать королю Швеции, Индире Ганди, королю Лаоса, премьер-министру Дании, президенту Италии, великому герцогу Люксембургскому, главе ООН Курту Вальдхайму и другим, которые живут в моей памяти и запечатлены на моих портретах. Видя мою неуклонно растущую популярность у нас, в СССР, и на Западе, мои враги продолжали бои с «феноменом русского художника Ильи Глазунова», как называла меня американская пресса. В Советском Союзе меня клеймили и не давали ходу как антисоветчику, воспевавшему проклятое прошлое России и ее апостола – Достоевского и церковность, а там бывшие советские граждане «третьей волны» эмиграции, преспокойно покинувшие «эту страну», рассылали повсюду открытое письмо, будто Ильи Глазунов – «рука Москвы» и агент КГБ. Я расскажу читателю об этой сложной борьбе многих против одного, когда я неожиданно для моих врагов, экс-советских граждан, подал иск в западногерманский суд, чтобы остановить клевету и травлю, имеющую целью дискредитировать меня как художника и человека. Скажу только, что я выиграл суд, а «мученики режима», большинство из которых ныне, вернувшись домой, стали героями нашей демократии, были посрамлены германским правосудием.

Когда я работал в Италии над портретом папы римского Иоанна-Павла II, мне задал странный вопрос его молодой секретарь – поляк: «А вы знаете, что Михаил Горбачев до того, как стал главой Советского Союза, был представлен влиятельным масонским кругам Англии? Привозил его в Лондон сам Громыко». Для меня это было неожиданно – ведь я знал комсомольца Мишу Горбачева, который был у меня на Кутузовском в начале 60-х во время очередного всесоюзного фестиваля. Запомнилась его широкая улыбка и странное пятно на лбу. А много позже я прочел, что Маргарет Тэтчер после встречи с ним в Лондоне в 1984 году сказала: «С этим человеком можно иметь дело».

Когда началась перестройка, мне тоже довелось иметь с ним дело. Будучи Первым, он радушно принял меня, широко улыбнулся и спросил:

– Узнаешь?

Тут я сразу же сделал ошибку, ответив:

– Ну что ты, конечно!

Он чуть поморщился, но так же ласково продолжил, усаживая меня в кресло:

– Ты теперь славен, богат, осыпан почестями и наградами!

– Михаил Сергеевич, – исправил я свою ошибку, – вот вы сказали о славе. Еще древние говорили: «Все можно купить в этом мире, кроме любви народа». Что же касается богатства, то у меня не было и нет ни одного государственного заказа. А ведь во все времена художники жили заказами. И премий, и наград у меня тоже нет до сих пор ни одной.

В глазах генсека вспыхнули озорные огоньки. Он по-комсомольски взмахнул рукой и сказал:

– Брось заливать, Илюха! Я сам читал, что тебя выдвигали на Государственную премию за иллюстрации к Достоевскому, а не так давно – за цикл «Поле Куликово», который, кстати, мне и Раисе Максимовне очень нравится. Я пожал плечами:

– Выдвинуть – это не значит дать, Михаил Сергеевич.

На его лице появилась лукавая усмешка:

– Прибедняешься? А ведь сейчас краснеть придется!

Он нажал кнопку на одном из многих разноцветных телефонов:

– Петр Нилович! Сколько у Ильи Глазунова премий и орденов? – Мне был слышен тихий голос министра культуры СССР Демичева.

– Как, ни одного ордена?! И премии ни одной?! – Лицо генсека было полно недоумения. – А когда ему полтинник стукнул, вы тоже ему ни хрена не дали? Ну и ну... Вот как вы, оказывается, относитесь к нашему лучшему художнику, известному во всем мире – гордости нации!

Он резко бросил трубку, потом, задумавшись, сказал:

– Илья, мы тебе орден Трудового Красного Знамени дадим. Я тебя заранее поздравляю!

Горбачев тут же, при мне пробежал глазами мою записку и подписал решение о создании нового учебного заведения – Российской академии живописи, ваяния и зодчества. И я ему всегда буду за это благодарен. А вскоре вышел и указ о награждении меня обещанным орденом.

Но с течением времени мне становилось все яснее и яснее, что человек, который провозгласил «новое мышление», на самом деле готовил новую «демократическую» революцию. Провозглашая по договоренности с Западом перестройку, одновременно Горбачев боялся отказаться от фундамента марксизма-ленинизма. И вообще, мне было непонятно, как можно перестраивать дом не с фундамента, а с крыши. В это время я заканчивал монументальное полотно «Великий эксперимент», где выразил свое понимание сути и смысла коммунистической диктатуры. Меня поражало, как быстро вчерашние коммунисты превращались в оголтелых демократов. Черчилль был прав, утверждая, что подонки больших городов Европы и Америки сделали русскую революцию 1917 года. А теперь их внуки, правнуки, «углубив» и переиначив ленинский лозунг: «Грабь награбленное!», совершили новый неслыханный грабеж и воровство – только на этот раз народных сбережений в масштабе советской страны и всей государственной собственности: российских недр, заводов, фабрик, гигантских комбинатов, обрекая «демос» на бесправие, нищету и вырождение. А гениальное мошенничество с ваучерами? Американские советники, сидевшие в Москве, работали день и ночь...

Не существует более понятия русской культуры – она заменена шоу-бизнесом и беспределом так называемого современного антиискусства. Многовековой и тщательно продуманный заговор против России и православной цивилизации, казалось бы, одержал победу. Но чего же так бояться победители? Не того ли, что под пеплом русского погрома таится огонь народного гнева и возмездия? Не рано ли праздновать победу? Они боятся пробуждения и возрождения национального самосознания униженного и обреченного на вымирание русского народа. Этого боялись большевики-коммунисты, и этого же боятся реформаторы-демократы.

«Рынок нашей демократии» – так назвал я свою новую, большую по размерам картину, законченную в канун 2000 года. В ней я хотел выразить кошмарную правду наших 90-х годов: быть или не быть России? Кто ее продает и кто покупает?

В моей памяти встают наглухо заколоченные «неперспективные» деревни, заросшие бурьяном русские поля, которые теперь все наглее захватываются азиатами. В мире существует только одна сверхдержава и клокочущий многомиллионный мусульманский мир.

Все чаще я думаю: а что, «если завтра война», – вдохновят ли нашу молодежь, как их отцов и дедов в 1941 году, героические образы наших великих и славных предков – воителей за Святую Русь? Меня потрясло, когда летом 2000 года на вступительных экзаменах в нашу

академию один абитуриент на вопрос: «Что ты знаешь об Александре Невском?» – искренне ответил: «Честно сказать, ничего не знаю». Но разве подобные ему юноши и девушки виноваты в том, что с утра до ночи по всем каналам телевидения им навязывают любовь к американскому образу жизни, симпатию к бандитам и мошенникам, восхищение героями-полицейскими, один из которых непременно черный? Чем не соцреализм по-американски? Конечно же, все это так далеко от воспитания любви к Отечеству и так близко к предательству...

Все дальше и дальше мы уплываем от берегов «русского рая» – погибшей в социальных катастрофах благословенной, самой богатой и свободной могучей державы мира – государства Российского.

В смутное для всего мира время XXI века с особой силой становится необходимым возвращение России на свой вековечный исторический путь. Только так она может выжить и возродиться как государство, а народ русский – как великая нация.

...Я помню, как после «победы» демократии на одном из приемов супруга президента Ельцина Наина Иосифовна дружески журила меня: «Перестаньте всюду говорить: русские; говорите: россияне!» Неслучайно, как в Америке, из наших новых паспортов убрали родовое понятие – национальность. Это значит, что теперь татары, башкиры, евреи, якуты и другие народы, живущие на территории Российской Федерации, должны называться россиянами? Я помню, как возмущался мой друг-татарин: «Что же, теперь я уже не татарин, не мусульманин, а просто россиянин?». Недавно прочел, что Дума нашла выход для всех, кроме русских: будет введен вкладыш в паспорт с указанием национальности гражданина Российской Федерации. Странно, что самый пострадавший от геноцида и Второй мировой войны русский народ не причислен международными правовыми организациями к числу угнетенных народов.

А ведь сколько столетий наши мудрые и государственно мыслящие правители создавали единую и неделимую Россию, когда русская культура вызывала восхищение во всем мире своей нравственностью и духовной красотой! А ныне она вновь распалась на удельные княжества, враждующие друг с другом. Чудовищно, что мать городов русских Киев стал столицей чужого самостоятельного государства.

С юности я люблю Киев, который своей пленительной и древней красотой живет в моем сердце, став частью моей биографии художника. Еще в 1949 году, закончив среднюю художественную школу, осознавая, что «мир во зле лежит», я приехал в Киево-Печерскую лавру, чтобы стать монахом...

Для всех нас памятны росписи Васнецова во Владимирском соборе, построенном в память равноапостольного князя Владимира, крестителя Киевской Руси. Помню нескончаемые очереди на мои выставки в Государственном музее украинского искусства. Горжусь, что мне с моим киевским другом, историком и журналистом В. Г. Киркевичем, удалось восстановить могилу столь чтимого нами П. А. Столыпина, которая была закатана при Хрущеве асфальтом. Как было трудно, но промыслительно легко найти подлинный крест с надгробия великого реформатора, зарытый неподалеку в землю. Горжусь, что я также был инициатором восстановления памятника русской святой княгине Ольге – «королеве Ругорум, как называли ее, византийские историки, пожертвовал сумму от билетов на мою выставку на ремонт мемориала Шевченко в Каневе.

А как памятны встречи в Киеве с Н. А. Праховым, который много рассказал мне не только о Врубеле, Серове, Репине, но и о большевистских зверствах по уничтожению Михайловского Златоверхого монастыря и об организации искусственного голода на Украине, унесшего миллионы человеческих жизней...

Какой радостью забилося мое сердце, когда ученый Высоцкий – исследователь надписей-графити Софийского собора – поддержал мою уверенность в исторической достоверности алфавита Велесовой книги. А ведь многие современные историки по сей день считают знаменитые дощечки дохристианской летописи Руси белогвардейской неумелой фальсификацией.

Сегодня русский народ – демос, обессиленный многолетним геноцидом, доведенный до демографического вырождения, лишенный права на национальное самосознание, которое долгие годы искоренялось во имя пролетарского интернационализма, наши проамериканские демократические реформаторы подвели к краю пропасти исторического небытия. Все силы мирового зла боятся одного: возрождения великой России. Всю жизнь я в меру отпущенных мне Богом сил, как мог, выражал самосознание моего народа. Именно это является источником моей травли и замалчивания. Мне ни за что не стыдно. Я не отказываюсь ни от одной своей картины, статьи или гражданского действия. Я никому не делал зла, а старался всем помочь, любя ближнего как самого себя. Уважая и ценя человеческую индивидуальность, я обретал и обретаю своих друзей, часто столь непохожих друг на друга. Не касаясь понятий расы и национальности, добавлю, что русский тот, кто политически и гражданственно любит Россию, служит ей, исходя из ее интересов, отдавая всего себя самозабвенному труду во имя ее возрождения. Мои слова: «Русский тот, кто любит Россию» – стали крылатыми, их повторяют многие. Всю свою жизнь я пытался услышать звон колоколов затонувшего до «времен означенных» града Китежа.

* * *

... Читатель поймет, как трудно было мне написать этот пролог к своей автобиографической книге.

Софокл и Еврипид под прологом разумели краткое изложение содержания драмы; драматург Древнего Рима Теренций видел в нем «воззвание о милостивом внимании к автору». Емко и лаконично читаем у Владимира Ивановича Даля: пролог – это «введение, предисловие, вступление к сочинению, особенно к драматическому». От себя добавлю: когда хочешь сообщить что-то коротко и сжато, то обычно посылаешь телеграммы. Мой пролог – это телеграмма-исповедь длиною во всю мою жизнь... Вновь все ожило в памяти, снова и снова переживаю бездну отчаяния и радость побед, вижу лица друзей и врагов. Я испытываю сейчас такие же горькие минуты одиночества, как после закрытия моих многолюдных выставок. Я один в пустом полутемном гулком зале сгоревшего Манежа – творения великого Бове; со стен свешиваются веревки, а снятые картины подвыпившие рабочие перетаскивают в грузовик. И мне опять кажется, что я никому не нужен...

Это чувство мучительного одиночества я уже давно выразил в своем раннем автопортрете. Высокая заснеженная лестница, устремленная в бесконечность. Как мал человек на этой холодной, пронизанной жестокими ветрами лестнице жизни, как труден подъем... Я счастлив, что помню людей и атмосферу духовной жизни той навсегда ушедшей России. Я счастлив, что родился в самом красивом городе мира – Санкт-Петербурге. Каждый прожитый час, каждый день, каждый год уносит нашу жизнь от незабвенных берегов Рая великой России, потопленных в крови. Сегодня заговорили о русской цивилизации и пишут о ней с восторженным изумлением перед ее величием и значением для человечества. Наша многонациональная страна была единой и неделимой в своем потоке созидания, миролюбия и в высочайшей культуре Русского Православного мира.

* * *

Великий Достоевский сказал однажды: «Боже, верую! Помоги моему неверию!». Неустанно, покуда бьется мое сердце, пока я могу творить, буду молиться: «Боже, спаси и сохрани Россию!». И сегодня, в страшные времена мрака и смуты, я, как все, уповаю на чудо ее возрождения! И какой лучезарной надеждой спасения исполнены слова Евангелия: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла Его».

Часть I

Глава I. Страницы моей родословной

«Его совсем не слышно...»

Не так давно, когда мне исполнилось 70 лет, я узнал номер дома и квартиры на Плуталовой улице, куда меня привезли из роддома. Я с трепетом вступил на плиты когда-то роскошного подъезда с разрушенным камином и такой ныне обшарпанной лестницей. По сей день квартира 15 в доме № 26 на втором этаже – коммунальная, а самую большую комнату с сохранившимся, как мне сказали, камином купил «иностранец» – украинец. Ключ он увез с собой... Во дворе осенний косой дождь словно обстреливал лужу, стараясь потопить одинокие желтые листья, гонимые ветром петербургского ненастья. Мяукала на ступенях искалеченной мраморной лестницы кошка...

...На пожелтевшем конверте рукой моей тети написано: «Письма о рождении Ильюши». Моя бабушка, Елизавета Дмитриевна Флуг, в девичестве – Прилуцкая, происходившая из старинного дворянского рода, писала эти письма своей дочери Агнессе, родной сестре моей матери.

Я привожу эти интимные письма, которые могут представлять интерес не только как документальные свидетельства о начале моей жизни, но и как свидетельства эпохи того времени.

12 июня, четверг, 1930 г.

Дорогая Агенька, сегодня получила твое 2-е письмо... где ты пишешь, что я неверно адрес написала... Неужели пропадут мои письма, главное, – последнее, с известием, что у Олечки родился сын. Я обещала тебе на другой день, а вот и два прошло, все никак не успела. Расскажу все подробнее.

8-го, в Троицу, часа в 4 утра Олечка постучалась ко мне, говоря, что у нее очень живот болит. «Наверное, расстройство». Я, конечно, увидела, что это не то... И решили, что лучше идти. Часов в шесть – седьмом они с Сережей пошли пешком в больницу, а я со смятенной душой пошла к ранней обедне, выстояла всю, потом еще молебен был. Сережа вернулся, а к 9-ти, когда дают справки, снова пошел. Олечка писала письма, очень хотела домой. Ее даже перевели в отделение выздоравливающих, рано пришла. И 9-го навещали ее (т. е. только письмами обменивались). Когда приходила – слышала чужие стоны, и душа надрывалась. Вечером 9-го она была уже в родильной палате, но схватки были слабые, все же Сережа просил ночью позвонить, если что будет. Я долго не раздевалась, поджидая звонка. Утром пошла туда, потом узнала, что у нее схватки сильные. Я места не находила, пошла побродить и сидела в церковной ограде. Вернулась домой, и Лиля сказала мне, что звонили: у Олечки сын и все благополучно.

Сережа уходил куда-то, и когда вернулся, я его обрадовала моим сообщением и поздравила... Сережа пошел в больницу уже позже назначенного для передачи часа, и так как там щедро давал на чай, ему сказали: «Подождите, сейчас вашу жену понесут» (ей зашивали швы), и ему удалось повидать ее. Он нашел, что она хорошо выглядит, бодрая была. Мне сразу же в 3 часа написала: «Ты верно огорчена, что вместо Елизаветы родился Елизавет-Воробей...».

Так он у нас и назывался Воробушком. Мальчик здоровенький. 3500 гр. весу. Оля писала: «Ребенка видела мельком, кажется довольно пролетарским», а в следующем письме – «сегодня он показался мне лучше, волосы с пробором на боку, с голубыми глазами».

Как жаль, что не пускают родных. Так бы хотелось посидеть с Олечкой и посмотреть нового внука...

21 июня, суббота

Милая и дорогая Агенька!

Вот Олечка и дома. Приехала она вчера, часа в 2. Было очень хлопотливое утро, все хотелось устроить и приготовить. Сережа бегал в рынок за цветами, в аптеку, накануне купил хорошенькую кроватку, а вчера матрасик достал... Хлопотал по телефону об автомобиле со службы, но ничего не вышло, приехали на извозчике. Я смотрела из окна комнаты, а по Плуталовой под окнами уже ходила Ниночка, которой тоже не терпелось. Слышу, она кричит: «Едут, едут...». Вижу, Олечка кивает, а Сережа с малюткой на руках. Выбежала я на лестницу, и внесли вместе. Мальчик очень слабенький, главное, умилило меня то, что рыженький в Олину породу. Ротик у него маленький, Олин, но пожалуй, все же на Сережу больше похож или, вернее, на обоих: есть и Олино и Сережино. Вчера он поразил своим спокойствием. Долго не засыпал, лежал с открытыми глазами, зевал и все молчал. Дети его обступили, особенно Аллочка, которая прямо приникла к нему, смотря со страхом (так как он плакал в это время) и в то же время глядя его рукой. Оля очень спокойная мамаша, кормит его по часам, встает к нему... Сегодня такой чехольчик-занавеску смастерила на кроватку. Она очень похудела, но лицо такое хорошее, глаза стали большими, и какое-то новое выражение появилось – серьезное и мягкое...

Сережа не наглядится на сына. Оля говорит, сегодня он даже с обеда вскакивал, настолько рад, и приходил к «философу» (уж очень он серьезен, и помню, даже Лили сказала: «Его совсем не слышно»). Меня умилила картина: кормилица Оля. Наша-то затейница и шуточница!.. Она все делает без лишних слов и приговариваний, но как-то положительно и серьезно.

Сегодня устала, одолели визиты. Утром заходила Ольга К., потом пришли сослуживцы и сидели очень долго, накурили (удивляюсь бесцеремонности!), вечером Оля К. и потом Володя, который и сейчас тут, но пришел к Лиле. Вчера заходила и обедала у Лили Верочка...

Начало моей жизни

Первое мое впечатление в сознательной жизни – кусок синего неба, легкого, ажурного, с ослепительно белой пенистой накипью облаков. Дорога, тонущая в море ромашек, а там, далеко, – загадочный лес, полный пения птиц и летнего зноя. Мне кажется, что с этого момента я начал жить. Как будто кто-то включил меня и сказал: «Живи!»

Каждое утро я просыпался от задорного и звонкого петушиного крика, который заставлял открыть глаза, увидеть залитую лучами огромного солнца маленькую комнату, оклеенную старыми, дореволюционными газетами вперемежку с плакатами, призывающими недоверчивого середняка вступить в колхоз. Белый юный петушок был необычайно энергичен – с восходом солнца жажда деятельности обуревала его голову, увенчанную красным пламенем гребешка. Он кричал беспрерывно, весело, надсадно, как будто осуждая спящих людей.

Маленький петушок был невыносим – гонялся за детьми и взрослыми, стараясь клюнуть как можно больнее, жестоко изранил в драке добродушного соседского петушка, отнимая его добычу. Я полюбил неугомонного драчуна и не разделял общего возмущения его проделками. Однажды, проснувшись в комнате, тонущей в жарком мареве, я с удивлением увидел, что солнце было уже высоко, но никто не предупредил нас о восходе... Все ели суп из маленького петушка и были очень довольны наставшим покоем. Я один не мог есть... Взрослые смеялись и говорили, что это другой петушок, а наш уехал погулять к бабушке в город, в гости и скоро вернется... Но я знал, что никто уже не разбудит нас с такой радостной настойчивостью, когда будет вставать солнце.

С дачи из-под Луги возвращались всегда к осени. После просторных лугов, стрекоз, дрожащих над темными омутами маленьких быстрых речушек, после мирных стреноженных лошадей с добрыми мохнатыми глазами, долго и неподвижно стоящих в вечернем тумане, дымившемся над рекой, после запущенных садилов с яркокрасной смородиной и малиной удивительным миром вставал Ленинград с громадами стройных домов, с бесконечным морем пешеходов, трамваев и машин.

Помню извозчиков на элегантных колясках с поднимающимся верхом. Поражало, что в городе лошади были совсем иные, чем в деревне, будто совсем другие существа – тонконогие, гладкие, с трепещущими ноздрями, они не боялись автомобилей, уверенно и равнодушно смотрели на мир, безоговорочно подчинялись извозчику, радостно и звонко стуча копытами по деревянной мостовой Невского проспекта.

Сколько людей! Как цветов в поле... Какие красивые дома!

Но вот уже перед нами – огромная площадь, и над ней, на высокой колонне, парящей в небесах, – ангел. Это Дворцовая площадь. Зимний дворец, Нева, мосты, ветер... Дух захватывает от удивительной торжественности незабываемой минуты. Волнуешься так, будто весним вечером, проходя по улице, вдруг услышал из чужого окна дивную музыку. Подобная легкому облаку, дрожащему над морем, она трепещет и тает, а сердце щемит и бьется, будто открылось непознанное.

Хмурая Петроградская сторона... Как, на первый взгляд, она прозаична! Но каждый дом здесь имеет свое неповторимое лицо. Глаза окон смотрят то пристально, то печально, то равнодушно и пусто. Дома точно люди после долгой разлуки: иные изменились, другие выглядят так, будто с ними не расставался, и словно подмигивают оконцами: «Ничего, мы еще поскрипим». Третьи явно забыли тебя – смотрят холодно, как на бедного и нелюбимого родственника.

На берегу Невы за горбатыми мостами, в островке осенних деревьев, плотно сомкнутых, как солдатское каре во время боя, спрятался маленький домик, в котором жил великий Петр. Это был первый музей, виденный мною в жизни. Потемневший от времени портрет энергичного императора в римских латах, пожелтевшие карты, на которых нарисованы диковинные очертания неведомых архипелагов, проливов, морей, островов... Парусные военные корабли, изображенные на старинных гравюрах, – шхуны, баркасы, шлюпы; развевая на ветру флаги, пируют на невых волнах иноземные гости... С разных концов света едут в новую столицу Российской Империи – Санкт-Петербург, выросший со сказочной быстротой на топких финских берегах... До нашего времени сохранились личный компас Петра и отлитая в бронзе могучая рука великого преобразователя России. Сохранились также одежда Петра и огромная лодка, сделанная им самим, – именно в этой лодке царь спас рыбаков, тонувших в сильную бурю на Ладожском озере...

Деревянный домик на берегу Невы, спрятанный, как в панцирь, в каменный защитный футляр другого дома, тихо и задумчиво поблескивает окнами, будто размышляя и удивляясь судьбе огромного города, который начался с него – маленького, но великого в нашей истории домика...

Я не мог не написать о доме Петра Великого, основателя города, где я родился и вырос. Но думаю, что первыми музеями, которые я видел и которые остались в памяти, были Эрмитаж и Русский музей. Навсегда поразили залы Эрмитажа с их торжественностью и великолепием, звучанием образов великих старых мастеров, как звучит музыка Баха, Моцарта, Вивальди и особенно любимого мною Альбини.

В Русском музее мое детское воображение было пленено образами В. Васнецова «Боян» и «Витязь на распутье» с тревожным закатным небом. В картине «Боян» пронзительно поражающий образ самого Бояна, вдохновенно поющего славу героям под бурным, по-былинному могучим небом, вторящим струнам и заставляющим юного княжича ощущать всем сердцем мир будущих битв славных внуков Дажьбога. К этой картине у меня на всю жизнь сохранилось

особенное чувство восторга. А тогда, помню, я смотрел вокруг себя и не видел лиц с орлиным взором, как у юного княжича.

Когда я гулял с отцом по спокойным берегам Волхова и видел поросшие буйной травой курганы, мне казалось, что набат огромных небес лучше всех увидел и запечатлел Васнецов. Русь могучая...

Навсегда запомнилось, как шел однажды с мамой по улицам старого Петербурга у Каменноостровского, мимо Ситного рынка, возле которого жила тетя Лиля. Огромные, как горы, как замки, розовые миры, медленные и плавные, высились над городом облака... Это один из самых ярких моментов детства. Моя жизнь словно выложена разноцветными камнями мозаики разных жизней. И только это: облака и лес, синий и вибрирующий в лучах яркого летнего солнца, и ромашки (года четыре тогда мне было) – прошло как лейтмотив жизни, даже тогда, когда мрак и горе переполняли душу.

Были разные годы, люди, события, и все объединяют облака – огромные, кучевые, вечерние. О них нельзя вспоминать без волнения, без подступающих слез. Небо и птицы... Как безжалостна река времен!

А еще в детстве пели стрекозы, извивалась речка Луга. И Волхов, который загадочно цвел, покрываясь зеленым ковром «Это Волхов цветёт», – говорили местные жители – новгородцы.

А под землей «ходы» – пещеры, вырытые бог весть кем и когда; «могилы» – курганы – сколько душевного волнения и таинственного очарования в этом! История – жизнь предков – скрыта тайной времени и живет рядом с нами... Бушует ветер, и могуче несет свои воды Волхов...

Недалеко от Плуталовой улицы, дом 26, и Гисляровского проспекта находилось до революции знаменитое кафе, где Блок увидел свою Незнакомку; Серебряный век – когда многие искали Бога, а нашли его в сатане...

Налево – площадь Льва Толстого и улица петербургских миллионеров с могучим зданием архитектора Щуко в духе итальянского Ренессанса. Когда в 1924 году случилось наводнение, тетя Ася, жившая неподалеку – в Ботаническом саду, запомнила, как всплыла деревянная мостовая, устлавшая роскошные улицы для бесшумного проезда извозчиков. Открылись канализационные люки мостовой. Переходя по пояс в воде, пешеходы проваливались в открытые люки. Петербургское наводнение...

* * *

Мы переехали недалеко – на угол улицы Матвеевской (названной в память бывшей здесь, а позднее взорванной еще до моего рождения церкви) и Большого проспекта, получившего название проспекта Карла Либкнехта, несмотря на то что он никогда даже не был в Петербурге, как и в других городах России, где столько улиц и проспектов носили его имя, как и имя Розы Люксембург, или, как ее называли в Германии, «Кровавой Розы». Они много потрудились над тем, чтобы превратить Германию в коммунистическую страну Советов под руководством Коминтерна. Как известно, национал-революционеры Европы сорвали планы всемирной революции марксистов-коминтерновцев, а Сталин был вынужден проделать известную чистку среди победителей-ленинцев, входивших в мировой коммунистический интернационал.

Матвеевская, пересекая проспект Либкнехта, становилась улицей Ленина (бывшая Широкая), где жил вождь мирового пролетариата Ульянов (Ленин) с супругой Н. Крупской. Наши родственники Мервольфы остались на Плуталовой улице, а мои родители, бабушка и дядя Кока (Константин Константинович Флуг – известный ученый-китаист) с женой-актрисой Инной Мальвини въехали на первый этаж, в небольшую трехкомнатную квартиру. В комнате прислуги, повесив икону над кроватью, расположилась бабушка, сказав, что это лучше,

чем тюрьма. Дядя Кока занял одну комнату у передней, нам досталось две: крохотная – мне, побольше – родителям.

Помню, что дядя читал бегло по-китайски и на его столе были разбросаны старые, написанные иероглифами манускрипты. Я очень любил рассматривать книги – картинки приключений забавных китайских людей – своего рода комиксы XVII–XVIII веков, древние маленькие скульптурки драконов. Над столом – портрет К. К. Флута работы Федотова (ныне он в Третьяковской галерее). Над ним дивная, как говорили, копия головы Ван Дейка, строго смотрящая прямо на зрителя. На стульях, как в артистической уборной, разбросаны причудливые части женского туалета: пеньюары и лифчик – довольно помятый, в форме двух роз. У зеркала – открытые коробки с гримом. Отец брезгливо показал матери на все это, иронически улыбаясь: «Как твой братец это все терпит? Героиня Мопассана, а детей нет!» Посмотрев на меня, мама сказала: «Сережа, перемени, пожалуйста, тему».

Именно в этой квартире им суждено будет умереть страшной, голодной смертью. А жена дяди Коки, Инна Мальвини, исчезнет еще до смерти матери, уехав в 1942 году по Дороге жизни, и навсегда выпадет из моей памяти. А тогда фотография ее с надписью «Лучшей Анне Карениной от почитателя таланта» стояла на дядином письменном столе.

Окна нашей квартиры находились почти над булыжником двора, и я помню пересекающую двор фигуру матери с двумя авоськами и предупреждающий крик управдома: «Товарищ Глазунова, мы у вас воду перекроем – давно пора уплатить по жировкам! Муж в шляпе, а за квартиру не платите вовремя. Одно слово – антилигенция!»

В каждый день рождения я получал столько подарков, сколько мне исполнялось лет. Помню четыре подарка, пять, шесть, семь, восемь... Солдатики, открытки, игрушки, книги... Когда мне подарили ружье и пластмассовый пистолет, восторгу моему не было предела. Помню, бабушка-«царскоселка» Феодосия Федоровна Глазунова – мать отца – подарила книгу Сельмы Лагерлеф, сказки в роскошном издании Девриен и «Басни Крылова» с чудесными иллюстрациями художника по фамилии Жаба.

Особым праздником было Рождество. За окном вьюга, трескучий мороз. Отец приносил маленькую чахлую елочку, большая и не вошла бы под низкий потолок бывшего «наемного» дома. Моя мама, как моя подруга, всегда была рядом со мной. Мы говорили обо всем. Она, как может только мать, самозабвенно любила меня, и никто не вызывал во мне такого чувства радости и полноты бытия. Отец не прощал моих шалостей и ставил меня «носом в угол». Защищая меня, мама клеила со мной картинки, мастерила наряды к елке. Родственники приносили старые игрушки, сохранившиеся еще с дореволюционных времен. Томительные, упоительные часы и минуты ожидания праздника... Кто может забыть эти минуты детства? Наверное, от них ощущение моего детства облекается в образ праздничной елки. Когда собирались все родственники, двоюродные сестры и я с трепетом ждали звонка в дверь – прихода Деда Мороза. Когда мы стали взрослее, то сразу узнавали в нем тетю Инну, в застегнутом на спине пальто отца и вывернутой наизнанку шапке дяди Коки. Почему-то венчающая елку восьмиконечная рождественская звезда тревожила родственников. Они тщательно закрывали окно занавеской... Ведь советская жизнь проходила под красными лучами сатанинской пентаграммы – Звезды пламенеющего разума. Безжалостно карались те, кто видел в празднике Нового года Рождественскую звезду Спасителя мира.

Бабушка читала мне вслух любимую книгу Сенкевича «В пустынях и дебрях», а я рассматривал многочисленные папки с репродукциями классической живописи, заботливо собранными братом бабушки Кокой Прилуцким, художником, которого родственники называли «князем Мышкиным». Через много-много лет, работая над Достоевским и моим любимым романом «Идиот», я смотрел на сохранившуюся старую фотографию двоюродного деда и поражался, до чего он, в самом деле, похож на князя Мышкина, каким я его себе представлял. Репродукции были маленькие – из немецких календарей об искусстве. Но такие четкие, бла-

городные по тону Рубенс, Ван Дейк, Рембрандт, Тициан, Джорджоне, Боттичелли, Караваджо и другие великие имена сопутствовали моему счастливому петербургскому детству.

Мама покупала мне альбомы для рисования и акварельные краски. Засыпая, я смотрел на желтую круглую печь в углу. Краска облупилась во многих местах, и из-под нее сквозила черная старая покраска. Причудливые очертания пятен были похожи на профиль колдуна, иногда на вздыбленные черные облака, иногда на дикий виноградные деревья, как в Ботаническом саду. На столе лежали любимые игрушки, книги. Одно название их для меня как музыка детства: «Царские дети и их наставники», «Рассказ монет», «Живчик», «Под русским знаменем» – о героях русско-турецкой войны.

Чтобы я скорее засыпал, бабушка пела мне старинные колыбельные, которые, наверное, пела ей мать: «Улетел орел домой, солнце скрылось под горой». Особенно я любил песню о бедном ямщике, о русском удалом крестьянине, выросшем на морозе, о дальних походах «солдатушек-бравых-ребятушек».

Звонок звенит, и тройка мчится,
За нею пыль по столбовой.
На крыльях радости стремится
В дом кровных воин молодой.
Он с ними юношей расстался,
Семнадцать лет в разлуке был.
В чужих краях с врагами дрался,
Царю, Отечеству служил...

Эти песни так же ушли из нашей жизни, как ушел мир доброй, привольной великой России.

В памяти осталось:

Русский я мужик простой,
Вырос на морозе.
Летом в поле и с сохой,
А зимой в извозе.
Мне еще чего желать:
Тройка есть лихая,
Добрая старушка мать,
Жёнка молодая.
Летом косит или жнет,
А когда свободна –
И попляшет и споет
Сколько вам угодно.

Что сегодня поют наши бабушки внукам?

Засыпая, я старался представить себе Бородинское сражение, Илью Муромца, борющегося с Соловьем-разбойником, улыбающегося светлейшего князя Александра Васильевича Суворова, костры, горящие у стен Измаила, и лица суворовских солдат – точь-в-точь как на картине В. И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы», которая так поразила мое воображение в Русском музее.

Мое детство было овевано навсегда ушедшим духом петербургской дворянской семьи.

Уничтожая «социально чуждых», коминтерновские завоеватели не могли и не имели сил сразу уничтожить всех поголовно. Свобода и привольное счастье старой России жило в памяти

людей, как и тот великий патриотизм, опираясь на который, Сталин совершил «революцию в революции», когда германские войска молниеносно дошли до Москвы и Ленинграда.

В довоенном Петербурге еще сохранились традиции иметь дома семейные альбомы, куда родственники, друзья и знакомые записывали что-то памятное и доброе. Известно, что в свое время в такие альбомы еще Пушкин, Лермонтов и другие поэты записывали петербургским барышням свои стихи, входящие теперь в собрания сочинений. У моей матери сохранился один из таких семейных альбомов, наполненный рисунками и стихами, написанными по-французски. По сей день помню прекрасный карандашный портрет Брюллова, нарисованный с виртуозным мастерством, а некоторые рисунки приписывались Федотову. А какой удивительный почерк был у русских людей в XIX веке, и как он не похож на размашистый, вкривь и вкось, наш советский почерк! Моя бабушка Елизавета Дмитриевна говорила маме: «Оля, ты должна первая написать в Ильюшин альбом – когда он будет взрослым, а нас уже не будет на свете, ему будет такой радостью прочесть слова матери». Мама открыла старинный альбом в темно-синем переплете с золотым тиснением славянской вязью. Но ничего не написала... «Все мои слова будут так ничтожны в сравнении с моей бескрайней любовью к единственному сыну: верю, он и так всю жизнь будет помнить, что я его люблю вечно». А тетя Ася написала стихи:

Кем бы ни стал ты –
Художник с кистью большой-пребольшой,
Или пройдешь по знаменам
С поднятою гордо головой,
Или искусство и слава
В жизни минуют тебя –
Мальчиком добрым и милым
Будеешь всегда для меня!

(На память от твоей старой Атюни. Февраль, 1940 год)

Мой отец написал слова, которые меня согревают и по сей день: «Милому сынку. Хотел бы, чтобы ты всегда чувствовал, что есть у тебя верный и беззаветный друг – старый Бяха, для которого твои радости – и его радости, твои несчастья – и его несчастья, друг, к которому ты можешь прийти всегда со всем плохим и со всем хорошим. Stary Bjacha. 19/III 1940».

А моя двоюродная сестра Алла нарисовала какую-то фантастическую бабочку и написала на рисунке: «Этот необычайный мотылек родился на память от Аллы». Она – единственная из всех моих блокадных родственников, которая осталась в живых до наших дней. Сколько времен с тех пор утекло...

Моим маленьким миром была наша квартира на грустной Петроградской стороне, память о которой, как эхо, звучит в моей душе. Это чувство тихой радости, неизбывного счастья и просветления сопутствовали мне и маме – Ляке, так я ее называл. У нее были золотые волосы, серо-зеленые глаза, маленькие мягкие руки. Мама, а потом моя дорогая жена Нина – это две женщины, с которыми я был безмерно счастлив. Забегая далеко вперед, скажу, что как в страшном сне всплывает в памяти лицо моей матери, когда она умирала в ледяном мраке блокадной квартиры. И я полшоу, – кажется, это случилось совсем недавно – мокрый асфальт, с которого водопады дождя не смогли смыть едкий мел, которым был очерчен контур тела моей трагически погибшей жены. Боясь смотреть, но невольно заглядывая в пролет арки дома, я видел во дворе на асфальте в сумеречном свете черную кошку, которая неподвижно сидела, словно не находя выхода из очерченного мелом рокового мира смерти. Я всю жизнь чувствовал и знал, что за каждое мгновение счастья нужно платить кровью и страданием. Но когда тьма застилает глаза и уже не хочется жить, воля сопротивления должна поднять человека с колен и заставить продолжить одинокий загадочный путь бытия.

Боже! Сколько незабвенных воспоминаний оставило во мне детство! Русские летние дороги, закаты, бескрайние леса и синие горизонты, распахнутые небеса, грустящая вечерняя рожь, низко летающие ласточки...

Я помню такой Петербург, которого уже никто никогда не увидит! Сердце замирает, и невольно перехватывает горло от этих воспоминаний. Изысканный, непонятный, родной и роковой город! Моя судьба связана с его душой и определена во многом трагизмом и красотой бывшей столицы Российской Империи...

Первые уроки живописи в особняках Витте

Я был единственным ребенком в семье, и, очевидно, поэтому меня считали избалованным матерью. На одном из первых моих рисунков был изображен орел в горах, о чем любила вспоминать моя мать, мечтавшая, чтобы я стал художником. Помню детскую школу искусств «в садике Дзержинского» на берегу Невки, размещенную в бывшей вилле графа Сергея Юльевича Витте. Дети рисовали незатейливые натюрморты, гипсовые орнаменты, композиции по впечатлениям. Мне было лет шесть, но отчетливо помню рисунок на заданную тему о Марине Расковой – женщине-летчице, имя которой не сходило со страниц газет и заполняло программы радиопередач. Как ни стараюсь изобразить женскую фигуру в синем комбинезоне – все мужчина получается. В душе поднялась волна отчаяния. Подошла учительница: «Ильюша, фигура женщины отличается от мужской тем, что у нее бедра шире плеч. Понимаешь?» Она ногтем провела линию по моей незадачливой работе. Я, набрав темно-синей краски на кисть, прибавил в линии бедер, и, о чудо! – передо мной появилась женская фигура. Ушел с ожидавшей меня в многолюдном вестибюле мамой домой. Я был счастлив, глядя на вечерний синий снег, стигающиеся под его тяжестью черные ветви старого парка с замерзшим прудом, где даже вечером, в тусклом желтом свете фонарей гоняли юные конькобежцы.

Потом мы стали заниматься в другом доме, тоже принадлежавшем до революции председателю Совета Министров, знаменитому масону Витте, «графу полусахалинскому», так много сделавшему для приближения революции в России. Наискосок от него – памятник «Стережущему» напротив мечети. В 1938 году меня приняли в первую художественную школу на Красноармейской улице, неподалеку от Владимирского собора.

С благодарностью вспоминаю учителя Глеба Ивановича Орловского, влюбленного в высокое искусство. Мама ликовала, когда в журнале «Юный художник» похвалили мою композицию «Вечер» – за наблюдательность и настроение. Помню, что темой акварели был эпизод, когда я с отцом шел домой через Кировский мост. Над нами огромное, тревожное, красное, словно в зареве, небо. Был страшный мороз. Шпиль Петропавловской крепости, как меч, вонзался в пламенеющую высь. Отец шел в своем поношенном пальто с поднятым воротником. Это было во время советско-финской войны, когда бывший флигель-адъютант Государя Николая II Маннергейм сдерживал натиск Красной Армии линией укреплений, носящей его имя.

Глеб Иванович показывал нам репродукции с картин великих художников и учил как можно точнее передавать натуру. Он благожелательно поддерживал мою детскую страсть к истории Отечественной войны 1812 года. У него было такое «петербургское» лицо, строгий костюм, а на ногах серые штиблеты, чем-то похожие на те, что у Пушкина. Глаза добрые, но строгие. Однажды он меня обидел, сказав, что мою композицию «Три казака» «где-то видел». Но, честное слово, я не позаимствовал ее, просто мама начала читать мне «Тараса Бульбу» Гоголя. Меня потрясла история Тараса, Андрия и Остапа. «Батько, слышишь ли ты меня?» – крикнул в смертных мучениях Остап. «Слышу, сынку, слышу!» – раздался в притихшей толпе голос Тараса. Какая глубина и жуткая правда жизни сопутствовали нашему гениальному Гоголю!

Одновременно я пошел в школу, находившуюся напротив нашего дома на Большом проспекте Петроградской стороны. Накануне этого события мать почему-то проплакала весь вечер, а дядя Кока утешал ее: «Что ты так убиваешься, не на смерть же, не в больницу?». Понижая голос, мать возражала ему: «Они будут обучать его всякой большевистской мерзости. Он такой общительный... Чем это все кончится? Ильюшиного детства жалко». В первый же день нам поручили разучить песню о Ленине. «Подарил апрель из сада нам на память красных роз. А тебе, январь, не рады. Ты от нас его унес». «Но ведь тебе не обязательно петь со всеми, ты можешь только рот открывать», – печально пошутила мама.

* * *

Наступила весна. Мы, мальчишки, радостно играли во дворе у старого дерева. Дети жили дружно. Русские, татары, евреи – кого только не вмещал наш старый петербургский дом! Грустная, скорбящая женщина вместе с мужем вывозила в коляске больного полиомиелитом сына. Он ползал по песку, движения его были какими-то изломанными, словно кто-то изнутри заставлял его, открывая рот, сведенный спазмом, выкручивать руки, ноги, закрывать глаза. Родители шептали нам: «Вы не обижайте его, не смейтесь. Это горе для него и для папы и мамы». Но никто и не думал смеяться над ним. Когда он начинал биться на земле в падучей, мы словно не замечали его недуга, старались помочь его матери.

Много лет спустя в Москве возле Арбата, где я живу, спускаясь из мастерской на улицу, я увидел в лучах весеннего яркого солнца среди лотков, столов, где продается все и вся, толпу. Она сбилась плотным кольцом, но что было внутри нее, я поначалу не мог разглядеть. Веселились и радовались все, но чему радуются, увидел, протиснувшись сквозь толпу. И тут сразу вспомнил впечатление давнего детства. На земле сидел, корчась в судорогах, словно мучимый бесом, мальчик лет 15. Движения его были как в падучей – руки и ноги нервно двигались, скрещиваясь, как у робота. Мучительный стыд за людей охватил меня. Над чем же они смеются? Надо скорее помочь бедняге, убрать с асфальта... Но вдруг смотрю, еще один мальчик сел рядом – задергался тоже, а первый, словно робот на механических ногах, встал как ни в чем не бывало. Боже! Оба смеются! Узнавший меня арбатский художник пояснил: «Это, Илья Сергеевич, такой современный танец, называется брейк. Каково?»

Всегда и у всех народов танец был олицетворением гармонии движения, выражением духа в жесте и образе.

Во времена строгих в своей изысканной красоте балльных танцев Бодлер сказал: «Заткните себе уши в танцевальном зале – и вам покажется, что вы попали в сумасшедший дом». Однажды на студенческом вечере я попробовал это сделать и заткнул уши. Поэт был прав – сумасшедший дом! И лишь русский балет, даже если не звучит музыка, прекрасен, как ожившие античные барельефы, или скульптуры, или фрески Рафаэля.

А что же сегодня? Ныне канули в прошлое и шейк, и брейк, и «рок», а молодежные дискотеки захлестнула черная волна электронной поп-музыки, основанной на ритмах шаманского бубна. Она заставляет посетителей, начиная, увы, чуть ли не с 12 лет, впадать в безумие наркотического экстаза. Молодежь фанатеет.

Жар-птица не прилетела...

Я не знаю, как ко мне пришла страсть собирать все, что можно, по истории Отечественной войны 1812 года. Очевидно, это было после посещения галереи 1812 года в Эрмитаже, где прямо в души нам смотрят с портретов глаза героев: Кутузова, Багратиона, Барклая-де-Толли, Тучкова, Раевского, Дохтурова, Кульнева и многих-многих славных защитников Рос-

сии. Какие у них лица, какой великий дух и какая любовь к Отечеству! А какие до революции выходили книги по истории России, о славных героях ее, дающих вечный пример потомкам.

А.С. Пушкин так выразил свои впечатления от этой галереи славы русского оружия:

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нив, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, – а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...

Личность Наполеона тоже всегда вызывала во мне глубочайший интерес, даже в детстве. Помню, на старой открытке изображен эпизод, когда над юным Наполеоном смеются сверстники. Почему?

«Потому что Наполеон, будучи корсиканцем, плохо говорил по-французски», – пояснил отец. А Наполеон на Аркольском мосту? Быть или не быть! Свищут пули, решается судьба будущего императора – великого честолюбца. «По наступающей сволочи картечью – пли!» – отреагировал он на восставшую оболваненную толпу, идущую во имя бредовой идеи «свободы, равенства, братства» уничтожить мощь и благополучие прекрасной Франции. Бонапарт мечтал завоевать весь мир!

Я был преисполнен восторженной страстью к генералиссимусу Суворову. В церкви Александро-Невской лавры на полу мраморная плита. «Здесь лежит Суворов» – написано на ней коротко, как он завещал. Думал ли он, что озверевшая чернь под руководством врагов Отечества, сметая и оскверняя могилы великих предков, коснется его праха кощунственной рукой! А останки Александра Невского сложат в бумажных пакетах в подвал антирелигиозного музея, размещенного в Казанском соборе на Невском проспекте!

* * *

Я уже понимал, что Сереже – моему отцу – «не надо высовываться», как говорили родственники. Мы жили бедно. Даже когда дядя Миша, брат отца, послал мне три рубля «на барабан и саблю» – до войны это были солидные деньги для подарка мальчику, единственному наследнику рода Глазуновых, отец просил меня повременить с покупкой «подарка от Михаила», а дать деньги матери на еду.

Напротив нашего дома на углу улицы Калинина (бывшей Матвеевской) и Большого проспекта был Торгсин – «торговля с иностранцами». Заходя в Торгсин, все, как в романе Булгакова, говорили в один голос: «Хороший магазин» – как в советские времена, заходя в валютную «Березку».

Помню, как однажды мама подала приемщику Торгсина три серебряные ложки. Приемщик в белом халате тут же согнул их дугой, положил на весы (ценился вес драгметаллов, а не изделия из них), бросил в ящик, в котором уже лежали портсигары с дворянскими монограммами, серебряные тарелки, брошки – все как в сундуке Али Бабы. Дал купон на продукты. За него на соседнем прилавке нам выдали печенье и масло. «Это все?» – спросил я у мамы. «Да, все», – грустно ответила она. А мне так было жалко ложек с фамильной монограммой моего деда Константина Флуга...

Помню, у гостиницы «Пекин» в Москве сквозь мокрую пургу, открывая дверь своей машины, увидел трех людей – русских крестьян пожилого возраста и закутанную в платок девочку. Глядя мне в глаза, пожилой, обросший щетиной мужчина глухо и безнадежно обратился ко мне, протягивая руку как нищий: «Уважаемый господин, помогите нам, не побрезгуйте». Это не были нищие или бомжи, не желающие работать. Это были люди из русской резервации СНГ, мучимые голодом и безнадежностью. Они решили, что я иностранец. Мне потом долго снились сквозь пелену вьюжного снега их просящие глаза, и даже во сне я испытывал стыд, боль за моих кровных братьев русских. Дети когда-то великой державы... их прадеды, деды и отцы создавали ее потом и кровью. Кто ответит за сегодняшнее унижение их потомков?.. Как я могу им помочь? Русские беженцы в России...

* * *

Мама повела меня в «Фотографию», которая находилась рядом с нашим домом напротив кинотеатра «Эдисон». Это была первая фотосъемка в моей жизни. И, придя к лысому старорежимному мастеру, работавшему в жилетке (как у Ленина в кино), с засученными рукавами рубашки, обнажающими мохнатые руки, я не знал, что нужно делать. «Мадам, дайте ребенку в руки игрушку и возьмите его на колени», – привычно сказал он. Я чувствовал, что происходит что-то необычное. «Мальчик, как тебя зовут?» – «Ильюша», – шепотом ответил я. «Кем хочешь быть?» – говорливо продолжал фотограф, прилаживаясь к оранжевому ящику на ножках. («Почему он себя черной тряпкой накрывает?» – думал я.) «Летчиком, наверное, хочешь! Хорошо, что летчиком, а не налетчиком», – не унимался он из-под черной тряпки. Затем, высунувшись, спросил: «Видишь эту дырочку?» – и показал пальцем на объектив. – Сейчас смотри туда, вылетит птичка. Птичка – Жар-птичка. Понял?» Я стал смотреть во все глаза. Он открыл круглую крышечку объектива. «Раз, два, три!» – победоносно, выделив слово «три», он артистическим движением закрыл черную крышку. «Вы свободны. Кто следующий?» – «А где же птичка?» – спросил я. «Птичка? Какая птичка?» – вытаскивая кассету из ящика и уже не слушая меня, проговорил он. «Почему не вылетела Жар-птица?» – недоумевал я, забыв смущение и робость. «Возможно, в следующий раз и жареная птица вылетит, приходи почаще», – балагурил негодяй в жилетке, показывая на освещенное яркой лампой кожаное кресло своим новым жертвам.

Возвращаясь с мамой домой, я горько плакал. «Я так верил, я так ждал!» Это был первый обман в моей жизни, который я не могу забыть и сейчас, хотя прошли долгие годы!..

На фотографии, которая не понравилась маме, я увековечен с открытым ртом, ждущий сказочную Жар-птицу, которая так и не прилетела ко мне из оранжевого ящика на трех ножках...

...Иногда меня сковывала сильная робость, когда посылали в оформленный китайскими фонариками и литографиями магазин за конфетами к чаю. Я долго стоял у кассы, не в силах произнести: «Сто граммов «Бим-бом» и двести граммов «Старт».

После блокады, учась в школе, я несколько раз отвечал письменно, ибо подчас не мог выговорить ни слова. Когда от меня не ждали, что я буду говорить, я общался с друзьями долго, бодро и внятно. Меня поначалу дразнили Заикой. Но, видя, как меняется мое лицо, и как я страдаю от этого недостатка речи, обостренного блокадой, перестали. Учителя же нередко обижали недоверием, думая, будто я не выучил уроки, – от этого я совсем становился немым.

Подытоживая эту главу о своем довоенном детстве, хочу добавить, что оно протекало в уже почти не существующем мире и было правдой сна. И, перефразируя Чехова, скажу: «В детстве у меня было детство!» Его прервала, как и у миллионов детей моего поколения, война.

Кто мои предки?

В наше время художник, вступая на тернистый путь искусства, обрекает себя на подвиг одиночества. Когда я, как и вы, дорогие читатели, смотрю на ночное, светящееся мириадами звезд небо, слышу набат прибоя могучего океана или погружен в тишину и величие заснеженных гор, возносящихся в ночное небо, прислушиваюсь к шуму бора в непроходимой лесной чаще, где так гулко раздается эхо, я, как и все мы, вольно и невольно, задаю себе вопрос: кто мы, кто наши предки, откуда и куда идем, что нас ждет впереди? Память генов начинает бурлить в моей крови, поднимает с колен, чтобы героически, в бою преодолевать жизненные невзгоды. Родовая память обязывает человека быть ответственным за свои деяния и за будущее нации, за победу добра над мировым злом.

Итак, кто мои предки? Скажу сразу: со стороны отца – русские крестьяне села Новопетровского Московской губернии, у дороги, ведущей к Ростову Великому. Мой дед Федор Павлович Глазунов, управляющий директор Петербургского филиала шоколадной фабрики Джорджа Бормана, был удостоен звания Почетного гражданина Царского Села, имел там свой дом по соседству с Чистяковым, Гумилевым и другими именитыми петербуржцами. Знаю, что его брат был иконописцем, без вести пропавшим в годы революции. Дед умер задолго до моего рождения, а бабушка – Феодосья Федоровна Глазунова, родом из небогатой купеческой семьи, – оставшись молодой вдовой, воспитала пятерых детей. Во время русско-германской войны она работала в госпитале для раненых в Федоровском городке, патронессой которого была Императрица Александра Федоровна и где в санитарях, как известно, числился Сергей Есенин. Итак, род моего отца уходит в седую старину поколений землепашцев и воинов, являющихся плотью народа русского.

Со стороны матери – мой род древний, дворянский и, по семейному преданию, восходящий к легендарной славянской королеве Любуше, жившей в VII веке и основавшей город Прагу. С Россией его связал приглашенный Петром Великим сын священника из онемеченного славянского Черного Леса – Шварцвальда, приехавший в Санкт-Петербург.

Как известно, происхождению многих родов и фамилий сопутствуют романтические легенды, восполняющие отсутствие точных исторических фактов, но, однако, не возникающие на пустом месте. Есть такая легенда и о моей родословной по материнской линии... Мне в детстве рассказала ее моя мать Ольга Константиновна Флуг. Помню, мы стояли с ней на берегу заснеженной Невы, в сумерках на Васильевском острове, около сфинксов, напротив здания бывшей Императорской академии художеств. Сквозь падающий снег светились окна, где была неведомая мне загадочная жизнь... В черных полыньях Невы отражались фонари Дворцовой набережной, а сфинксы были запорошены снегом. Холодный, пронизывающий ветер с Финского залива словно хотел заглушить слова моей матери.

«Давным-давно в далекой Чехии жила прекрасная и мудрая королева Любуша, за мудрость свою прозванная вещей...» (позднее у одного из историков я прочел о Русе, Чехе и Ляхе, которые, как известно по преданию, дали название русским, чешским и польским племенам – многоликим и могучим племенам славянской расы).

Глядя на могучие волны Невы, где на другом берегу словно к нам протягивал бронзовую руку царь Петр, топчущий змея, как Георгий Победоносец, мать продолжала: «У королевы Любуши не было мужа, и она решила пустить своего златогривого коня в поле, всем объявив: «Перед кем он остановится, тот и будет моим мужем». Конь мчался через поля и леса, королева Любуша следовала сзади со свитой в золотой карете. Наконец конь домчался до бескрайнего поля, где пахал одинокий пахарь и пел песню. Конь остановился перед ним и ударил копытом в землю. «Да быть по сему», – сказал пахарь, опираясь на плуг. Он воткнул в землю свой посох, из которого выросли три розы...»

На нашем гербе действительно из жезла растут – не три розы, а три обозначения плуга – словно напоминание, что наша родовая фамилия происходит от слова «плуг» – онемеченное Флуг. Трудно немцам произносить наше славянское «п»...

«Не говори об этом никому, – добавила мать, – ты ведь знаешь, какое сейчас время: кто расстрелян, а кто – выслан».

Полную легенду о королеве Любуше, основательнице города Праги, любознательный читатель может прочесть, например, в энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

Многие историки говорили мне, что королева Любуша для западных племен славян имела такое же значение, как для Древней Руси – княгиня Ольга, мудрая «королева Ругорум» – «королева руссов», как называли ее византийцы, дивясь государственному уму приобщенной позднее к лику святых бабки князя Владимира, крестителя Киевской Руси.

Сын ее Святослав был одним из великих правителей Европы и Древней Руси. Имя его овеяно легендарной славой!.. Это он уничтожил иго Хазарии, разметав ее по ветру в борьбе за создание своей великой державы со столицей на берегах Дуная.

Корни моей родословной в России по линии матери начинаются с Готфрида Флуга, который был призван Петром Великим в Петербург для преподавания математики и фортификации. Генерал Флуг участвовал с конными полками в битве под Лесной, где русские разбили войско генерала Левенгаупта, шедшего на помощь Карлу XII под Полтаву.

Я помню, что до войны у нас в шкафу под бельем хранился завернутый в газету рулон. На пожелтевшей бумаге тушью изображалось фамильное древо дворянского рода Флугов. Помню, что оно было могучим и уходило корнями в славянскую землю.

* * *

У большинства народов разных рас и цивилизаций, а особенно у славянского племени, память о предках входила в религиозный культ. Стереть память о них, об истории народа – значит превратить его в рабов, которыми легко управлять. Это хорошо понимали большевики-коминтерновцы, завоевавшие великую Россию и уничтожившие не только многомиллионную элиту сословий покоренной нации, но и право знать свою историю.

Однажды в церкви священник спросил моего приятеля: «Почему ты второй год не празднуешь день своего рождения? Это грех. Тебе в этот день по милости Божьей отец и мать даровали жизнь. И могилы предков твоих, наверное, как у многих, разорены и не ухожены. Без предков не было бы и твоих родителей». А я подумал, как истинны и величавы его слова! Ведь геноцид каждого народа начинается с осквернения могил и уничтожения старинных кладбищ.

Вырвавшись из объятий неминуемой смерти во время Ленинградской блокады, слушая внутренний голос, будучи двенадцатилетним подростком, записал все, что знал о своем роде со слов моей погибшей в блокаду матери Ольги Константиновны Флуг. Потеряв почти всех, кого

любил, я боялся забыть семейные предания. Поскольку некоторые представители моего рода оставили определенный след в истории государства Российского, расскажу о них по порядку.

Мой прапрадед – воспитатель Царя-Освободителя

На день рождения, когда мне исполнилось восемь лет, мама подарила мне роскошно изданную до революции книгу «Царские дети и их наставники». Я залюбовался изящным рисунком виньетки, увенчанной царской короной. Благоговейно перелистывая страницы книги с золотым обрезом, узнавал лица царей, знакомых мне по портретам, виденным в Эрмитаже и в Русском музее.

Мне рассказывали, что после революции детей-школьников возили в Петропавловскую крепость, чтобы они плевали в оскверненные гробницы великих русских императоров. «Не показывай книгу своим друзьям во дворе. Это опасно», – предупредила меня мама, грустно улыбаясь своими зелено-серыми глазами. Потом добавила шепотом: «Ведь наш родственник Арсеньев преподавал цесаревичу Александру историю и географию. Ты должен запомнить, что фамилия твоей бабушки и моей матери Елизаветы до замужества была Прилуцкая. А ее родная сестра, Наталья Дмитриевна, как ты знаешь, вышла замуж за дядю Федю Григорьева, генерала, директора Первого кадетского корпуса у нас в Петербурге на Васильевском острове. А их мать, Мария, была дочерью воспитателя Государя Александра II – Константина Ивановича Арсеньева».

В двухтомном труде С. С. Татищева, посвященном жизни и царствованию Императора Александра II, Царя-Освободителя, не раз упоминается имя моего прапрадеда Константина Ивановича Арсеньева. В частности, на с. 48 первого тома написано: «В продолжение 1830 года не произошло существенных перемен в занятиях и в образе жизни Наследника, если не считать назначения новых преподавателей: Арсеньева, для географии и статистики России, и Плетнева – для русской словесности...». И далее (на с. 55): «...В отсутствие Жуковского русскую историю преподавал ему Арсеньев, вернувшийся из поездки по России, которую предпринял по высочайшему повелению для собирания материалов отечественной статистики, составляемой им для Наследника».

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона К. И. Арсеньеву (1789–1865) посвящена целая страница. Кроме высокой оценки его ученых трудов, обогативших историческую науку, там отмечается также: «В качестве учителя Арсеньев оказал бесспорное влияние на склад мыслей и характер Царя-Освободителя. Личные отношения высокого ученика к своему учителю были самые сердечные и близкие. Когда в 1837 году цесаревич предпринял путешествие по России, из учителей его сопровождали только Жуковский и Арсеньев, который руководил образовательной стороной поездки и составил указатель мест, которые следовало осмотреть подробнее».

Очень большая статья о моем прапрадеде помещена в Русском библиографическом словаре. В ней сообщается: «Арсеньев Константин Иванович, географ и статистик, родился октября 1789 года в селе Мироханове, Костромской губ., в 15-ти верстах от города Чухломы... Сын сельского священника, Арсеньев получил первоначальное образование в Костромской семинарии, куда поступил в конце 1799 года. Отсюда он в числе лучших воспитанников был послан в 1806 году в Петербург, в педагогический институт. Тут он особенно усердно занимался историей, географией и скоро обратил на себя самое лестное внимание профессоров.

...Еще в феврале 1828 года Император Николай собирал комитет из приближенных к нему лиц для обсуждения вопроса: кому поручить преподавание наук Наследнику престола? При этом случае Его Величество сказал: «Для истории у меня есть надежный человек, с которым я служил в инженерном училище, – Арсеньев. Он знает дело, отлично говорит и сыну будет полезен». Кроме того, Арсеньеву было поручено и преподавание статистики. Но так как

печатных материалов по статистике России тогда почти не было, то 19 апреля 1828 года был дан следующий указ министру внутренних дел: «По требованию коллежского советника Арсеньева повелеваем доставлять ему все из всех министерств сведения, нужные к составлению статистики Российской империи для преподавания Его Императорскому Высочеству Великому Князю Наследнику престола». «По собрании сих сведений, – пишет Арсеньев в одном из своих писем, – Государю угодно было отправить меня по важнейшим губерниям России, чтоб я все видел собственными глазами, и потом послать меня в чужие края для сравнения отечественного с иностранным».

...В придворных сферах Арсеньев оставался все тем же глубоко гуманным человеком, и, конечно, он старался всеми силами подготовить почву, на которой зародились планы великих реформ Царя Освободителя... Со 2 мая по 14 октября 1837 года Наследник путешествовал по России, и Арсеньев находился в свите, сопровождавшей Великого Князя.

...Этим путешествием воспитание Наследника закончилось, и Арсеньев всецело отдался своим служебным и научным занятиям. Еще 11 апреля 1832 года Арсеньев был назначен членом Совета Министерства Внутренних Дел, а 24-го января 1835 года он стал членом статистического отделения, и ему было поручено управление всеми его делами и работами. На этой должности Арсеньев состоял до 1853 года, и его деятельность была столь важна, что по справедливости он может быть назван одним из отцов нашей официальной статистики...

В 1864 году Арсеньев был переведен в Петрозаводск к старшему сыну Юлию Константиновичу, где и скончался. Он похоронен в кладбищенской церкви в Петрозаводске. Кроме сведений, о которых упомянуто выше, Арсеньев состоял членом-корреспондентом Академии Наук с 29-го декабря 1826 года, действительным членом общества истории и древностей в Москве с 25 февраля 1833 года, почетным членом Петербургского и Казанского университетов с 20-го декабря 1837 года. По службе он достиг чина тайного советника».

Читая эти скудные энциклопедические строки, я словно опять вижу давно умерших во время блокады Ленинграда родственников, их родные лица, слышу их воспоминания об Арсеньеве. И понимаю их тревогу: не дай Бог, если «они», узнав, что он был воспитателем царя, доберутся и до нас.

В древнем Суздале

В древнем богохранимом граде Суздале стараниями моего прапрадеда Константина Ивановича Арсеньева по поручению Государя в Спасо-Евфимиевском монастыре на могиле великого сына России князя Пожарского было возведено красивое мраморное надгробие. Не могу не рассказать читателю о мистической и столь памятной для меня истории, связанной не только с доблестным князем, имя которого стало символом нашей истории, но и с моим прадедом и мною. Забегая вперед, в 60-е годы, когда я уже жил в Москве, хочу вспомнить Василия Дмитриевича Захарченко, поэта, публициста и редактора известного в свое время журнала «Техника – молодежи». Он возглавлял тогда и комиссию по культуре при Советском комитете защиты мира. Именно при этой комиссии после того, как Хрущев публично разорвал переданное ему Михалковым наше прошение о создании Общества охраны памятников истории и культуры, секретарь Советского комитета защиты мира Михаил Иванович Котов и Захарченко не побоялись создать секцию по охране памятников, из которой, но уже при Брежнев, был сформирован знаменитый ВООПИК. Сколько сил и я потратил на это!

В каких только странах не побывал восторженный Василий Дмитриевич, участвуя во многих фестивалях молодежи и студентов и даже возглавляя их! Он писал и говорил всегда с пафосом и напором: «Боже, до чего красиво купоросно-синее море в Болгарии и какое над ним ослепительно золотое солнце освещало нас, проводивших состязания на водных лыжах». Однажды, когда он в который раз стал мне рассказывать о красоте Парижа, Рима и Амстердама,

я у него спросил: «Василий Дмитриевич, а вы в Суздале были?» – «Нет, а что? – насторожился он. – К стыду своему, не был». Я предложил: «Так давайте поедем в эту субботу – от Москвы до Суздаля на вашей машине за три с половиной часа доедем». Он был необычайно легок на подъем и, посмотрев на свою красивую жену – блондинку с голубыми глазами – Зинаиду Александровну Ткачек, химика, лауреата Ленинской премии, спросил у нее: «Ну что, ЗэАшка, поедем с Ильей и Ниной?». (Я никогда не слышал, чтобы муж и жена называли друг друга по инициалам – очевидно, для краткости. Кстати, так звали их и друзья, и в редакции – В. Д. и З. А.).

Суздаль уже издаleка кажется сказочным райским градом, где скоротечное время останавливает свой бег. Суздаль – краса и гордость наших древних городов – упоминается в летописи уже в 1024 году в связи с восстанием местных волхвов. Сам великий князь Владимир, крестивший суздальцев, построил здесь храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

И сейчас, подъезжая к Суздалью, мы залюбовались его храмами и монастырями. А ведь многое безвозвратно утрачено... В центре города, увидев гостиницу «Интурист», супруги Захарченко вспомнили, что последний раз мы все обедали вчера. Из окон ресторана был виден старый гостинный двор, а за ним возвышались могучие стены монастыря и незабываемо красивых соборов. Вэ Дэ, когда мы сели за стол, обнаружил меню на французском языке и восторженно воскликнул: «Боже мой, это меню изысканнее и богаче, чем то, которое я недавно изучал в Париже на Елисейских Полях». Он выбирал долго, переводя нам с французского на русский, а равнодушная, лет сорока официантка молча ожидала, думая, что он интурист, судя по его французскому языку и заграничному голубому костюму с короткими рукавами. Он был высокий красивый мужчина с вьющимися волосами и элегантно подстриженными усами над выдающимся вперед подбородком. Я скептически ожидал результата его выбора. В ответ на заказ суздальская официантка равнодушно и устало сказала: «Есть перловый суп и гуляш, и больше ничего». Захарченко онемел. «Мы не в Париже, Василий Дмитриевич, – пояснил я, – в меню одно, а в жизни другое!»

Бывая в Суздале, я никогда не мог попасть в Спасо-Евфимиевский монастырь, потому что там находилась женская колония для несовершеннолетних преступниц. И вот перед нами – могучие стены монастыря, основанного в XIV веке иноком Евфимием, пришедшим в Суздаль из Нижнего Новгорода.

«В заложенном им Спасо-Преображенском соборе, перестроенном в XVI веке, до революции сохранялась рака с мощами преподобного Евфимия. Разумеется, члену Комитета защиты мира и сопровождающей его делегации разрешили проникнуть на территорию бывшего монастыря, которая десятки лет была тюрьмой, где сидели многие важные заключенные, в том числе даже Паулус, взятый в плен под Сталинградом», – пояснил сопровождающий нас работник музея, а представитель власти в штатском был молчалив.

Когда перед нами с лязгом открылись тяжелые монастырские ворота, человек в штатском предупредил: «Стены здесь, как видите, высокие, побегі исключены, но будьте повнимательнее. Девочки тут не простые, не только проститутки и воровки, но есть даже убийцы. Это не монахини!» Я помню, как в лучах летнего, клонившегося к закату солнца в высокой некошенной траве несколько одетых в тюремную одежду девушек-подростков разгружали подводу с желтыми тыквами. Двое из них, завидев мужскую часть нашей делегации, расстегнули серые робы и стали запихивать под них небольшие тыквы, имитирующие, по их понятиям, роскошные груди секс-бомб. Другие зазывно махали нам, приглашая помочь им в трудовом процессе. Мы вошли под своды высокого и гулкогo своей тишиной храма. «Здесь хозяйственный склад. Но ведь вас интересуют древние фрески, которые являются поистине произведениями древнерусского искусства», – сказал сотрудник музея. Мы, задрав головы, потрясенные чудом древних росписей XVI века, застыли в молчании, зачарованные красотой цветогov созвучий и одухотворенностью ликов.

Выйдя из его полумрака и видя вокруг себя дрожащую на ветру листву вековых лип на фоне синевы летнего предвечернего неба, мы вновь обрели дар речи. Захарченко воскликнул «Я объездил весь свет, но ничего подобного не видел ни во Флоренции, ни в Падуе, ни в Риме – никогда, – вот это действительно великое и неповторимое искусство. Как страшно, что это не могут видеть люди!» – «Вот куда надо возить ваших борцов за мир, – бил я опять в ту же точку, веря на этот раз в искренность его восторга. – Как страшна эта мерзость запустения!».

Краевед показал нам на кучу какого-то мусора среди высокой травы у восточной стены храма: «А вот здесь высилось когда-то мраморное надгробие князя Пожарского. – И пояснил: – Род князей Пожарских, как свидетельствуют историки, породнился с родом Хованских, и у них был общий родовой склеп. Когда к концу XVII века род Пожарских пресекся, никто, кроме монахов, не заботился о сохранении могил».

Должен сказать, что во мне всегда вызывали восхищение и уважение работники наших провинциальных музеев. В большинстве своем это – истинно подвижники! Они сеяли и сеют «разумное, доброе, вечное», несмотря на стычки с местным начальством и нищенскую зарплату. Их устами говорила и говорит неистребляемая любовь к Отечеству. А сколько исторических документов и ценностей нашей культуры сохранили они!

Наш художавый, в сильно потертом костюме краевед, казалось, бесстрастно объяснял: «Когда у вас в Москве при императоре Александре I после разгрома Наполеона на народные деньги в 1818 году соорудили памятник Минину и Пожарскому работы гениального Мартоса, возникла необходимость привести в порядок находящуюся в забвении в нашем суздальском монастыре могилу Дмитрия Михайловича Пожарского. Впервые поисками ее занялся по царскому указанию академик Арсеньев. В 1852 году близ алтаря ныне заброшенного Преображенского собора был найден фундамент с тремя рядами захороненных старинных гробов. На каменной гробнице в третьем ряду захоронения нашли надпись на каменной плите, что «здесь погребен князь Ф. Д. Пожарский – сын героя, спасшего Русь». Комиссия обнаружила останки скелета, покрытого узорчатым саваном алого цвета из шелка. Одежда истлела – на ней сохранился, однако, золотой узор, как и на вышитом поясе. Высокая комиссия, которую возглавлял президент Российской академии наук, министр народного просвещения граф Сергей Семенович Уваров, пришла к единодушному заключению, что это и есть место захоронения великого сына России – князя Пожарского. Как и памятник Мартоса в Москве, надгробие было академика Горностаева на собранные по подписке народные деньги». Наш гид задумался и грустно сказал: «Мне его самому не довелось видеть, но сохранились фотографии. Это не просто надгробие – оно было как мавзолей, внутри которого горели неугасимые лампы».

Позднее, в книге «Суздаль и его достопримечательности», я нашел детальное описание этого надгробия: «Памятник построен из белого итальянского мрамора в стиле надгробных палаток XVII века, со входом с восточной стороны. Вход закрывается тяжелой бронзовой дверью художественной работы с рельефными изображениями Минина и Пожарского. В верхней части двери изображен торжественный момент призвания князя Пожарского нижегородскими посланцами на великое дело освобождения Отечества от врагов; в нижней части изображен момент битвы князя Д. М. Пожарского в Москве, на Сретенке, 19 марта 1611 года, когда он был ранен – по краям двери вязью написаны слова князя Дмитрия Михайловича, сказанные в ответ на призыв Минина: «Мужаемся и укрепимся о людях наших и о градах Бога нашего и Господь сотворит благое перед очима Своима». Над дверною аркою написаны слова: «Боярину князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому благодарное потомство». Действительно, даже по фотографии видно, какое это было величественное сооружение архитектуры, достойное деяний героя русского народа.

...Очевидно, пользуясь тем, что человек в штатском отошел от нас, за приметив одну из заключенных, с которой о чем-то игриво заговорил, сотрудник музея шепнул мне: «Один, уже умерший, старый наш краевед говорил мне, что когда ломали памятник, то мрамор с надгробия

бия отвезли на дачу к Берию, чтобы соорудить из него фонтан! А вот от могилы осталась эта куча мусора, поросшая, как видите, крапивой и травой. – И словно в оправдание добавил: – Могилу Минина тоже уничтожили в Нижнем. Но он был в церкви захоронен, а на ее месте в Нижегородском Кремле построили здание обкома». А ведь когда-то, подумал я, сам Петр Великий, будучи в Нижнем, зайдя в церковь, опустился на колени перед надгробием Минина и произнес: «Вот истинный спаситель Отечества!». В конце 70-х, когда была моя выставка в Нижнем Новгороде, мне показали плиту с могилы Минина, на которой до войны рубили дрова, а ныне она, как мне сказали, сохраняется сотрудниками музея.

...Всю дорогу до Москвы обычно разговорчивые Василий Дмитриевич и его жена молчали. Молчали и мы с Ниной. Я никогда не видел Захарченко таким серьезным и задумчивым. Подъезжая к Москве, он спросил: «Насколько мне известно, памятник Минину и Пожарскому стоял в центре Красной площади, как раз напротив Мавзолея?» «Именно там, – подтвердил я, – но он мешал парадам войск Красной Армии и ликующим колоннам трудящихся, проходящим мимо Мавзолея великого Ленина, и потому его решили задвинуть к Василию Блаженному, где он не так заметен». «М-м-да! – протянул ВэДэша. – Хорошо, что Василия Блаженного не взорвали, как Иверские ворота и Казанский собор!» «Где теперь общественная уборная перед ГУМом», – вставил я. А Нина поддержала: «Ко всем этим действиям добавилось недовольство народа тех лет. По рукам тогда ходили такие безымянные стишки:

Скажи-ка, князь,
Что там за мразь
У стен кремлевских улеглась?

Это спрашивает бронзовый гражданин Минин, а бронзовый князь Пожарский поясняет:

Здесь в баночке из кирпича
Гниют консервы Ильича...

А позднее стали известны слова реакционного митрополита, который, узнав, что лопнувшие трубы в мавзолее залили мумию Ленина нечистотами, сказал едко: «По мощам и елей».

Зинаида Александровна засмеялась: «Откуда вы это все знаете?» «Мы и не то знаем, дорогие, – отреагировал я на ее смех. – Можем продолжить!»

Захарченко грозно рявкнул, нажав на педаль, дернул руль своей новой серой «Волги»: «Прошу прекратить разговоры на эту тему, а то я вас всех вместе с ЗэАшкой – лауреатом Ленинской премии – отвезу на Лубянку! – И уже серьезно повернул голову ко мне: – Илья, прошу не забывать, что я член партии, а не твоего закрытого властями клуба «Родина». А после Суздаля, – закончил он, – я не нахожу слов восторга, горечи и боли: это не-за-бы-ва-емо!...»

З. А. проникновенно сказала: «Спасибо, Ильяша, тебе и Ниночке – без вас мы бы не побывали в Суздале».

Только Бог знает, сколько сил я потратил, ходя по кабинетам начальников, подписывая один и вместе с другими бумаги с ходатайствами о необходимости освобождения Спасо-Евфимиевского монастыря и восстановления памятника на месте оскверненной и разрушенной могилы освободителя России во время ее Смуты – князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Шло время... Ныне монастырь и сокровища росписи Спасо-Преображенской церкви открыты для всех. А на месте захоронения освободителя России стоит невзрачный бронзовый бюст – ремесленная поделка заурядного советского скульптора Азгура. Я помню, как нам приходилось доказывать, что забытые в советское время древнерусские города и их древности при умело организованном туризме могут приносить государству пополнение бюджета – ведь известно, что в Италии до 60 % государственных доходов – от туризма. Мы говорили:

«В Италии Флоренция, Падуя, Верона, Сиенна и другие города ничуть не превосходят по красоте Суздаль, Ростов Великий, Ярославль, Переславль-Залесский. Ведь неслучайно на Руси говорили: что город, то норов». И что может быть красивее храма Покрова на Нерли, соборов Владимира или Юрьева Польского? Горжусь, что с моими друзьями способствовал созданию знаменитого Золотого кольца. С благодарностью вспоминаю не только секретаря Советского комитета защиты мира Михаила Ивановича Котова, но и прежде всего зампреда Совета Министров Российской Федерации Вячеслава Ивановича Кочемасова, без государственного участия которого не было бы ни Золотого кольца с реставрацией памятников древнерусского зодчества, ни выпуска путеводителей, рассказывающих о культурной значимости нашего наследия для всего мира. Помню, как трудно было ему в 1980 году на поле Куликовом в юбилей 600-летия столь значимой не только для России, но и для Европы Куликовской битвы организовать юбилейные торжества! Прискорбно, что это был праздник не всероссийский, а ограниченный всего лишь рамками Тульской области. Верный долгу пролетарского интернационализма ЦК КПСС, дабы не обидеть татар и монголов, решил придать празднику всего лишь местный, географический характер.

* * *

Заканчивая главу о моем прапрадеде, академике К. И. Арсеньеве, не премину с гордостью напомнить читателю, что я, его праправнук, впервые в советской прессе в очередной период гонения на все русское сумел напечатать статью о мерзости запустения и разорения могилы того, кто пресек кровавый кошмар Смуты, когда русскому государству, как и сегодня, грозила бездна исторического небытия. Тогда воззвание патриарха Гермогена, замученного поляками в подвале Чудова монастыря, набатным колоколом подняло волну национального сопротивления против католических захватчиков, русских предателей и воров. Пока будет жив хоть один русский, он будет чтить память купца Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, вождей народного ополчения – славных сынов России, положивших конец Смуте и подготовивших трехсотлетнее царствование династии Романовых. Читатель, прошу тебя перечитать сегодня воззвание к народу истинно церковного пастыря патриарха Гермогена! Оно адресовано и нам, потомкам освободителей России 1612 года.

* * *

Мало кто сегодня не знает о подвиге костромского крестьянина Ивана Сусанина – причем большинство по опере Глинки. Скажу прямо: не было бы Сусанина – и не было бы 300-летней династии Романовых. Не слишком ли? – удивится иной читатель. Известно, что после того, как Земский собор, состоящий из представителей всех сословий России, избрал на царство не иностранца, а шестнадцатилетнего сына митрополита Филарета Романова, жившего с матерью инокиней Марфой в Костроме, одна из польских шакел начал охоту за русским народным избранником. Убить юного царя означало для них победить и посадить на российский престол католического королевича. Признаюсь: я был потрясен и восхищен, когда узнал, как просто и гениально Сусанин пустил отряд польских разбойников по ложному следу. Сняв сапожки с будущего царя, спрятанного им в сарае с сеном, он, предварительно распоров царскую обувь по переднему шву, пошел в ней по чистому снегу в сторону леса. Не успел он вернуться из чащи, замечая свои следы, как нагрянул польский отряд. На грозный вопрос – где царевич? – Иван Сусанин показал на следы от сапожек и ответил, что юный Романов пошел один в лес на охоту. Ясновельможные бандиты потребовали, чтобы Сусанин был их проводником. Остальное известно...

Остается добавить одно, очень важное, что особо потрясло меня. У русского историка читаем «Когда Государь (М. Ф. Романов. – *И. Г.*) услышал громкий плач, то, еще не зная, в чем дело, он вышел из своего убежища, затем обмыл останки верного слуги, положившего за него жизнь, и во время похорон рыдал над ним, как над родным отцом».

...В начале 60-х, когда я был в Костроме, один из краеведов, указав на памятник Ленину с указующей вперед рукой, отталкивающий своим убожеством, пояснил мне: «Когда-то здесь был сооружен памятник Ивану Сусанину. Он стоял на коленях у возносящейся к небу колонны с бюстом юного царя Михаила Романова. Все, что от него осталось, – этот постамент, а сам памятник сдали на металлолом».

В сталинские времена каждый сезон в Большом театре начинался с великой оперы Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя», переименованной тогда в «Ивана Сусанина». Сегодня эта традиция предана забвению, более того – героическая опера фактически исключена из репертуара...

Будучи в знаменитом Ипатьевском монастыре, неподалеку от Волги, у палат бояр Романовых, я невольно вспомнил столь любимого мною Федора Ивановича Шаляпина. Однажды великий певец в финале оперы Глинки опустился на колени перед царской ложей, самозабвенно перевоплотившись в образ русского человека, отдавшего жизнь за царя. Либеральные интеллигенты, в том числе и друзья артиста – Максим Горький, Валентин Серов и другие, после этого долго не подавали ему руки. Это говорит о многом...

...Патриарх Гермоген, князь Пожарский, купец Минин, крестьянин Сусанин, здоровые силы всех сословий русского народа вернули Россию – России. Они шли за русскую землю, за царя не для того, чтобы перестроить государство на новый лад, а с одной мыслью и одним желанием – восстановить прежний порядок, расшатанный от неправды.

Из седой старины до наших дней дожила вера русских людей, что Матерь Божия – Богородица – это заступница и покровительница нашей многострадальной православной Родины.

Известна особо чтимая на Руси икона Владимирской Божией Матери, написанная, по преданию, евангелистом Лукой. Эта икона еще называется «Умиление». С удивительно трогательной нежностью младенец Христос прильнул к щеке Матери своей, а Она полна материнской скорби и великого одухотворения, словно предчувствуя грядущую муку Голгофы и Распятия.

Столь же удивительное чувство всегда вызывает у меня чудотворный образ иконы Федоровской Божией Матери, которой благословляли на царство Михаила Федоровича Романова. Список с нее был найден мною на Волге, в церкви, превращенной в колхозный склад. Она напоминает мне о конце Смутного времени и дарует упование, что придет конец и сегодняшней нашей смуте.

Икона была расколота надвое. Словно кто-то пытался отделить младенца – «царя царей» от Матери своей. Не так ли распяли и Россию православную, отняв у Заступницы Небесной Сына ее – Спасителя Мира?

Я чту Федоровскую Матерь Божию – Заступницу Руси и столь славно царствовавших 300 лет царей Романовых... Начало их царствования развеяло Смуту, дав века благоденствия государству Российскому; а мученическое убийство последнего царя из дома Романовых породило ту Смуту, которую мы и по сей день переживаем, не зная, когда настанет успокоение России, сошедшей со своего исторического пути.

В Карелии, в Петрозаводске, в Зарецком Крестовоздвиженском храме, сохранившемся до наших дней, под полом покоятся останки моего прапрадеда. На стене на бронзовой табличке старая надпись: «Здесь похоронен действительный тайный советник Константин Иванович Арсеньев. Родился 12 октября 1789 года – скончался 29 ноября 1869 года».

Почему в Петрозаводске? В связи с наступлением полчищ Наполеона в 1812 году возникла угроза нападения на столицу империи. Министр просвещения граф А. К. Разумовский

распорядился об эвакуации из Петербурга в Петрозаводск сокровищ Эрмитажа, Академии художеств, Публичной библиотеки и Главного педагогического института, в котором Арсеньев преподавал географию и латынь. Эвакуация – какое понятное слово для всех, кто пережил войну 1941–1945 годов!

Константин Иванович вспоминал о том путешествии, когда их тихоходные суда вмерзли в лед в тридцати верстах выше Лодейного Поля: «Река покрылась льдом, и мы принуждены были высадиться на берег и расположились в деревне Усланке. Здесь жили мы около трех недель до половины ноября, и жили не празднуя: в курных крестьянских избах открыты были публичные курсы наук: сам директор (Е. А. Энгельгардт. – И. Г.) давал лекции французского языка, Сферин читал литературу и эстетику, а на меня возложено было преподавание истории, географии и немецкого языка. Часто в числе слушателей наших были и мужики, которые, лежа на полатах и спустивши свои бороды, прислушивались к нашим толкам, слушали и, разумеется, ничего не понимали; чудом казалось им появление таких неожиданных и премудрых гостей. Впрочем, эти три недели провели мы довольно весело и приятно; самая новость и странность нашего положения нам нравилась, и мы не скучали». Петрозаводск был тогда городом, не только овеянным памятью его основателя Петра Великого, но и центром огромного Олонецкого края. Здесь также немало потрудился мой прапрадед. Во время Отечественной войны 1812 года им было составлено «Описание Олонецких заводов в историческом и статистическом отношении». В трудах дореволюционных историков горного дела в России это «Описание» широко использовалось как ценнейший научный справочный материал. И какой же радостью для меня было узнать, что память о моем прапрадеде не только хранится, но и множится в тех краях! В 1995 году в 130-летнюю годовщину его смерти Государственный Карельский комитет по статистике почтил юбилей русского ученого Арсеньевскими чтениями, начав это общественное событие с панихиды в Зарецком Крестовоздвиженском храме. Были прочитаны 10 научных докладов о жизни и деятельности К. И. Арсеньева, в том числе «Арсеньев и Карелия», «Из истории издания «Описания Олонецких заводов» К. И. Арсеньева» и другие. Комитетом по празднованию юбилея вынесено решение о переиздании трудов замечательного русского ученого.

В купели церкви Святого Спиридона

Несмотря на разруху и огонь войны, у меня сохранилась «Выпись из метрической книги родившихся за 1897 год», свидетельствующая о том, что 13 августа родилась раба Божия Ольга – моя мать; а 26 сентября ее крестили. Родители, как отмечено в документе, «горный инженер, коллежский советник Константин Карлович Флуг и законная жена его Елизавета Дмитриевна, оба православные и первобрачные. Восприемниками были: надворный советник Николай Николаевич Арсеньев и жена полковника Наталья Дмитриевна Григорьева. Совершил таинство крещения протоиерей в церкви Святого Спиридона, что при Управлении Главных Уделов в Санкт-Петербурге».

Наталья Дмитриевна Григорьева, жена генерала Ф. А. Григорьева (в девичестве Прилуцкая), была родной сестрой моей бабушки Елизаветы Дмитриевны Прилуцкой-Флуг, которая в семейном кругу звалась Джабиком и умерла в блокаду в январе 1942 года. Как, где и когда умерла тетя Наташа Григорьева – я не знаю.

Образ дочери К. И. Арсеньева Марии – матери моей бабушки, вышедшей замуж за Дмитрия Прилуцкого, – сохранился на старом дагеротипе, который я храню и, рассматривая его, словно погружаюсь в атмосферу далекого прошлого.

Правда, должен отметить, что от ее образа веет не Петербургом униженных и оскорбленных, а Петербургом – столицей великой империи, духовные богатства которой создавались и множились поколениями, когда каждое сословие могучего государственного организма России имело свою честь, свободу и уверенность в правоте своей великой державы.

Знали бы они, какая катастрофа ожидает их потомков и какой мученической жертвой многомиллионного геноцида падут они в кровавой мясорубке «Великой Октябрьской социалистической революции». Сколько пало их на полях братоубийственной гражданской войны! Сколько расстреляно и сослано!

Из всех войн я признаю лишь войны освободительные – войны в защиту Отечества. Из всех революций можно признать лишь одну национально-освободительную. Только ее путь прям и светел, как у всех Божиих деяний. Все прочие революции – сатанинские, несущие нищету, вырождение и смерть. XX век доказал это... Только национальная революция, а не эволюция губительных реформ может спасти угнетенный и обреченный на геноцид народ.

* * *

Я долго не мог найти церковь Святого Спиридона, в купели которой крестили мою мать Ольгу.

В который раз разворачивая вчетверо сложенное свидетельство о крещении матери, я искал, где находится или находилась церковь Святого Спиридона. Никто не давал ответа на вопрос, что значит «Управление Главных Уделов». В словарях тоже ничего не нашел. Спросил у друзей-петербуржцев. «Честно говоря, не знаем – наверное, взорвали большевики еще до войны!» Наконец с радостью нашел в Петербурге четыре тома редкостно роскошных книг, в столь ценных для книголюбов шнелевских переплетах. Юбилейное издание – форзацы из муара с золотым тиснением орнамента – «Столетие уделов. 1797–1897». В день своего коронавания 5 апреля 1797 года Император Павел I издал акт, который вошел затем в основные законы Российской Империи: это было «Учреждение об Императорской Фамилии». Новый закон имел в виду главным образом установить в России на незыблемых основаниях порядок престолонаследия. Так, введен был целый ряд законоположений, устанавливающих источники, размеры и средства обеспечения содержания членов царствующего дома.

«...Желая обеспечить состояние Императорской Фамилии на вечные времена без отягощения государственного бюджета, – говорится в книге «Столетие уделов», – Император Павел I, с изданием «Учреждения»... отделил для этого особые недвижимые имущества, числившиеся в составе государственных владений под именем дворцовых волостей и деревень, назначил доходы от них исключительно на содержание особ царствующего дома. Именным этим дано было наименование удельных, а для заведования ими учреждено было отдельное ведомство – Департамент Уделов, с особым министром во главе».

Думаю, что любознательному читателю, не говоря уже об историках, будет интересно изучить этот труд, сравнить с уложениями царствующих дворов Европы – не говоря уже о современных владыках XX века: президентах, королях и олигархах...

...На Литейном, в роскошном доме, фасад которого украшен кариатидами, ныне находится Всероссийский нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт. Равнодушная вахтерша сказала, что никакой тут церкви нет и не было. Мне вспомнилось, что в Императорской академии художеств тоже была церковь во имя Святого Спиридона, где отпевали многих известных художников, в том числе Врубеля. Когда я учился в институте имени Репина, церковь была преобразована в актовый зал, где проводились комсомольские и партийные собрания и где частенько выступали перед студентами не только президент Академии художеств СССР А. М. Герасимов, но и члены всемогущего президиума Академии. Именно здесь в 1953 году нас всех собирали для того, чтобы объявить о смерти Сталина. Ныне, приезжая в альма-матер, радуюсь, что церковь Святого Спиридона восстановлена!

В объемистой книге «Лавры, Монастыри и Храмы на Святой Руси» нашел наконец, где была церковь Святого Спиридона при Главном Управлении Уделов. Церковь находилась в здании управления на втором этаже над комнатами председателя департамента. Она укра-

шена колоннами коринфского ордена... Иконостас белый, деревянный с позолотой, сделан по рисунку профессора Розанова, строившего церковь (она располагалась на Литейном проспекте).

Храм был построен во имя Святого Спиридона, жившего в IV веке от Рождества Христова и бывшего епископом города Тримифунта на острове Кипр. В энциклопедии Православной Святости (Москва, 1997) о Спиридоне читаем: «Житие святителя Спиридона поражает удивительной простотой и силой чудотворения, дарованной ему от Господа. Он исцелял больных, пробуждал мертвых, низводил дождь на поля, укрощал стихии, изгонял бесов, сокрушал идолов... Святитель был пастухом на о. Кипр».

Известно, что епископ Спиридон принимал участие в I Вселенском соборе, столь важном для истории Православной святой апостольской церкви, «...где совершил чудо, наглядно явив доказательство Единства во святой Троице. Взяв в руки кирпич, он стиснул его и разложил на три составные части: из кирпича вышел огонь, потекла вода, а глина осталась в руках чудотворца. «Се три стихии, а плинфа (кирпич) одна, – сказал святитель, – так и в Пресвятой Троице – три Лица, а Божество Едино». В России святитель Спиридон почитается вместе с Николаем Чудотворцем в один день – 6 декабря. Разумеется, Никола-угодник, святой заступник Божий всех плавающих, плененных и страждущих, занимает особое место в русском религиозном сознании и памяти народной. Великая тайна заключается в том, что провинциальный архиерей из Малой Азии, архиепископ Мир Ликийских, так тронул славянскую душу, что стал покровителем далекой православной России, и ему молились, взывая о помощи, как в бедных деревенских церквях, так и в роскошных златоглавых столичных соборах. Будучи на острове Кипр, посетив кафедральный собор в городе Ларнака, я заметил, что в храме находится очень много русских икон – даров русских православных братьев еще до революции. Спускаясь по ступеням, ведущим в подземную часть церкви, увидел надпись, гласящую, что здесь покоится «Лазарь, друг Христа». Не скрою, что в первый момент я был несколько шокирован такой неожиданной и странной надписью, но вспомнил, что в Евангелии умерший Лазарь действительно назван другом Христа. Кто не знает о чуде воскрешения Лазаря? На наших русских древних иконах часто можно видеть изображение человека, который прикрывает нижнюю часть лица, поскольку труп Лазаря смердил, будучи погребен в склепе, вход в который был закрыт могильной плитой. «Лазарь, изыди вон» – приказал свершающий чудо воскрешения из мертвых Христос – Сын Божий. И друг его воскрес и вышел из могильного склепа. Воскрешенный Лазарь был долгие годы митрополитом на острове Кипр, что подтверждается многими историческими свидетельствами.

Меня, человека XX века, потрясло это великое Чудо. В моей душе художника родился замысел: в ветреных сумерках, на берегу моря, где о камни разбивается прибой, спиной к нам стоит одинокий человек. Он смотрит на тревожно багровый закат солнца, лучи которого – как распятие. Всей душой своей он устремлен к лежащей за морем Палестине, словно прозревая в этих лучах скорбь и муку Христову и в шуме ветра постигая таинство последних слов распятого Учителя: «Пошто покинул меня, Отче?»

Эта картина, среди других моих новых работ, была показана на моих выставках в Москве и Санкт-Петербурге в 2000 году от Рождества Христова.

Художник Федотов – друг семьи Флугов

Павел Андреевич Федотов занимает особое место в русском и мировом искусстве. Его видение мира, казалось бы, столь жанровое и бытовое, включает глубокий философский подтекст, озаренный настроением. Реалистический дар Федотова сродни Гоголю с его фантастической реальностью «смеха сквозь слезы», сочетающей комедию с трагедией загадочно странной души русского художника.

Федотов появился в русском искусстве неожиданно, сказал свою правду и тем оставил глубокий след в нашем осознании мира, мира ушедшего и такого современного. Бывший офицер лейб-гвардии Финляндского полка, с помощью своего кумира Карла Брюллова, на которого он так не был похож ни в жизни, ни в творчестве, достиг вершин мастерства виртуозного рисунка и чарующей непосредственности восприятия жизни.

Сюжеты его картин, словно лежащие на поверхности жизни, таят в себе великую глубину постижения мира. Федотов – подлинный реалист во всей своей глубине и всесторонности. Слова Гоголя, сказанные о Пушкине, унесшем с собой тайну, которую мы до сего дня пытаемся разгадать, можно отнести и к Федотову.

Никто из художников, кроме Павла Андреевича, не сопровождал свои картины стихами. Читая их сегодня, задумываешься, то ли они были объяснением к его картинам, то ли картины – иллюстрациями к его стихам. Но бесспорно одно: Федотов, как никто, с беспощадной правдой отражал жизнь, будучи великим колористом и рисовальщиком. Его стихи кажутся порой неумелыми и наивными в сравнении с магией реализма его картин и рисунков. Утверждаю с уверенностью, что такого рисовальщика жанровых сцен Европа не знала. Даже Домье и Гаварни меркнут перед его гением. Затерянные в необъятных просторах России и блеске имперской столицы, его жизнь и творчество еще далеко не изучены.

В октябрьском номере журнала «Старые годы» за 1907 год, ставшего ныне драгоценным раритетом, в статье «Малоизвестные произведения П. А. Федотова» находим упоминание о коллекции рисунков, «исполненных Федотовым с натуры в семье Флугов» (собственность К. К. Флуга, моего деда). В журнале напечатаны три репродукции с рисунков из этой коллекции.

* * *

После революции в нашем загородном доме в Дибунах, принадлежавшем моему деду, действительному статскому советнику К. К. Флугу, был организован детский сад, а ныне размещается какое-то учреждение. У деда Константина Карловича были портреты наших прадедов кисти Лампи, огромная коллекция старых русских монет и медалей воинской славы России, но главное, о чем я скорблю – это потеря многих рисунков и работ Федотова, который был другом семьи моего прадеда Карла Карловича Флуга, вольнослушателя Академии художеств. Ныне в Третьяковской галерее и Русском музее хранится множество рисунков и портретов семьи и знакомых К. К. Флуга. Когда умер двоюродный дядя деда Егор Гаврилович, то Федотов, используя натуральный рисунок, сделанный со своего покойного друга, написал маслом портрет «Е. Г. Флуг со свечой» (широко известный читателям по монографиям и многочисленным репродукциям; он находится ныне в экспозиции Русского музея), передав в опущенных глазах и освещенном свечой лице его ум и благородство. Помню семейное предание о том, что для «Утра свежего кавалера» позировала горничная Флугов, а при написании фигуры жеманной невесты в «Сватовстве майора» был привлечен для наброска даже Карл Карлович. Рисунки в саду с горничной, с гувернанткой сохраняют правду жизни давно ушедшего. Я помню, в нашей семье говорили о том, что когда А. И. Сомов (отец знаменитого «мирискусника» К. Сомова) работал над своей монографией о Федотове, вышедшей в Санкт-Петербурге в 1878 году и ныне ставшей библиографической редкостью, то мой прадед и, очевидно, дед давали ему какие-то справки и пояснения. Несмотря на революционные вихри, когда почти все, что было в семье, утеряно и уничтожено, чудом сохранились листы, вероятно, написанные моим дедом. Эти записи нигде не публиковывались и представляют, как мне кажется, интерес для всех, любящих русское искусство, в частности творчество Федотова.

Считаю своим долгом познакомить с ними читателя.

«Из рассказов моего покойного отца об известном русском художнике – жанристе и поэте Павле Андреевиче Федотове – у меня сохранились о нем следующие отрывочные сведения.

Федотов, тогда (в сороковых годах) офицер Лб. Гв. Финляндского полка, приходил очень часто к родителям моего отца, в 15 линии Васильевского Острова, в деревянный дом моей бабушки, который в настоящее время принадлежит мне. Познакомился он с ними случайно, если не ошибаюсь, зайдя однажды напиться, как-то идучи мимо и почувствовав себя дурно. Павел Андреевич очень некрасив собой, но при разговоре лицо его оживлялось и делалось красивым, симпатичным, приятным; глаза были у него умные и выразительные. Бабушку мою Шарлотту Францевну Флуг он очень уважал и любил за ее любезное и душевное обхождение и был дружен с моим отцом, посещавшим одно время Академию художеств и отзывчивым к поэзии и искусству. Несколько раз в неделю заходил он к ним, чувствуя себя, как одинокий человек, особенно хорошо в семейном кругу. Свои жанровые картины рисовал он по вечерам за семейным столом моей бабушки, а мой отец обыкновенно в это время читал что-нибудь вслух.

Павел Андреевич был большой юморист... Когда заходила речь о его материальном положении, а нужно заметить, что он всю жизнь свою страшно бедствовал, П. А. говорил моей бабушке: «Мой отец так неосторожно служил, что ничего мне не оставил».

Об одном умершем толстяке, любившем хорошо и много покушать, он говорил, что ему на кресте следовало написать соответствующую эпитафию, в которой, между прочим, находились бы следующие слова: «И пусть вырастет на могиле куст, и на каждой ветке пусть будет по котлетке».

Когда речь заходила об общих знакомых и он не мог припомнить фамилии того или другого лица, то брал мелок и несколькими штрихами быстро набрасывал на ломберном столе черты вышеупомянутого лица, и выходило так похоже, что сейчас же узнавали по рисунку, о ком шла речь. Раз П. А. присутствовал на похоронах какого-то немца и, придя к бабушке моей, стал рассказывать, как много было народу, и кто был из знакомых. На вопрос бабушки, как понравилась речь пастора, последний ответил, что почти ничего не понял, так как по-немецки знал плохо, понял только некоторые слова пастора...

Когда же бабушка спросила об имени пастора, П. А., не зная его, подошел к ломберному столу и начертил мелком портрет, в котором сейчас же узнали пастора Яна.

По рассказам моего дяди, отец Федотова участвовал в Турецкой кампании и жил с одним приятелем в палатке, причем прислугой у него была турчанка, так привязавшаяся к Федотову, что по окончании кампании поехала с ним в Россию и сделалась женой Федотова, а потом и матерью Павла Андреевича.

Об этом, а равно и других эпизодах своей жизни, часто рассказывал П. А. моим домашним, разгуливая по аллеям нашего в 15-й линии глядя или сидя на большой террасе под окрашенной в зеленый (а-ля бильярд) цвет крыши. За обедом он всегда был душой общества, непременно читал свои стихи, между прочим, «Женитьбу майора». На существующей его картине «Сватовство майора» для фигуры жеманной невесты позировал мой покойный отец, а в лице жениха майора он изобразил самого себя. Затем в картине «Утро после пирушки» женщина, показывающая дырявый сапог чиновнику с полученным накануне орденом в петличку, срисована с нашей старой прислуги Настасьи – жены артельщика Федора Яндовина, выкупленного моим дедушкой из крепостного состояния. Уходя от нас по довольно уединенным улицам, Федотов часто останавливался у кабачков и трактиров, вглядываясь в типичные лица гуляющих людей для своих эскизов.

Под конец жизни П. А. сошел с ума и был помещен в больницу всех Скорбящих по Петергофскому шоссе. «Матушка моя, – писал К. К. Флуг, – часто посылала ему на квартиру покушанье, зная, что у него изобилия не было». Он помешался от безнадежной любви и наяву и

во сне говорил про какую-то Юлию. В нашей семье помнили строчки безумного художника: «Хожу ли я, брожу ли я, все Юлия, все Юлия».

У моего отца была драматическая картина Федотова, на которой последний изображен в больничном халате с наголо бритой головой, а на заднем плане в дверях – его любимый старый денщик.

Все этюды и картины, рисованья Федотова мой отец тщательно собирал, но, отдав однажды одному знакомому, обратно не получил и только спустя много лет случайно увидел свою коллекцию в магазине Бегрова, который просил за нее 1500 рублей».

«П. А. Федотов... бабушке моей Шарлотте Францевне Флуг говорил: «Дворник Ваш богаче и счастливей меня. Мне необходимо бывать на балах в Зимнем Дворце; что стоит один мундир, а должен он быть с иголки; шелковые длинные чулки стоят в Английском магазине 40 руб. ассигнациями, но я еще должен взять карету, а на «ваньке» меня и к подъезду Дворца не пустят».

Федотов любил аккомпанировать свои песни на гитаре, на которой очень хорошо играл»...

* * *

У тети Аси в их доме в Ботаническом саду над столом до войны висел чудный карандашный рисунок «К. К. Флуг читает книгу», по-моему, он был передан в Русский музей. У нее же хранилась семейная реликвия – пачка старых фотографий-репродукций с никому не известных рисунков П. А. Федотова. Сами рисунки, как и вся коллекция, оставшаяся от прадеда, были разграблены во время революции.

Помню, как Т. А. Дядьковская, сотрудница Русского музея, работавшая над монографией о Федотове, принесла дяде Коле и тете Асе письмо от Игоря Грабаря с просьбой оказать ей помощь в работе и предоставить сохранившиеся материалы о художнике. И большинство фотографий были переданы ей. Три фотографии остались, и теперь они у меня. На одной из них рисунок, где мой прадед К. К. Флуг беседует с садовником. На обороте выцветшими чернилами написан адрес, по которому на Васильевском острове находился наш дом.

Личность и великое искусство трагического и странного художника П. А. Федотова, тесно связанная с судьбой моего рода, является частью и моей жизни. Я помню, как в темной, холодной комнате (тогда как в других лежали мертвые родственники – бабушка, тетя, и жуткой пустотой зияла комната, где умер отец) при свете коптилки на меня неотступно смотрели с портрета кисти Федотова глаза моего прадеда. Словно времена остановились, и они до жути пристально внимали из 40-х годов XIX века всему ужасу катастрофы своих потомков в 42-м году века XX.

Много лет спустя, накануне своей смерти, моя тетя Агнесса Константиновна передала этот портрет по настоянию дирекции Третьяковской галереи в знаменитый музей национальной живописи. Несколько лет назад, придя в Третьяковскую галерею, я увидел под стеклом витрины все в том же знакомом овале рамы на глухом зеленом фоне незабываемые глаза прадеда. Мне стало страшно, мгновенно встал в памяти ушедший, но незабываемый кошмар блокадных дней. Под этим портретом от голода умерла моя мать...

И еще я вспомнил, как незадолго до войны стоял с матерью в Александро-Невской лавре в дни юбилея великого русского художника П. А. Федотова. Запомнилось грустное надгробие Мартоса, прекрасные траурные марши в мраморе, посвященные великим людям России. Помню, кто-то говорил, что, когда вскрыли могилу А. Меншикова, сподвижника Петра Великого, увидели, что он был похоронен в красных суконных штанах.

После блокады, живя в пустом, безумно одиноком городе, мы, ученики средней художественной школы при Академии художеств, любили рисовать в Александро-Невской лавре

храмы, отраженные в воде узкого канала; оскверненные, заброшенные, заросшие бузиной фамильные склепы великих людей – России: Мусоргского... Чайковского... Федора Михайловича Достоевского... Надгробия прошлых веков поросли травой и были так непохожи на кресты и памятники XIX века. На кладбище стояла тишина, только за оградой на Неве кричали птицы и изредка тревожно гудели буксиры. Старые кладбища навевают просветленную грусть. С трудом раздвигая заросли кустарника и высокой травы, читаешь едва разбираемые надписи на могилах и приобщаешься к таинству неудержимо бегущего времени, бессилию человека перед загадкой смерти.

Врезались державинские слова на одном из надгробий екатерининских времен:

Река времен
в своем стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей...

Или еще одна надпись, исполненная шрифтом XVIII века, прочитывалась сквозь мох: «Путник, остановись, я, как и ты теперь, гулял среди могил»... Много-много раз, в разные периоды жизни, смотря на черный мраморный крест надгробия Федора Михайловича Достоевского, старался вникнуть в высеченные на нем, словно золотом ржи, по-старославянски мудрые слова Евангелия: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

По сей день, приезжая в мой город, я с волнением вхожу под арку Александро-Невской лавры. Помню прочитанное в детстве: когда хоронили Суворова, похоронное шествие вдруг остановилось перед аркой. Катафалк с гробом великого полководца, генералиссимуса был так высок и на нем было столько цветов, что многие засомневались, пройдет ли он в ворота лавры. Но один из шедших за гробом старых солдат, ветеран суворовских походов, ободрил многотысячную толпу: «Суворов всюду проходил и здесь пройдет – не останавливайтесь!» И впрямь, Суворов прошел и на этот раз в свой последний путь в вечность. На своей могиле, как известно, он просил начертать просто: «Здесь лежит Суворов».

Входя в знаменитый акрополь направо, там, где могила Достоевского, я вспоминаю его в те давние послеблокадные годы, когда его еще не коснулась кощунственная рука советского партийного руководства. Они поступили просто: сровняли с землей те захоронения, которые им казались неважными для истории. И вот теперь, как на вырубленной делянке, мы видим лишь одинокие могилы великих людей России. Среди них – и скромное надгробие Павла Андреевича Федотова...

* * *

Памятники истории и старины: старинные книги, гравюры, картины, мебель – всегда заставляли меня приходить в неопишное волнение, и не только, наверное, потому, что от соприкосновения с ними будоражились некие генные токи, пробуждающие историческую память о наших предках... Сколько любви и духа несут они в себе через века и годы!

Быт XX века создан машинами. Современная мебель, например, как и архитектура, – глуха и мертва. Все это создано не душой, и не искусством, и не энергией любящего, творческого человека. И потому не затрагивает чувства. Я любил рассматривать, словно вынесенные со дна Атлантиды, старинные открытки, литографии, гравюры, репродукции с картин старых мастеров. С детства меня окружала красота, которая была во всем: в облике великого города, старинной мебели, картинах и книгах.

Красота интерьеров, сопровождающая жизнь всех сословий России, неотрывна от исторического бытия русского народа. Интерьеры домов сословия дворян, купцов или крестьян отличались своей красотой, присущей как крестьянской избе, так и роскошному дворцу царского сановника. Любопытно, что известный Стендаль, побывав с армией Наполеона в России, с восхищением писал, что красота дворцов вельмож превосходит французские. Мебель из карельской березы, созданная в мебельных мастерских князя Мещерского при Екатерине Великой, поставила его в тупик. Он решил, что, скорее всего, это английская мебель. А ведь когда-то в Москве был музей русской мебели, который закрыли в 30-е годы. До сих пор не существует капитальных трудов по истории нашей мебели от древних времен до новорусского стиля, который советские искусствоведы презрительно называли «псевдорусским». Мебель эта осталась только в музеях как экспонаты эпохи. А ведь было время, когда эта красота была органической частью бытия русского народа...

Как и всегда, будучи в родном городе, я зашел в антикварный магазин на Наличной улице. Помню, первое мое в детстве посещение с отцом комиссионного магазина на Невском оставило в душе восторг от увиденных там люстр, огромных картин в духе Тьеполо, строгих голландских портретов с дивно написанными складками шелка и бархата, грустных руин Рима, воспетых Пиронези, благородных образов русских вельмож – все это напоминало не магазин, а музей.

Сколько грабили Россию, дограбливают и сегодня... Но до чего же неисчислимы богатства, накопленные трудом наших предков. Взять, например, икону, или, как называли в советское время, древнерусскую живопись. Иконы жгли, уничтожали, продавали за границу – ведь надо было щедро финансировать мировую революцию. Количество их в России, как известно, исчислялось миллиардами. Не случайно сам Троцкий и его жена Н. Седова ведали награбленными ценностями русских церквей. Я сейчас имею в виду не живопись, а золото, серебро и драгоценные камни, которыми были так богаты сельские наши храмы. Сейчас, разумеется, уже не купишь за тридцать рублей, как я купил когда-то, туалет XVIII века, или павловские стулья по десять рублей, или Боровиковского за символическую сумму... И вот, войдя в антикварный магазин на Наличной в начале 90-х годов, я увидел иконы XIX века с пестрящими от многочисленных нолей этикетками цен.

Дойдя до витрины, я обратил внимание на дорогостоящую ростовскую финифть, разбитую, но тщательно склеенную. Перевел взгляд на маленький холстик, приблизительно 30 на 20 сантиметров, и в глазах потемнело: Федотов! Не веря себе, прошу открыть витрину и, сдерживая волнение, равнодушно спрашиваю у продавщицы: «А это что за барынька?» А про себя думаю: «Мать друга Федотова – Дружинина! Но ведь ее портрет находится в Русском музее». Перевернул темный от времени маленький холст. Читаю бирку: «Неизвестный художник XIX века. Портрет. Цена – 5 тыс. рублей». Кто-то в ухо из-за спины говорит: «Илья Сергеевич! С каких пор вы «копией» стали интересоваться? Купите лучше эту икону Спаса. Сорок пять тысяч, по-нынешнему – даром! Хотя и XIX век, а красиво!» Сдерживая прерывающийся голос и не выпуская из рук портрет, говорю: «Выпишите, пожалуйста, чек».

В библиотеке, в последней монографии о Федотове (очень скучной и вяло написанной, как и большинство книг советских искусствоведов) нашел портрет М. П. Дружининой. Около 1848 года. Сравниваю по миллиметрам: «Это не копия!» Мчусь на первый этаж к реставратору. «Как ты думаешь, что это?» – спрашиваю его. Тот долго смотрит. «Уж больно на Федотова похоже, – говорит, – оригинал-то вроде в Русском музее, а этот портрет явно не «копийный». – «Да, но от оригинала-то отличается, – говорю я, – и детали отличаются, пол даже на два пальца ниже, но написано с таким же мастерством».

Через несколько часов темный лак был удален. Я уверен: Федотов! Реставратор, видя мой восторг, говорит, смотря на торговый ярлык: «В любом случае – даром. По-старому 50 рублей».

В Москве я повесил портрет на стену напротив давно купленного мною портрета Федотова «Неизвестная». Когда с моим новым приобретением познакомились друзья-художники, все в один голос говорили: «Конечно, Федотов. Но почему два портрета?» – «Почему, почему, – раздражался я. – Один написан для друга, а второй мог быть сделан для его матери. Авторское повторение. Подчеркиваю: не копия, а повторение. То, да не то».

И вот, когда я писал эти строки, мы вместе с моим другом пересмотрели все имеющиеся в доме книги о Федотове. У меня есть все монографии о нем, кроме, как считали в нашей семье, самой лучшей – Сомова. И если даже сам А. Дружинин, один из ближайших друзей Павла Андреевича, в своих прекрасных воспоминаниях о Федотове не упомянул ни словом о портрете своей матери, то вдруг в монографии Ф. И. Булгакова «Павел Андреевич Федотов и его произведения» (Санкт-Петербург, 1893) на с. 34 читаем: «Кроме перечисленных произведений П. А. Федотова, в списке А. И. Сомова значится еще несколько таких работ художника, которые принадлежали или принадлежат следующим лицам; Г. В. Дружинину в Петербурге – два портрета М. П. Дружининой (сидящая фигура в боскете из плюща)».

«Вот это да!» – воскликнули мы и с жаром кинулись вновь рассматривать портреты – репродукцию находящегося в Русском музее и недавно купленный в Петербурге.

Я не сомневался более в его подлинности. К сожалению, наши искусствоведы зачастую «ленивы и нелюбопытны». В истории искусства их учат скользить по поверхности, а если речь идет о живых художниках, то, принадлежа к определенным группировкам, они свирепо обрушиваются на инакомыслящих; не любимый мною Белинский справедливо заметил, что «нет критики без любви».

Как нам не хватает людей, подобных Грабарю, Стасову, Маковскому, Бенуа, барону Врангелю и Дягилеву, как не хватает любви и уважения к миру и жизни художника! И если кто-то и понимает, с моей точки зрения, в атрибуции произведений искусства, то это или серьезные реставраторы-практики, или влюбленные в искусство коллекционеры.

Я не могу назвать себя коллекционером, но искусство – это моя жизнь. Я был вынужден несколько лет по причине нищеты заниматься реставрацией найденных и спасенных мною художественных произведений. Что же касается экспертизы и экспертов – это больной вопрос нашего времени. Безусловно, существуют честные, знающие и бескомпромиссные эксперты. Но, к сожалению, мы все чаще и чаще сталкиваемся с фактами недобросовестно выданных экспертами сертификатов, определяющих достоинство того или иного произведения. Увы, и в эту область вторглась коммерция. Столь же печальны факты, когда ошибочное заключение дается невеждой, считающим себя экспертом. С каждым днем проблема научной экспертизы становится все более и более актуальной, а эпизоды, связанные с этой сферой, принимают иногда скандальный характер.

Мой дед – действительный статский советник

Константин Карлович Флуг – отец моей матери – по образованию был горным инженером. Служа в министерстве финансов, в течение многих лет участвовал в работе комиссии по приемке золота на Санкт-Петербургском Монетном дворе. Дослужился до чина действительного статского советника, награжден многими российскими орденами и тремя иностранными – Св. Даниила от князя Черногорского, Льва и Солнца от персидского шаха и Кавалерским крестом Почетного легиона Франции.

Известно также, что он автор книги о внешнем виде главнейших типов русских золотых монет и других трудов по истории нумизматики. Не скрою, для меня было приятной неожиданностью узнать, что в недрах главной библиотеки страны сохранилась также и книга стихотворений, которые донесли до меня настроенность его чистой и благородной души, напомнили мне поэзию великого князя Константина Романова, автора известного романа «Растворил я

окно...». Не утомляя читателя, приведу лишь одно стихотворение из этого сборника, изданного в Санкт-Петербурге в 1914 году в типографии, носящей ныне имя Ивана Федорова. Не премину отметить, что в предисловии К. К. Флуг скромно пишет о цели его публикации: «Если кто-либо найдет какое-либо хорошее чувство или проникнется, хотя и ненадолго, не прозаическим настроением, прочтя эти стихи, я буду совершенно удовлетворен и доволен, так как исходя только из этих желаний я решился напечатать их».

ЛЕТНЕЮ НОЧЬЮ

Светит волшебна луна,
Ночь так тиха, хороша,
Трепетом робким полна,
Внемлет той ночи душа.
Звезды мерцают с небес,
Запах левкоя и роз,
Мир откровенных чудес,
Мир упований и грез!
Счастья порыв налетел...
Где-то запел соловей,
Ночь все светлей и светлей,
Дрогнул восток, заалел...

В 1909 году им была издана книжка «Викинги и Русь». Концепция книги отражает борьбу лагерей норманистов и антинорманистов. Говоря о книге деда, хочу лишь подчеркнуть, насколько был широк круг интересов русских интеллигентов той поры...

В детстве я много слышал о нашем загородном доме на станции Дибуны недалеко от Куоккалы, где жил Илья Ефимович Репин. Тетя Ася каждый день ездила на поезде в Петербург в гимназию и часто в вагоне оказывалась вместе с Леонидом Андреевым, который, сидя напротив и видя смущение гимназистки, любил подмигивать ей. Он был любимцем публики, очень красив и статен. Помнила она и Илью Ефимовича Репина, тоже спешащего в Петербург на поезде из Куоккалы. Многие иронизировали над тем, что многочисленные гости Репина набрасывались на съестные припасы в буфете на станции в Куоккале, потому что никто не мог есть сенных котлеток, приготовлявшихся в его доме, когда он стал вегетарианцем. Имя Репина было окружено ореолом великой славы.

Те годы были овеяны огромным духовным авторитетом и влиянием великого подвижника православной веры и самодержавия отца Иоанна Кронштадтского. Помнила моя тетя, как на Каменноостровском мосту, что идет от Марсова поля, он силой взгляда останавливал идущую с революционными лозунгами толпу. И толпа пятилась. О. Иоанн, родившийся на далеком приволье русского Севера в крестьянской многодетной семье, стал духовником царя Александра III. На его могиле в разгромленном монастыре на Карповке была устроена свалка мусора. А ныне он причислен к лику святых, и православная жизнь снова возродилась там, где царила мерзость запустения...

Мой дед Константин Карлович Флуг умер в 1920 году от голода в Петрограде. Однажды революционный солдат снял с него генеральскую шинель горного инженера с голубыми отворотами и дал свою – рваную солдатскую. «Так тебя точно не прикокошат, папаша», – оправдывая свой «обмен», сказал он. Потом как-то на Невском деду стало плохо от голода, и он присел на бордюр тротуара. Какие-то девочки, видя нищего старика в рваной шинели, положили рядом с ним копеечку. Она хранилась у нас до войны. Его сын Кока, Константин Константинович Флуг, бывший белым офицером, чудом ушел на рассвете, разломав крышу сарая, в котором согнанные там пленные офицеры к утру должны были быть сожжены заживо латышами

и китайцами. Впоследствии он стал ученым-китаистом и работал с академиком Алексеевым. У дяди Коки были серьезные труды по китаистике. В предисловии к одному из них, к «Истории китайской печатной книги Сунской эпохи X–XIII вв.», изданному Академией наук СССР (1959), написано: «...Научные интересы К. К. Флуга заключались в области изучения китайской книги не только как таковой, но главным образом как источника обширнейших сведений по самым разнообразным вопросам. Его научные изыскания в области китаеведения и идут в основном по этой линии. Он являлся китаеведом с исключительным знанием этих источников, блестяще владеющим китайским языком, прекрасным знатоком китайской рукописи.

Имя К. К. Флуга в китаеведческой литературе хорошо известно. Им написано более 20 научных трудов...»

Я помню лицо дяди Коки, когда он смотрел со мной в кинотеатре «Арс» на площади Льва Толстого фильм «Чапаев». В эпизоде, когда русские офицеры гордо в полный рост шли в психическую атаку, а красные, лежа в канаве, косили их из пулемета, он не удержался и захопал. На него все зашикали, а я долго не понимал, почему же он хлопал. Может быть, он сам был участником такой же атаки, когда белое воинство, ввергнутое в братоубийственную войну, шло под барабанный бой на верную смерть за единую и неделимую Россию. Далее по фильму, когда ночью подбирались к спящему часовому, кто-то из темного зала закричал: «Атас!» Это были мальчишки...

Много лет спустя, в начале 90-х годов, я посетил одного из могикан петербургской интеллигенции, профессора А. П. Терентьева-Катанского. Нажимая на кнопку звонка его двери, я уже знал, что в этой квартире часто бывал Александр Блок и другие светила петербургского Серебряного века. Очень бледный после болезни профессор восторженно смотрел на меня: «Не могу поверить своему счастью, что я вижу вас, – какая для меня это несказанная радость!»

Честно говоря, про себя я подумал, что сейчас знаток буддизма и тибетской религии выразит мне свои впечатления о посещении моих выставок в Ленинградском манеже. Но дальнейшие слова профессора были для меня неожиданны и повергли в глубокое волнение: «Я не ожидал, что буду пожимать руку племянника Константина Константиновича Флуга, перед трудами которого я благоговею и считаю его одним из лучших русских китаистов – у меня собраны все работы вашего великого дядюшки. Я даже храню письмо его жены, помеченное 1942 годом, в котором она оповещала наше отделение Академии наук о его смерти. Сколько ученых мы потеряли тогда в блокаду...»

Он провел меня в свой кабинет, весь заставленный книгами, они были на шкафах, на полу, на столе. Анатолий Павлович сказал: «Сегодня заниматься Тибетом и историей оккультных наук – это самое опасное, что может быть. Объясните, что вы хотите знать. И я вам помогу, чем могу». Сознаюсь, что мне было так приятно, и я был горд, узнав, что имя моего дяди не забыто и его вклад в русское китаеведение столь велик.

Брат дяди Коки и моей матери Валериан Константинович Флуг был выслан из Петербурга вместе со своей женой Наталией Никитичной и со всей семьей в Воркуту. Когда его старший шестнадцатилетний сын Вячеслав был схвачен «за подготовку белогвардейского переворота и антисоветскую пропаганду» у него при обыске обнаружили охотничий нож и старый штык, который мальчишка нашел на помойке, – средний сын Костя пошел в Петроградскую ЧК на Литейном и вступился за него, сказав, что он так же думает, как и его старший брат. Сашу младшего я хорошо помню, его не тронули. Сам Валериан Константинович умер в ссылке. Тетя Наташа – тоже (девичья фамилия ее Звонарева).

В начале 90-х годов приехал симпатичный молодой человек лет двадцати. «Я ваш племянник – Илья Флуг. Мои родственники в Волгограде вас недолюбливают, но я хотел бы просить вас дать мне немного денег и помочь уехать за границу». Уходя, он сказал «Я буду вам писать. Хорошо иметь такого дядю». Сейчас он обосновался в Германии, а его сестра Наташа, такая милая и столь же духовная, живет с семьей в городе Волжском.

Конек

С детства я помню сестру бабушки – жену генерала Федора Алексеевича Григорьева: бодрая, с миндалевидными глазами и седыми волосами, причесанными волной наверх, как у Нордман-Северовой на портрете Репина. Я часто играл на полу в солдатики и первое, что видел у входящих гостей, – ноги. Мне запомнилась высокая шнуровка ее изящных сапожек, которых уже никто не носил в 30-е годы, – как у Незнакомки Блока. Ее муж, бывший директор Первого Петербургского кадетского корпуса, умер своей смертью, так как за него вступились некоторые красные командиры, окончившие когда-то этот корпус у всеми любимого «дяди Феди». Изменив присяге, данной Государю, они, очевидно, не забыли свою кадетскую счастливую юность. Старший сын Григорьевых Артем остался в Финляндии, где служил накануне переворота. Я его никогда не видел. Говорили, что он позже эмигрировал в Швейцарию. Младший, Юрий, накануне октябрьской трагедии стал старшим офицером на императорской яхте «Штандарт». Я хорошо его помню, и у меня до сих пор сохранилась маленькая, сантиметра два, серебряная мумия с открывающейся крышкой крохотного саркофага. Он, еще будучи гардемаринком, привез ее из кругосветного путешествия и подарил моей матери, его двоюродной сестре. Я помню всегда подтянутую фигуру, загорелое лицо, рано поседевшие волосы, аккуратно расчесанные на косой пробор, – типичный белогвардеец из советских фильмов. Даже, по-моему, всем дамам ручки целовал. Мне он нарисовал синим карандашом белого медведя. Я помню его быстрые штрихи и образ доброго зверя, подаренный на память трехлетнему племяннику. Как враг народа, он был выслан в Казахстан в 1934 году; время смерти его неизвестно. Говорили, что путь «дворянских» поездов, идущих из бывшего Петербурга в Азию по специально построенным веткам железной дороги, обрывался в песках Кара-Кума. Заключенных выкидывали на раскаленный песок, а пустые составы возвращались за новыми жертвами в Ленинград.

Дочь Григорьевых – тетя Вера Григорьева, часто заходившая к нам, не была красавицей. У нее был интимный друг – дюжий пролетарий с усами, как у Максима Горького. Мама называла его иронически «Верочкин пролетариат» и говорила, что ее теперь не посадят.

Однажды мы с мамой побывали у нее в гостях – крохотная комната: стол, стул, кровать, и во всю стену – портрет царского сановника в эполетах, грудь в орденах и медалях, с продырявленным пулей лбом. «Вот из-за этого портрета тебя и заберут, несмотря на связь с пролетариатом», – пошутила, помню, мама.

«Но это же мой отец – генерал Григорьев».

«Донесут и спрашивать не станут – типичный царский сатрап», – продолжала мама. Тетя Вера шепотом говорила (она работала на станции Ленинград-Товарная): «Эшелон за эшелон отборного зерна идет к Гитлеру в Германию, что они делают?». Но посадили не тетю Веру, а ее друга-пролетария. Видно, не помогло пролетарское происхождение другу дочери царского генерала. Когда я смотрю на портрет Буревестника революции – М. Горького, всегда вспоминаю друга тети Веры. Но у него было доброе грустное лицо. Она понимала, что родственники не уважают ее за эту связь, и была с ним подчеркнуто амбициозно простой. «Василий такой прекрасный человек», – говорила она утвердительно, не ожидая поддержки. В начале войны тетя Вера переехала к нам, потому что ее дом разбомбили.

До самых недавних дней связывала меня с давно умершими родственниками Ольга Николаевна Колоколова, знавшая моего деда, бабушку и дружившая с моей матерью.

Говоря о ней, должен заметить, что генерал Федор Алексеевич Григорьев был родным дядей ее матери, Ольги Константиновны Скуратовой (в замужестве Колоколовой). Ее муж – Колоколов Николай Александрович – был курсовым воспитателем Александровского Императорского лицея, бывшего Царскосельского Императорского лицея, переведенного позднее в Санкт-Петербург.

После обыска на его квартире (который проводила «дамочка-чекист» в кожаной куртке) он был арестован и просидел несколько лет в заключении. Ольга Николаевна слышала много раз от отца такое признание: «Жизнь люблю, но смерти не боюсь».

...Последний воспитатель лицея Н.А. Колоколов умер в октябре 1927 года. Ему стало плохо, и смерть настигла его у решетки лицея на Каменноостровском проспекте, когда он пошел в очередной раз взглянуть на родное здание, с которым была связана вся его жизнь, как и жизнь многих воспитанников этого заведения, представлявших цвет русской национальной элиты. Он увидел, как ломом разбивают мраморный бюст Александра I, чтобы вместо него водрузить бюст Ленина. На постаменте памятника долго сохранялась надпись: «Он основал наш лицей».

Задолго до революции у семьи Колоколовых была дача напротив нашей, флуговской, в Дибунах. Несмотря на разницу в возрасте, Ольга Николаевна, или, как ее называли, Конек, очень дружила с моей матерью, которая и дала ей это прозвище за энергию и преданность в выполнении дружеских поручений и просьб. Всю мою жизнь, а мне уже немало лет, я помню нестарющую, небольшого роста, хрупкую, с благородным и умным лицом петербургскую дворянку, чудом сохранившуюся в вихрях истории послеоктябрьского переворота. Первую нашу встречу я, естественно, запомнить не мог, поскольку меня с матерью только что привезли из родильного дома. Но Ольга К., упомянутая в письме бабушки о моем рождении, и есть Ольга Колоколова. Я помню ее, когда она приходила к нам накануне войны, и помню, как, вернувшись из эвакуации, у своей тети Агнессы Константиновны снова увидел неменяющуюся Олечку, пережившую ужасы блокады. Когда я стал учеником средней художественной школы, а потом студентом института им. И. Репина, я часто встречал ее на симфонических концертах в филармонии. Она обожала Мравинского, глубоко и тонко разбиралась в произведениях великих композиторов. И я запомнил на одном из концертов ее лицо, скорбное, со взглядом, словно ушедшим в себя.

Я знал, что она одинока. Однажды произнесла «Все, кого я любила, давно умерли или убиты». Она рассказывала мне об очаровательной, полной артистизма Олечке – моей маме, которую все любили... «О, я знаю столько ее тайн, которые никогда никому не открою!» Мы говорили с ней в тот раз у беломраморных колонн бывшего здания Дворянского собрания, в котором ныне концертный зал филармонии. Взяв меня за руку, она сказала «Когда я говорю с тобой, я будто общаюсь с Олей и Сережей; у тебя верхняя часть лица и глаза – Сережины, а рот и овал лица – Олины. Она была такая необыкновенная в своей красоте. Мы с тобой оба так одиноки – и я понимаю, почему ты, как и я, так любишь музыку. Музыка – это дух, она разрушает одиночество, дает успокоение памяти прошлого и силы жить и верить в будущее».

Когда она говорила это, глаза у нее лучились, как у девочки, и я, глядя на нее, думал: «А ведь действительно Конек-Горбунок». «Ты единственный, – добавила она, будто прочитав мои мысли, – кто имеет право называть меня Коньком как сын моей обожаемой Олечки».

Помню, как однажды в белую ночь после концерта Натана Рахлина мы шли с ней пешком мимо Михайловского замка по Марсову полю, поднялись на мост, построенный императорским архитектором Леонтием Бенуа (братом Александра Бенуа, певца Петербурга и великого знатока искусства, равного которому нет в нашей культуре). В волшебстве ночи, которая превращает словно в мираж образ великого города, где вот уже столько лет на шпиле Петропавловской крепости трубит победу России ангел, а Нева меняет свои краски, словно музыкальные созвучия, случилось, что Конек стала мне рассказывать о первых днях революции, о том, как мой дедушка К. К. Флуг умер от голода. Как грабили Дибуны, как рисунки Павла Федотова топтали солдатские сапоги, а портрет кисти Лампи, изображающий моего предка, был разорван штыком.

Она рассказывала, какое искусство проявляла моя мать, чтобы из оставшихся тряпочек сшить себе и ей платье; о начале красного террора – обысках, арестах и грабежах. «Олечка, –

говорила она, – работала в одном из учреждений, я часто навещала ее. Раскрою тебе только одну маленькую семейную тайну, – продолжала она, – когда после голода 20-х годов во времена НЭПа мы с твоей мамой стали посещать кафе в Пассаже, где продавались такие вкусные пирожные и кофе – совсем как до революции, у Оли был роман с одним художником из круга «Мира искусства». Я тебе его фамилию не скажу, но звали его Илья. И я думаю, не в память ли о нем Оля назвала тебя таким именем. У них были очень красивые и нежные отношения. Разумеется, это происходило задолго до встречи с твоим отцом. Оля очень любила Сережу, но ее тревожила непримиримость его взглядов, она также боялась за крут его друзей».

Тетя Оля словно спохватилась и, оглянувшись, хоть за нами никого не было, попросила: «Только никому не говори о том, что я тебе сказала».

Прошло много лет, и в 1991 году мы с Коньком, моим сыном и дочерью (Ваней и Верой) и друзьями поехали в Дибуну, «на старое пепелище», как заметила она. «С тобою двое друзей, я с ними незнакома и при них ничего не хочу и не могу рассказывать, – заявила Ольга Николаевна. – А мне есть что рассказать. Не забывай, мне уже девятый десяток. Я не вечна, и ты никогда не узнаешь того, что я знаю. Я верю в Бога и не боюсь смерти. На мою жизнь выпало столько горя, что ты даже не можешь себе представить». Она отвела меня к могучей столетней березе. Порывы осеннего ветра заглушали ее слова. Кружась по земле, неслись осенние желтые листья. Она посмотрела необычно серьезным, я бы сказал, волевым взглядом мне в глаза и стала говорить: «Ты, конечно, помнишь дядю Юру Григорьева? Это двоюродный брат твоей матери, сын, как ты знаешь, царского генерала, директора Первого петербургского кадетского корпуса. «Они» его выслали. Тетя Вера, его сестра, умерла во время блокады в вашей квартире».

За вечную напряженность ее лица Оля окрестила Веру Вагоновожатой – как всегда, очень метко. «Ну так вот, – ее взгляд стал заговорщицким, серьезным, – дядя Юра служил офицером на императорской яхте «Штандарт». Я тебе раньше никогда этого не говорила. Как и того, что я ездила к нему в ссылку и дважды сидела сама. Я так любила этого очаровательного человека Юрочку Григорьева!.. Но вот твои друзья уже подходят к нам, да еще и с видеокамерой». «Конек, – спрашиваю я, – чего ты боишься? Сейчас времена изменились. Те события и люди уже стали историей».

Она грустно улыбнулась: «Ты так думаешь? Ты так всегда спешишь, Илюша. Я живу, как ты выражаешься, у черта на рогах. Приезжай ко мне, в мою однокомнатную конуру на Петроградской, где живу я и моя собачка. Я тебе передам очень важные документы. И скажу, где найти другие. Должна признаться, что я никому не верю. Ты мой единственный родной человек. Можешь взять с собой Ваню и Веру. У них такие благородные лица. А Верочка мне чем-то напоминает Олечку. Я чувствую в ней такой же твердый характер, который был и у Оли, несмотря на ее искрящийся юмор и артистизм».

В феврале 1993 года, покинув гостиницу «Прибалтийская», где я останавливался во время приезда в Петербург, поздним промозглым вечером позвонил в знакомую дверь, из-за которой тотчас же раздался лай маленькой собачонки. Конек засуетилась, стала предлагать чай, благодарить за подарки, присланные к Новому году, выговаривая при этом, что так, как живу я, жить нельзя, а я все спешу и спешу. «Публика, – наставляла она, – тебя так любит. Твоих картин ждут. Как была бы рада твоему успеху незабвенная Олечка. Я понимаю, что ты делаешь благородное дело для России, создав академию. Но подумай и о себе. Даже сейчас от чая отказываешься – все некогда У меня болит нога, и я не выхожу из квартиры. Спасибо, соседи не забывают. Меня почему-то в этом доме все любят и заботятся обо мне».

Она грустно произнесла: «Я знаю, что скоро умру. Вот эта иконка, висящая над кроватью – «Георгий Победоносец», завещана тебе. Вокруг творится снова ужасное – голод и нищета... Да, вот главное, – спохватилась она, услышав под окном гудки ожидавшего такси. – В московском архиве ты можешь получить рукопись твоего двоюродного деда генерала Гри-

горьева. Она называется «Дед внуку». То есть прямо предназначена тебе. Понимаешь? А вот фотография Юры Григорьева, когда он был гардемарином. Он тогда оказался в числе русских моряков, которых Государь посылал на помощь Мессине во время землетрясения в Италии».

Такси продолжало издавать надрывные гудки, зная, что я опаздываю на поезд. В крохотной передней мой бедный Конек в порыве нежной материнской страсти стремительно прижалась ко мне и, целуя мое лицо, заговорила; выражение ее глаз, наполненных болью и страданием, я никогда не забуду. «Дуденька, мой родной, ты для меня всегда будешь единственным любимым Дудей, как ты сам себя называл, когда был совсем маленький. Подумай только, какая я старая. Вот как сейчас тебя – обнимала я твоего дедушку, которого ты никогда не видел». Обнимая маленького хрупкого Конька, я на своей щеке ощутил ее слезы.

Проклятое такси вновь напомнило, что меня ждут. Вдруг она по-детски всхлипнула, словно душа ее хотела выплеснуть всю боль.

– Как «они» меня били, как глумились, какой пыткой были эти страшные ночные допросы! Я тебе расскажу все, никому ни разу ни о чем не рассказывала. А сейчас ты должен ехать... Какие кровавые ужасы мы пережили. Ты никогда ничего не боялся и нес в своих картинах Россию. И должен все-все знать».

С глазами, полными слез, я шагнул из подъезда хрущевской халупы в холодное, пронизывающее до костей петербургское ненастье. Слезы не высохали у меня до Московского вокзала.

Великий Князь К. Р.

Стихи Константина Романова – свидетельства такой чистой религиозной души, что сегодня, читая их, мы словно пьем воду из родника, когда вокруг все залито асфальтом и теснятся бетонные коробки, в которых живет племя «младое, незнакомое». Мне бы хотелось сначала сказать о них, прежде чем коснуться другой стороны деятельности К. Р. – деятельности государственного мужа, сделавшего столь много для развития и процветания доблестных российских войск, великой отваги и чувства долга русского офицерства, неукротимого бесстрашия русского солдата. Вот стихи из его двухтомника.

Одни из них стали хрестоматийными, на них написана прекрасная музыка.

Растворил я окно; стало грустно невмочь;
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени...

Другие стихи, написанные в Павловске, Царском Селе, Петербурге, Венеции, Риме, в древних германских городах, еще сокрыты от большинства читателей нарочитым забвением.

Распустилась черемуха в нашем саду,
На сирени цветы благовонные;
Задремали деревья... Листы, как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюбленные.
А отливы заката, алея, горя,
Синеву уж румянят небесную:
На весну наглядеться не может заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.
Напоенный душистым дыханьем берез,
Воздух в юную грудь так
Далеко моя песня разносится!

О замечательном русском поэте К. Р. можно сказать, что он был поэт-воин. Душа истинного поэта, как и художника и музыканта, таинство. Она обращена к Богу, вмещающая в себе ответы на жгучие вопросы истории и современного мира, сочетая служение музам и отечеству, что особенно свойственно русским поэтам.

Читатель хоть и с трудом, но может достать сборник стихов К. Р., как может найти его религиозно-историческую поэму «Царь Иудейский».

А вот его военное стихотворение:

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас – все так же ново
И знаменует нам и братство, и семью.
О, ветхий наш штандарт, краса полка родного,
Ты, бранной славою увенчанный в бою!
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Итак, Великий Князь Константин Константинович Романов был начальником Управления военно-учебных заведений. Основную часть их составляли кадетские корпуса. Сегодня, когда слышится это название, не все представляют, что стоит за ним. Между тем с деятельностью этих военных заведений связаны многие страницы истории отечественной культуры, педагогики и некоторых других сфер русской общественной жизни. Особенно ярко проявилось это в истории Первого Петербургского кадетского корпуса – первого не только по времени создания, но и по образцовости постановки воспитательного дела, служившей примером для всех заведений России подобного рода. Недаром державными шефами его были российские Государы, а среди воспитанников – многие представители царствующей династии вплоть до последнего наследника престола цесаревича Алексея, принявшего мученическую смерть в мрачную июльскую ночь 1918 года в подвале Ипатьевского особняка. Помню хранившуюся у нас до войны и погибшую в блокаду фотографию, на которой были запечатлены Государь Император Николай II, цесаревич Алексей и директор Первого Петербургского кадетского корпуса генерал-лейтенант Григорьев.

Необходимо сказать несколько слов о причинах возникновения этого учебного заведения. Регулярная русская армия, созданная Петром Великим, нуждалась в комплектовании национальными офицерскими кадрами. Существовавшие в то время военные школы не были способны справиться с этой задачей, и единственным путем подготовки офицеров оставался путь обучения их в чужих пределах. И тогда в 1731 году указом императрицы Анны Иоанновны в Санкт-Петербурге был учрежден «корпус кадетов» – Шляхетный кадетский корпус – на 200 детей. Примечательно, что на корпус мудрой императрицей была возложена задача готовить молодежь не только для военной службы, но и для службы на всех поприщах государственной деятельности. Таким образом, он с первых же дней существования стал высшим учебным заведением, сочетавшим признаки и военной академии, и университета. Для размещения корпуса императрица пожаловала лучший дом в Петербурге (с садом и постройками!), принадлежавший ранее знаменитому сподвижнику Петра I князю Меншикову. От нее же идет традиция неизменного заботливейшего участия российских монархов во всех делах «Рыцарской Академии» – как назывались кадетские классы корпуса. Сохранилось свидетельство первого Главного директора корпуса графа Миниха о том, что о наложенных на кадет «штрафах докладывается Ея Императорскому Величеству, дабы они по сему страх и стыд возымели и от того всяким образом воздерживались!». Появившиеся в России в ходе реформ Петра многочислен-

ные масонские ложи внимательно следили и, как могли, контролировали и влияли на развитие общественной жизни Российской империи. Разумеется, будущее офицерство, воспитываемое кадетским корпусом, не говоря уже об Академии художеств, организованной позднее, тоже было под их неусыпным оком.

Еще при жизни Анны Иоанновны среди воспитанников корпуса возникло Общество любителей русской словесности, членами которого были Сумароков, Херасков, братья Мелис-сино, Свистунов, Остервальд, Елагин и другие, чьи имена стали известными. И вот выступавший на заседаниях этого Общества с первыми поэтическими пробами Сумароков через семь лет после окончания корпуса написал первую русскую трагедию «Хорев». Поставленный по ней в корпусе спектакль произвел сенсацию.

Я хочу подчеркнуть значительность вклада воспитанников кадетского корпуса в разные сферы жизни, казалось бы весьма отдаленные от военной, когда, например, Российский театр был создан в Петербурге за несколько лет до основания знаменитого театра Ф. Волкова. В Петербургском кадетском корпусе были созданы также балет и первый частный журнал. Но прежде всего – там воспитывались доблестные офицеры, полководцы, умножавшие славу защитников Российской империи.

Вспомним лишь грозные для врагов Отечества имена Румянцева, Суворова и Кутузова! При этом хочется еще раз подчеркнуть, что исключительные результаты, обретенные сим «рассадником великих людей» – таким названием почтила кадетский корпус императрица Екатерина II, – в подготовке высокопрофессиональных и высоконравственных защитников Отечества обусловлены исключительным, поистине родительским вниманием державных особ. Государь Николай I называл воспитанников корпуса своими детьми и принимал участие вместе с наследником престола – тоже кадетом! – в их играх и учебных маневрах. Известен забавный случай, как царь изволил бороться с кадетами, которые уронили его и с криком «Ура!» стали поднимать Его Величество на руках...

Но вернемся к личности великого князя Константина Константиновича Романова, который, руководя делом военного образования в целом, тоже испытывал особые чувства к воспитателям и воспитанникам Первого кадетского корпуса – прежде всего потому, что его старший сын Иоанн был корпусным кадетом. Посещал его занятия и другой сын – Гавриил – воспитанник Первого Московского кадетского корпуса.

Приведу выписку из семейных воспоминаний дочери К. Р. – Веры Константиновны (умершей несколько лет тому назад в Америке):

«В 1900 году, по Высочайшему повелению, на отца было возложено ответственное дело воспитания военной молодежи. Всем в достаточной степени известно, какой это был счастливый выбор и на какую высоту мой отец поднял кадетские корпуса и военные училища. Все знают, как искренне любил он своих питомцев, как близко входил он в их нужды, интересы, личную жизнь, радости и горести. Он обладал замечательной памятью на лица, фамилии и даже прозвища, которые иногда давал он сам. Он знал и помнил множество кадет и юнкеров.

Кадеты и юнкеры обожали своего Шефа Маленькой иллюстрацией их любви и доверия к нему может послужить следующий случай: один кадет по фамилии Середа за «тихие успехи и громкое поведение» был исключен из двух корпусов – Полтавского и Воронежского. Тогда он решил обратиться за помощью к моему отцу. Он отправился в Павловск. Швейцар его не допустил. Тогда, недолго думая, он обошел парк, влез на дерево, чтобы произвести разведку. Увидев, что мой отец находится в своем кабинете, он туда вошел. Услышав шорох, отец поднял голову и, сразу же узнав мальчика, спросил: «Середа, что ты тут делаешь?» Середа, сильно заикаясь, ответил: «Вваше Иимператорское Ввысочество, – выперли...» «Так, – сказал отец, – что же ты теперь думаешь делать?» На это Середа не задумываясь воскликнул: «Вваше Ииимператорское Вввысочество, думайте Ввы!» Отец мой «подумал», и шалун был назначен в

Одесский корпус, который он окончил, выйдя в кавалерию. В 1-ю Мировую войну он отличился, заслужил Георгиевский крест и пал смертью храбрых».

В числе особо отмеченных вниманием Великого Князя Константина Константиновича воспитателей русского офицерства оказался и мой дед Федор Алексеевич Григорьев, ставший по его воле сначала директором Воронежского, а затем, в 1904 году, Первого Петербургского кадетского корпуса. Влияние Великого Князя на деда было многообразно.

Познакомлю читателя с небольшими извлечениями из обширной переписки деда с К. Р., чтобы еще раз ощутить их неказенные трогательные отношения.

15 апреля 1902 г.

Дорогое для меня милостливое внимание Вашего Высочества несказанно тронуло меня. Телеграмму Вашу подали мне в церкви в 12 часов 15 минут во время Светлой заутрени. Хотя, таким образом, я церковную службу простоял полковником, но все-таки очень рад, что доказательство дорогого для меня внимания Вашего Высочества получил при такой торжественной обстановке. Я не мог скрыть охватившего меня волнения, которое было замечено всеми присутствующими... В корпусе все, благодаря Бога, хорошо... мои первые попытки сближения с кадетами старших рот мне удаются и уже приносят плоды. Если же одна десятая того, что высказал мне сегодня инспектор классов в присутствии полного состава служащих по случаю поздравления меня с производством, верна, – то я сочту себя вполне вознагражденным за все мои старания быть полезным слугою Вашего Императорского Высочества...

Ф. Григорьев

22 декабря 1904 г.

Ваше Императорское Высочество! Не могу отказать себе в удовольствии поздравить Вас, как от себя лично, так и от лица всего своего семейства, с наступающим Новым годом и побеседовать с Вами. Лично я, Наталия Дмитриевна, Юра, Вера, Артя с женою, двое внуков и внучки – здоровы и ни на что жаловаться не можем. В эту зиму живем все вместе, так как Юра на зиму прикомандирован ко 2 фл. экипажу для обучения новобранцев. В корпусе также, благодаря Бога, все идет хорошо: кадеты ведут себя в общем отлично; никаких скандалов, бенефисов и т. п. и в помине нет. Каких-либо выдающихся проступков тоже нет...

Ф. Григорьев

25 февраля 1913 г.

Ваше Императорское Высочество!

Искренне признательны за письмо Ваше, которое нас всех очень обрадовало сообщением, что здоровье Ваше хорошо.

Парад наш как всегда прошел вполне благополучно, и наш Державный Шеф также был бесконечно добр и милостив.

На прошедшей неделе имел счастье пять раз видеть Государя: 17-го, 19-го, на открытии закладки памятника Великому Князю Николаю Николаевичу, 21-го при поздравлении, 23-го на балу и 24-го на спектакле в Народном доме.

Как всегда на параде и потом на завтраке кадет – более часа имел высокое счастье беседовать с Государем. 19-го и 24-го Державный Шеф оказал мне особенное внимание: здороваясь, подал руку. Знаю, что таким высоким вниманием я обязан Вашему Высочеству.

Ф. Григорьев

* * *

Федор Алексеевич Григорьев, отдавший полвека подготовке офицеров русской армии, был хорошим воспитателем. О том говорят многие факты из истории Первого кадетского корпуса и те знаки внимания – ему и руководимому им заведению – со стороны членов царствующей семьи, о которых я могу сказать лишь с чувством понятной гордости. Вот несколько выдержек из корпусной истории.

«17 февраля (1907 г. – И. Г.) в Царском Селе, в манеже в 11 часов утра состоялся парад в Высочайшем присутствии. Парадом командовал директор корпуса генерал-майор Григорьев...»

«28 января 1910 года наш Державный Шеф начал объезд военно-учебных заведений посещением Первого кадетского корпуса. Посещение это имело характер довольно подробного осмотра. Будучи в лазарете, Его Императорское Величество долго и милостиво беседовал с больными кадетами. В этот день Государь Император соизволил сняться перед строем Своей роты и затем изъявить согласие сняться еще раз на площадке 3 роты, разрешив встать рядом с Собою и директору корпуса генерал-лейтенанту Григорьеву. Покидая корпус, Государь Император выразил директору благодарность словами: «Благодарю Вас, – корпус видел в блестящем состоянии...»

«...17 февраля 1910 года состоялся церковный парад в Высочайшем присутствии в Царском Селе... Государь Император благодарил кадет за отличный парад, особо выразив Свою благодарность директору корпуса, ротным командирам и офицерам – воспитателям за порядок и обучение кадет».

Дед – внуку

И вот ксерокопия рукописи генерал-лейтенанта Ф. А. Григорьева наконец у меня на столе. Называлась она «Дед – внукам». Один из его сыновей-офицеров – Артем – пропал без вести в годы революции, другой – Юрий, морской офицер, – погиб в сталинских лагерях на Аральском море... Как читатель уже знает, моя бабушка Елизавета Дмитриевна Флуг и Наталья Дмитриевна Григорьева были родными сестрами, а я стал первым из двоюродных внуков читателем этого исторического документа – рукописи, никогда не издававшейся и до сих пор не упоминающейся в печати. Вместе с перепиской деда с дядей царя Николая II Константином Константиновичем (К. Р.) она составляет свыше тысячи страниц.

Но перед выписками из воспоминаний Федора Алексеевича Григорьева хочу напомнить читателю о значении в истории России доблестного русского офицерства, которое овеяно неувядающей ратной славою, беспримерной отвагой и мужеством. В своем подвиге служения за Веру, Царя и Отечество офицеры всегда были едины с рядовыми солдатами нашей доблестной армии. Какие же силы зла сделали их непримиримыми врагами? Общеизвестно, как солдаты обожали Суворова, Кутузова или Скобелева, чья жизнь была неотделима от низших чинов императорской армии. Многие великие полководцы ставили в пример доблесть наших офицеров и солдат, а Наполеон говорил: чтобы убить русского солдата, надо убить его трижды. А в XX веке даже заклятый враг славянства Адольф Гитлер выставил в качестве образца царскую русскую армию с ее «громадным, изумительно подобранным офицерским составом». И не случайно в дни нашей катастрофы большевики организовали бойню «золотопогонников», когда, например, на улицах Петербурга распропагандированная озверевшая толпа вбивала гвозди в плечи героев русско-германской войны, по числу звездочек на погонах. А «сознательная матрешка» под руководством новых комиссаров расправлялась с морскими офицерами, которых,

обезоружив, набивали в баржи и, открыв люки, пускали ко дну. Такого безумия национального самоистребления история еще не знала...

...В разгар войны с Гитлером с особой остротой стало ясно, что во имя победы необходимо вернуться не только к возрождению старой русской армии с ее золотыми погонами, но и старой системы подготовки офицеров-профессионалов, начиная с детских лет. Так были созданы, по образцу и подобию кадетских корпусов, суворовские и нахимовские училища. Я помню, как, будучи в эвакуации, мечтал поступить «в суворовцы».

Печально видеть сегодня, что в суворовских училищах вместо строгих и благородных «старорежимных» мундиров со стоячими воротничками введены, как и во всей армии, на американский манер штатско-демократические галстуки.

* * *

Очевидно, что, возрождая кадетские корпуса, руководство Вооруженных сил Российской Федерации обратилось к опыту военных учебных заведений царской России.

После войны мы, мальчишки, гуляя по набережным Невы, с завистью смотрели на подтянутых, красивых в своей строгой форме наших сверстников – суворовцев и нахимовцев – кумиров старшекласниц. А я вспоминал, как еще в довоенном детстве любил разглядывать спрятанные на нижней полке бельевого шкафа старые пожелтевшие фотографии, на которых были запечатлены мальчишки-кадеты в форме уланских, драгунских, гусарских и других полков царской армии. До чего же красива и разнообразна была эта форма! Особенно запомнились два снимка: Государь Николай II с Наследником и моим дедом, директором Первого Петербургского кадетского корпуса; а на втором, неофициальном – кадеты, окружившие своего любимого директора.

...В 70-е годы XX века, будучи в Париже, я впервые узнал, что оказавшиеся в эмиграции и рассеянные по всему миру мальчишки-кадеты, ныне глубокие старики, издавали свою газету «Военная быль».

Считаю нужным познакомить читателя с двумя статьями бывших кадет. Первая – это рассказ князя Н. В. Химшиева, бывшего молодого преподавателя, о моем дед и его методах воспитания будущих офицеров русской армии в Первом Петербургском кадетском корпусе, располагавшемся на 1-й линии Васильевского острова («Военная быль», № 70, ноябрь 1964 г.).

«Давно ли был директором нашего корпуса генерал Григорьев? Тем не менее время его управления такое дорогое, яркое и красочное, что после всего пережитого рисуется мне, как очень и очень далекое, как какой-то милый, хороший сон...

В начале января 1905 года (кажется – 5-го) наш директор генерал В. И. Покотило был назначен Ферганским военным губернатором, а вместо него был назначен директор Воронежского корпуса генерал-майор Ф. А. Григорьев.

С большим интересом ждали кадеты своего нового начальника. В лице уходящего В. И. Покотило заканчивался тот суровый режим, который великолепно вышколил кадет в дисциплинарном отношении, но в то же время всегда держал массу в напряженном, нервном состоянии, которое в любой момент и по любому поводу могло принять бурные формы...

Когда он (В. И. Покотило. – И. Г.) вышел из Соборного зала, где состоялось прощание с прежним директором и встреча нового, и появилась затем импозантная фигура «добродушного толстого дяди из провинции», у всех нас как-то сразу отлегло от сердца. После его вступительной речи, в которой он отметил, между прочим, что с чувством особой гордости вступает в управление старейшим корпусом с его блестящей и обязывающей историей, все невольно почувствовали, что повеяло теплом и сердечностью, и успокоенная молодежь с доброй улыбкой на устах принялась за свое обычное дело... За время службы под начальством генерала

Григорьева я не помню ни одного случая, когда бы он вмешался в будничную работу воспитателя и так или иначе затормозил бы ее. Он очень осторожно подходил ко всем педагогическим вопросам и больше всего оберегал авторитет воспитателя. Он никогда и ничего не предпринимал по отношению к отдельным кадетам без ведома и согласия воспитателя и ротного командира, в отношении общих распоряжений – без обсуждения намеченной меры в ротном или общем комитете. На первых порах, пользуясь его доступностью, кадеты часто обращались к нему по личным делам, но он неизменно направлял их к воспитателю. В последние годы моей службы я уже таких случаев не помню.

Усилив авторитет воспитателя до максимума и всецело опираясь на него, он получил возможность сосредоточить все свое внимание на вопросах общего характера.

Первый вопрос, с которым столкнула его жизнь, был вопрос о курении. При генерале Покотило велась напряженная борьба с курильщиками, по обыкновению – безуспешная, но часто создававшая весьма натянутые отношения между воспитателями и кадетами, так как персонал никогда не встречал в этой борьбе поддержки среди родителей и общества и поэтому всегда был одинок. Генерал Григорьев взглянул на это просто. При первом же обнаруженном случае курения Федор Алексеевич собрал 1-ю роту и объявил, что сам он курит с 13 лет, подвергался в корпусе весьма суровым наказаниям и все-таки продолжает курить и до сих пор. Зная по опыту, что тому, кто курит не из молодечества, а успел уже привыкнуть, отвыкнуть трудно, он решил допустить в 6 и 7 классах курение с тем, чтобы кадеты курили и хранили табак и папиросы только в определенных для этого местах и чтобы твердо помнили всегда и везде, что он не разрешает курения, ибо не имеет права разрешить, а только «допускает», как неизбежное зло. Лично Федор Алексеевич из этого секрета не делал, и о принятой им мере было известно и Великому Князю Константину Константиновичу. Не поддается описанию тот бурный восторг, с каким встретили кадеты это заявление. С другой стороны, только старый, опытный воспитатель может понять, какая масса дисциплинарных проступков, имеющих свой корень в борьбе с курением, была сразу вычеркнута из обихода на много лет вперед. Практическая целесообразность этой меры сказалась очень быстро. К концу учебного года около 20 проц. курильщиков, очевидно, куривших из молодечества, бросили курить. Стало неинтересно. А затем, в последующие годы, никогда не наблюдался такой высокий процент курильщиков, какой был до принятия этой меры.

В воспитательном отношении Федор Алексеевич тоже изменил сразу и довольно резко общий характер работы. При первом же удобном случае он, с большим подъемом, объявил во всех ротах, что ненавидит ложь и не уважает лгунов, поэтому всякий, кто сразу сознается в своем поступке и, вообще, будет правдив, может быть уверен, что понесет наказание вполуполу меньше, чем заслуживает, а может быть, смотря по обстоятельствам, наказание ограничится лишь разъяснением проступка. Для лгунов – пощады нет! Это был переворот в мирозерцании кадета. До этого времени понятие о гражданском мужестве, о необходимости говорить правду, сознаваться в проступках и т. д. были известны кадетам, как идея, как добродетель, которую очень опасно применять на практике и которую поэтому не применяли. С появлением заинтересованности эти добродетели стали проявляться, сначала – просто из практического интереса, а потом – постепенно превращались в привычку, давая общие контуры благородного характера.

...Вообще, с появлением Федора Алексеевича кадеты сразу и заметно успокоились и приобрели большую уравновешенность. Все манеры нового директора как-то невольно внушали спокойствие, кроме того, Федор Алексеевич очень любил все, что заслуживает похвалы, хвалить вслух, а что заслуживает порицания, порицать, по возможности, наедине. Этот интересный педагогический прием очень быстро установил атмосферу удовлетворения и довольства. В основу всей своей деятельности, по воспитательной части, Федор Алексеевич сразу положил принцип контролируемого доверия и полного уважения к личности кадета. Чуткая моло-

деж, конечно, сразу оценила это, очень дорожила доверием и не злоупотребляла им. По своим педагогическим взглядам Федор Алексеевич был враг наказаний, принятая им система как нельзя более соответствовала этой идее. При нем чаще всего применялись наказания, налагаемые комитетом, главным образом – сбавки баллов за поведение, а обиходные наказания почти совершенно вывелись просто за ненадобностью, ибо создалось такое настроение кадет, что в подавляющем большинстве случаев достаточной мерой воздействия являлось простое внушение. Из обиходных наказаний применялось сокращение отпуска, редко – лишение, а для малышей – непродолжительный штраф и лишение игр (посидеть на скамейке), как меры успокоительные. Арест, как таковой, не применялся. Из двух карцеров один был превращен в склад разного имущества, а другой служил для бесед наедине воспитателя с кадетом. Редко когда сажали туда на 1–2 часа кадета, но и то не ради наказания, а чтобы дать ему возможность успокоиться и одуматься. В последнее время и кадеты смотрели на карцер, как на отдельный кабинет, где они могли сосредоточиться на своих личных делах, и часто обращались к дежурному офицеру с просьбой разрешить занять карцер, чтобы приготовить уроки или написать письмо.

С первого же дня не понравилась Федору Алексеевичу и та обстановка, в которой жили кадеты. И действительно, куда, бывало, ни глянешь – повсюду унылые стены и не на чем глазу остановиться. Если это не имело серьезного значения для малышей, большею частью проводящих свободное время в подвижных играх, то для взрослых кадет это было уже серьезным лишением, ибо сосредоточие в классе лишало возможности уйти в себя и задуматься на том, что кадету интересно. Зал и коридор 1-й роты – это были стены, несколько неудобных скамеек, картинок, фотографических групп и... все убранство. Наш великолепный Сборный зал не имел совершенно никакой мебели, никаких украшений и освещался 6-ю или 8-ю уличными дугowymi фонарями, только величественные портреты Императоров как-то конфузливо жались к стенкам... Эта унылая обстановка очень не понравилась Федору Алексеевичу, и он вскоре начал говорить о том, что теперь и казармы устраивают уютнее и удобнее, а тем более корпус необходимо обставить так, чтобы кадет мог и отдохнуть в свободное время, и, кроме того, воспитывался бы самой обстановкой. «Я не могу себе представить, – говорил Федор Алексеевич, – чтобы кто-нибудь рискнул бросить окурок на пол в хорошо обставленной гостиной, всякий непременно поищет пепельницу». Совершенно естественно, что эта идея потребовала больших средств и осуществление ее растянулось на несколько лет. Но отсутствие средств не могло остановить Федора Алексеевича, вообще – хорошего хозяина. Он нашел поставщиков, которые приняли его заказы в рассрочку, а для получения средств он использовал свое право принимать сверхштатных своекоштных кадет. Остаток от расходов на воспитание и содержание их по закону поступал в распоряжение директора на непредвиденные расходы. Таким образом наш корпус возрос с 550 кадет по штату до 800 человек, в распоряжение директора стали поступать большие средства, и все его начинания могли осуществиться.

Улучшение быта началось с улучшения пищи, благоустройства лазарета и приведения ротного зала 1-й роты в благообразный уютный вид. Появилось свыше 100 хороших стульев, разные столы, шахматные столики, рояль, два аквариума, большой и малый, освещенные разноцветным электричеством и обильно снабженные разными видами рыб, террариум, картины, фотографии и т. д. Для ротной иконы был сделан роскошный дубовый резной киот, ружья были перенесены в ротный зал, поставлены по сторонам иконы в больших пирамидах и таким образом послужили и для украшения зала. С осени в одном из углов зала был поставлен большой круглый стол, освещенный особой лампой под хорошим абажуром, и организована читальня. Для ухода за аквариумами и террариумом были назначены любители-кадеты по их собственному желанию. С лета Сборный зал стал приобретать свой художественно-величественный вид.

Впоследствии была великолепно оборудована столовая – роскошные дубовые буфеты, серебро, всевозможная посуда и т. п., в ротных умывальнях устроены великолепные ванны для мытья ног с холодной и горячей водой; заново была отремонтирована баня и устроен громад-

ный бассейн с проточной водой для плавания. Словом, нет той мелочи в обиходе корпуса, на которую не обратил бы внимания Федор Алексеевич, и наш корпус его заботами очень скоро потерял свой сугубо казарменный облик и приобрел вид хорошей, благоустроенной квартиры большого масштаба.

Попутно нельзя не отметить, что в смысле внешней благовоспитанности улучшение обстановки и быта действительно оказались сильным воспитательным средством.

...Федор Алексеевич в необыкновенно короткий срок приобрел глубокую и прочную любовь нашей искренней и чуткой молодежи, которую он тоже горячо любил и берег, как своих детей. Самые прозвища его дышат нескрываемой и ясно выраженной симпатией: сначала его называли «добродушный дядя из провинции», но затем очень скоро перешли на прозвище «папаша», в котором звучала уже не только симпатия, но и благодарность за заботы. Малыши его еще называли «Дядя Пуп», и при этом неизменно лицо у них расплывалось в широкую и добрую улыбку.

В таком благоприятном состоянии был наш корпус, когда в конце 1905 года налетел на него революционный шквал. Обаяние личности Федора Алексеевича, его настойчивый, но мягкий режим, разрешение издавать собственный журнал «Кадетский Досуг» (по тому времени – шаг, не лишенный некоторого риска), организация за личной ответственностью читальни (журнал и читальня сыграли роль великолепной отдушины), его большая педагогическая чуткость и умение решать очередные вопросы практически целесообразно, не считаясь с формальными препятствиями, наконец, его отзывчивость, в силу которой он охотно шел навстречу своим питомцам во всем, что не противоречило целям воспитания, все это вместе дало возможность корпусу в самые трудные минуты продолжать свой путь так же спокойно, плавно и уверенно, как и до октябрьских событий. Занимаясь общими делами, Федор Алексеевич не забывал, однако, и того, что управляет «старейшим» корпусом, история которого очень его интересовала и которую он начал добросовестно изучать. Хотя, к сожалению, история нашего корпуса еще не написана, материалы разбросаны и носят преимущественно эпизодический характер, но тем не менее они достаточно ярко обрисовывают высокополезную деятельность корпуса, стяжавшую ему неувядаемую славу и придавшую его истории исключительный блеск....И вот, изучая исторические материалы, Федор Алексеевич не только проникся благоговением к блестящему прошлому своего корпуса, но и вдохновился мыслью вернуть ему прежний блеск и славу.

Какая смелая мысль!.. И, казалось, безнадежная!.. Но масштаб задачи и трудность исполнения ее, по обыкновению, не испугали Федора Алексеевича. Прежде всего, он обратил внимание на то, что корпус не праздновал 150-летнего юбилея, так как был в это время переформирован в военную гимназию. Поэтому он решил возбудить ходатайство о разрешении вместо пропущенного 150-летнего юбилея отпраздновать 17 февраля – 175-летний юбилей. Успех ходатайства необходимо было подготовить дипломатически, так как политическая обстановка (начало 1906 года) и отношение высших военных сфер не благоприятствовали этому. По счастью, благоприятно сложилась обстановка в другом отношении. Великий Князь Константин Константинович благоволил лично к генералу Григорьеву и к нашему корпусу. Его благоволение особенно усилилось после блестящей деятельности корпуса в период революции 1905 года. При содействии Великого Князя удалось довольно скоро получить Высочайшее разрешение на празднование юбилея, но без расходов из казны, так как вообще 175-летние юбилеи по правилам праздновать не полагалось.

По получении разрешения Федор Алексеевич начал немедленно готовиться и к самому празднованию. Всей душой и всеми помыслами он ушел в это дело. Работа его пошла по двум направлениям: у себя в корпусе необходимо было изыскать большие средства и выработать сложную программу празднования, притом такую, чтобы всем наглядно показать исключительный блеск нашей истории и навсегда запечатлеть ее в сердцах кадет; а вне корпуса – дипло-

матически подготовить то, что могло быть только мечтой и что так мучительно хотелось превратить в жизнь.

В интимных беседах Федор Алексеевич высказывал свою мечту – видеть Шефом нашего корпуса, как было в старину, Государя Императора. Но говорить об этом вслух, конечно, нельзя было; просить о такой Монаршей милости – тем более, а в то же время нужно было как-то навести на эту мысль и доказать, что корпус заслуживает такой высокой чести.

...Дипломатическая подготовка велась в глубокой тайне, и никто из нас не знал, какими именно путями Федор Алексеевич готовил осуществление своей мечты. Может быть, в архивах корпуса и найдутся какие-нибудь следы этой работы, но для нас это так и осталось тайной. Увенчанная успехом, эта тайна составляет неоценимую заслугу генерала Григорьева перед историей корпуса и ставит его имя, как директора, на недостижимую высоту. Последние дни перед юбилеем Федор Алексеевич, сохраняя внешнее спокойствие, волновался страшно и не мог ни на чем сосредоточиться. Последнюю ночь, уже во дворце, он напролет не спал. Но как он был счастлив и как сиял, когда Государь Император объявил, что принимает на Себя звание Шефа нашего корпуса!..

Восторг присутствовавших на этом историческом параде не поддается никакому описанию!.. С небывалым подъемом был отпразднован наш счастливый юбилей. Феерически красивая обстановка празднования придавала сказочный характер нашему торжеству. Рота Его Величества преобразилась совершенно: озаренные Высочайшей милостью, кадеты стали гораздо серьезнее относиться ко всему и с исключительной заботливостью оберегать свою репутацию. В силу подражания – за ними тянулись и малыши. Так это повелось и дальше. Это был новый и могучий фактор воспитательного влияния, который помог генералу Григорьеву довести корпус в воспитательном отношении до небывалой высоты.

Принятие Государем Императором звания Шефа нашего корпуса, зачисление в списки Наследника Цесаревича как кадета и последовавшие затем знаки Монаршего благоволения обратили внимание всего общества на наш корпус, и поэтому многие родители стали добиваться чести определить своих сыновей именно в ПЕРВЫЙ корпус.

Таким образом, смелая мысль Федора Алексеевича – вернуть корпусу прежний блеск и славу – претворилась в жизнь.

С началом революции (1917) генерал Григорьев закончил учебный год и вышел в отставку. А вместе с ним закрылись светлые страницы и нашей истории.

...Я совершенно искренне и убежденно полагаю, что в истории корпуса имя генерал-лейтенанта Григорьева должно занять самое почетное место...».

* * *

А теперь приведу выдержки из статьи бывшего кадета Н. А. Косякова «Конец Первого кадетского корпуса».

«...В 1918 году... наш корпус, после 186 лет деятельности на пользу и славу Престола, Родины и Веры, прекратил свое существование.

Это в стенах нашего корпуса заседала комиссия по освобождению крестьян от крепостной зависимости. Стол заседаний, самый обыкновенный по виду, стоял потом в нашем корпусном музее с прибитой подобающей этому событию медной дощечкой. Заседания происходили в зале рядом со Сборным залом и бывшем в наше время Гимнастическим.

Следуя завету «лежачего не бьют», в стенах нашего корпуса раненым декабристам была оказана первая медицинская помощь. Император Николай I, любивший наш корпус, не поставил этого кадетам в укор и зачислил в ряды корпуса своего сына, Наследника, будущего Царя-Освободителя. Бюст Императора Николая I с надписью «Царю-благодетелю» стоял у нас в Сборном зале, и рота Его Величества имела на погонах накладные серебряные вензеля не

царствующего Императора, бывшего его Шефом, но, по Высочайшему Указу, именно вензеля Императора Николая I, его первого Шефа.

В 1916–17 учебный год возвращавшиеся из отпуска в воскресенье вечером кадеты приносили в корпус листовки с отчетами о заседаниях Государственной думы, и мы одобрительно относились к выступлениям депутата Пуришкевича. После убийства Распутина эти листовки уже откровенно занялись оплевыванием всего прошлого и настоящего, из чего многое было для нас святым. Мы встретили появление этих листовок недоброжелательно, но все же они производили свое действие, в молодых душах оставался от них какой-то осадок.

...В 1917 году произошла «бескровная революция». Уже давно замечались по временам перебои в снабжении столицы продовольствием из-за неудовлетворительной работы транспорта, чем и воспользовались смутьяны и любители рыбной ловли в мутной воде.

Наши воспитатели сразу как-то опешили, постарели, опустили головы, но жизнь в корпусе продолжала идти по заведенному порядку. Только после отречения Государя и потом и Великого Князя Михаила Александровича мы, как и везде, перестали поминать при пении молитвы «Спаси, Господи, люди твоя» имя Государя, заменив его «христолюбивым воинством». Все мы как-то притихли и ходили как бы на цыпочках, точно боясь потревожить больного. Мне кажется, 4 марта были в Петрограде похороны «жертв революции». Тела всех, кто имел родственников, были ими взяты, и оставались только тела «неизвестных жертв». На эти похороны «жертв революции» директор корпуса получил «приглашение» прислать оркестр и делегацию. Заранее предвидя это, директор отпустил всех кадет в отпуск на несколько дней. Все же, так как одна из многочисленных процессий должна была проходить по Университетской набережной мимо здания корпуса, он был вынужден выставить черный траурный плакат с надписью: «Слава героям, павшим в бою!». Плакат этот выставили на балконе над парадным входом, а сзади стояли мы, не ушедшие в отпуск по той или иной причине. В этом только и заключалось участие корпуса в «национальном трауре». Ни о каких красных бантах не могло, конечно, быть и речи.

...А «великая и бескровная» тем временем все углублялась. Никто не верил, что «это» может долго продолжаться, и даже «дело Корнилова» никого ни в чем не убедило. В середине октября я получил приказ явиться в корпус, в 6-й класс, 28 октября. Подходил конец октября, газеты писали о втором возможном выступлении большевиков, потом – уже о состоявшемся перевороте, о бесславном конце правительства Керенского, но все продолжали еще надеяться... Надеяться настолько, что мой отец настоял на том, чтобы я ехал. «Нужно учиться, – говорил он. – Пока ты доедешь, все войдет в норму». И он сам повез меня на вокзал.

Через несколько дней после моего возвращения в корпус нас, уже не как роту Его Величества и не как «первую» роту, а как «старший возраст», собрали в нашем ротном зале, и ротный командир полковник Забелин после маленького вступления объявил нам, что новые власти требуют, чтобы мы – как гимназисты – сняли погоны, перестали называть себя «кадетами» и перестали бы именовать воспитателей и преподавателей по чинам.

Это было настолько тяжело для нас, что мы, забыв дисциплину, загудели всем строем, что мы были кадетами и ими останемся, а погон не снимем. На это полковник Забелин приоткрыл двери зала, и до нас донесся гул: как и нужно было ожидать, 2-я, 3-я и даже 4-я роты, где первый класс так и не получил погон, тоже противились этому приказу.

...Сравнительно скоро всякое сопротивление перевороту было в Петрограде сломлено и все живое и патриотически настроенное ушло в подполье. После назначения в корпус комиссара было приказано избрать совет, в который входили бы дядьки, или служители, как они у нас назывались. Председателем этого совета был выбран заведующий учебной библиотекой, старый служащий, спасший таким образом наш корпус от избрания какого-нибудь большевика.

...Всех кадет беспокоила судьба наших двух знамен, стоявших, как и прежде, в церкви. Временное правительство еще в самом начале революции потребовало, чтобы знамена были

сданы, как говорили – для переделки, то есть для снятия с них корон, вензелей и эмблем, противных новым взглядам на армию. Никто не торопился выполнять этот приказ, и наши знамена продолжали и при большевиках стоять на том же месте. Два кадета седьмого класса сняли знамена с древков и спрятали их, оставив пустые чехлы.

...Как я уже говорил выше, все противники большевиков ушли в подполье. Существовали организованные группы, переправлявшие желающих в Финляндию, что было довольно легко, или на юг, в организовавшуюся там Белую армию. Эти организации бывали очень часто раскрыты, и их участники арестовывались и уничтожались. Поэтому, при раскрытии одной такой организации, в которой участвовали и кадеты, можно было ожидать кровавых репрессий. Корпус поспешил отпустить всех кадет по домам, выдав свидетельства об окончании учебного года. В этот-то момент, конец марта – начало апреля 1918 года, корпус и перестал существовать...».

* * *

А вот выдержки из воспоминаний бывшего кадета Н. Мосолова.

«После революции помню его совсем в другом виде: в солдатской шинели, в переделанной из длинной теплой гимнастерки скорее кофте, чем френче, длинных штанах и тяжелых маленьких солдатских сапогах. Такому его обмундированию завидовал мой отец, донашивавший старую форму и никак не желавший расстаться со значком Академии Генерального штаба. В то время мой отец и Федор Алексеевич были сослуживцами на каких-то курсах, подготавливавших красных командиров и помещавшихся в здании бывшего 2-го кадетского корпуса. Отец преподавал, как раньше во Владимирском военном училище, военную администрацию, а Федор Алексеевич – арифметику. Я его навещал в Офицерском переулке, где помещалась его крошечная квартирка, а также встречал его на огороде, помещавшемся на бывшем плацу, где у него, как и у нас, было 50 кв. сажен земли под картошкой, капустой и иными овощами. Землю для него вскапывали обожавшие его ученики. Ему уже очень трудно было нагибаться, и самостоятельно он, конечно, не мог бы огородничать.

Федор Алексеевич часто заходил к нам на квартиру, очевидно, по дороге на какие-то другие курсы, где он также работал, чтобы отдохнуть, обогреться и выпить стакан пустого чая. Оставленные нам комбедом две комнаты были скорее берлогой, чем жилищем, да и некому было убирать их, – постоянной прислуги уже не было, а «приходящие» требовали такую цену, которая была совершенно не по карману нам, «бывшим людям».

...Не лишен был Федор Алексеевич и чувства юмора. Как-то раз велел он мне подать его сломанную и скрепленную двумя серебряными кольцами палку. Сказал он это таким тоном, как Пимен в «Борисе Годунове»: «Подай костыль, Григорий!», и тут же рассказал историю этой палки. «Про нее говорят, что она была сломана о спину некоего ленивого ученика, но это неправда, а скорее наоборот: я поскользнулся, и палка сломалась. Об этом узнали курсанты и, видя, что мне трудно ходить без нее, попросили меня дать им починить ее. И вот видите, вернули в таком виде».

...Потом умер мой отец, и я уехал в Эстонию, на родину предков моей матери. Там я познакомился с родственником Федора Алексеевича, художником Кайгородовым, сыном известного профессора-орнитолога. Федор Алексеевич писал ему, не боясь «сест», еще несколько лет подряд. Умер он, работая до последнего дня, кажется, между 1925 и 1927 годами. Его осанистая фигура и чувство собственного достоинства, которое в нем чувствовалось как в генеральской форме, так и в солдатской шинели, навсегда остались в моей памяти».

Мне удалось узнать, что мой двоюродный дед умер в июне 1926 года своей смертью и похоронен на Смоленском кладбище Васильевского острова. На том же кладбище покоятся останки столь чтимой нашей церковью, и особенно петербуржцами, святой Ксении Блаженной.

* * *

Доблестное воинство русское – офицерство и солдаты – погибали на полях сражений Гражданской войны, поделенные на две непримиримые армии. Яд либерализма и идеалы Февральской революции 1917 года обрекли многих на путь измены воинской присяге и Государю. Россия дожила до тех дней, когда распропагандированные солдаты убивали своих командиров. После октябрьского переворота многие русские офицеры-«военспецы» под руководством большевиков-комиссаров учили мобилизованных в РККА «крестьянских детей, одетых в солдатские шинели» уничтожать своих братьев. Большинство «военспецов» были расстреляны или направлены в лагеря смерти, когда они стали не нужны. А сколько бывших кадет, помнящих своего «Дядю Пупа» – генерала Федора Алексеевича Григорьева, – не могли забыть его, даже оказавшись беженцами, рассыпанными по всему миру! Их Отечеством был Петербургский кадетский корпус, как для Пушкина – Царское Село! В своих сердцах они несли любовь к великой монархической России. Бывшие кадеты в рассеянии не забыли кадетскую переключку, издавая даже свои газеты, пока были живы...

К сожалению, я не обладаю бесценными для историков газетами кадетских объединений за рубежом. В братской Югославии, например, был русский кадетский корпус, где учились дети эмигрантов-беженцев. Монархический журнал «Двуглавый орел» за 1928 год свидетельствовал:

«По приглашению Русской Монархической Партии во Франции полковник Б. Д. Приходкин, приехавший сюда из Югославии, сделал сообщение: «Русские кадетские корпуса прежде и теперь». Докладчик выяснил сначала роль кадетских корпусов в России, сущность кадетского воспитания и значение его для армии и государства. Кадет, на каких бы поприщах ему ни приходилось работать, – всегда государственник. Питомец гражданских учебных заведений, большею частью, – общественник. В этом их существенная разница. Кадет готовит себя к жертвенному подвигу за Родину, он горит желанием стать грудью за Россию и умереть за нее считает высшим счастьем офицера. Он поэт войны. Он презирает шкурников, стремящихся во время войны в тыл. Он свято хранит рыцарские традиции, завещанные ему отцами и дедами, он весь пропитан традициями, и потому по всему свету так дружно объединилась теперь кадетская семья и так хорошо понимают один другого старый генерал и мальчик-кадет в Югославии...»

Когда я работал над портретом патриарха Алексия I в Троицкой Лавре, мне довелось познакомиться с выпускником русского кадетского корпуса в Югославии. Я был взволнован, узнав, что его фамилия Кутепов и он является сыном главы воинского союза в Париже генерала Кутепова, похищенного задолго до войны чекистами в Париже. От него я многое узнал. Работал он в иностранном отделе Московской патриархии...

Сегодня, когда возрождаются кадетские корпуса и со времен Сталина существуют суворовские и нахимовские училища, можно надеяться, что их воспитанники продолжат славные традиции доблести, чести и верности Родине воспитанников кадетских корпусов той, потерянной нами великой России.

* * *

Мой двоюродный дед, генерал-лейтенант Григорьев, которого все в нашей семье звали дядя Федя, занялся литературной деятельностью по совету своего шефа Константина Романова. Благодаря этому мы имеем сегодня записанные им свидетельства очевидца «страшных лет России». Я удивлен, что рукопись генерала Федора Григорьева, которую чудом пощадило время, до сих пор не опубликована, а продолжает лежать в военном архиве. Суровая правда тех лет документально отражена в них, как и во многих опубликованных воспоминаниях Бунина,

Гиппиус, Шульгина, Гуля и других. И какое счастье, что дед не оставил эту рукопись кому-нибудь на хранение, как это сделал он со своим архивом, доверенным «верному крестьянину» из витебской деревни, который, испугавшись ожидаемого обыска, сжег его вместе с многочисленными документами, фотографиями царской семьи и другими свидетельствами служения государству Российскому. Историки, я уверен, еще займутся и судьбами воспитанников генерала Григорьева – доблестных русских офицеров, отдавших свою жизнь в борьбе с врагами великой России, хотя многие из них, изменив присяге, перешли на сторону красных. Федор Алексеевич Григорьев в предисловии к своим мемуарам высказывает надежду, что «будущий историк по ним увидит, как мы, заурядные обыватели, переживали нашу «Великую Русскую революцию». Знакомство с рукописью позволяет сделать вывод, что дед с этой задачей справился достойно. Трудно лишь согласиться со скромным причислением себя к «заурядным обывателям». Записи деда (мама всегда говорила: «Это твой дед»), говорящие о его нравственной чистоте, здравости суждений, являются, на мой взгляд, актом верности присяге и высокого гражданского мужества.

Он был сыном своего времени, и никто не имеет права вступать с ним в дискуссию, когда он приводит определенные факты и по-своему освещает те страшные дни революции. Хочу обратить внимание читателей и на то, что несколько поколений русских офицеров с благодарностью вспоминали своего «дядю Федю», хотя ураган великой революционной ломки и раскидал их в разные стороны.

* * *

«Хочу, если не для истории, то для сведения вас, мои дорогие внуки, занести в мои мемуары следующий факт, о котором я не говорил никому. Около 1911 года, в котором Наследнику исполнилось семь лет, в обществе очень много говорили о предстоящем назначении воспитателя к нему и называли даже кандидатов. Помню хорошо, что на параде 6-го января я командовал взводами кадетских корпусов, которые стояли в маленьком зале, между Николаевским и Гербовым (кажется, он назывался залом 1812 года). Ожидая входа Государя, я стоял против двери в Николаевский зал. При входе к нам Государь очень заметно прижал локтем руку Императрицы-матери, с которой он шел под руку, и глазами указал на меня. Императрица окинула меня взглядом с ног до головы и сделала это вторично при следовании Государя по фронту кадет в сопровождении меня. Я тогда не придавал этому особого значения, считая, что Государь просто хотел указать матери на директора ее внука, которого он очень ценил и баловал. Вскоре после этого, если не ошибаюсь, в феврале, ко мне, в мои приемные часы, явился генерал-адъютант князь Васильчиков. По обыкновению, приемная была набита битком. Я, извинившись перед публикой, принял князя вне очереди. Князь очень слабо мотивировал цель своего посещения, но очень прозрачно выяснилось, что цель князя – меня интервьюировать. В беседе, продолжавшейся около часа, князь очень часто вставлял иностранные слова, и я хорошо заметил его удивление, которое он не мог скрыть, когда я заявил, что не знаю иностранных языков. Заподозрив особую цель этого посещения, я умышленно титуловал князя по его погонам – «ваше высокопревосходительство», а не «ваше сиятельство», как следовало бы. Об этом посещении я, при первом же свидании с Вел. Кн. Конст. Конст., рассказал ему. И когда он очень прозрачно дал мне понять, что это посещение имело связь с вопросом о выборе воспитателя, я чистосердечно и откровенно высказал ему мою совершенную неподготовленность для занятия такого высокого поста и нежелание мое оставить в истории такую же бесславную память, как Данилович. Думаю, что и без этого моего признания Вел. Кн. не подал бы своего голоса за меня при выборе воспитателя для Наследника, хотя он и ценил меня как директора превыше моих заслуг. Как известно, воспитателя Наследник так и не получил, оставаясь до конца под влия-

янием матроса Деревенько, а обязанности воспитателя фактически исполнял преподаватель русского языка П. В. Петров.

В мае 1916 года Наследник, зачисленный в списки Первого корпуса в 1909 году, с разрешения Государя, был назначен мною в 1 класс 1-е отделение (воспитатель подполковник Ф. С. Иванов) и, перечисляясь из класса в класс со своими сверстниками, оканчивал курс. По этому поводу я, с депутатией, подносил Наследнику жетон этого выпуска. На приеме, как всегда, Государь очень милостиво и просто с нами беседовал. В разговоре с Государем я, по установившемуся обыкновению, говорил откровенно и просто, и, между прочим, сказал, что очень сожалею, что не могу выйти в отставку в этом году, а должен дослужить до 28 февраля 1917 года, чтобы выслужить четвертую прибавку к пенсии. «Ну, это ваше дело, ваши расчеты, но я вас в отставку не выпущу». Когда я передал эти слова Вел. Кн., он сказал, что это, вероятно, обозначает желание Государя назначить меня в свое распоряжение в качестве педагогического советчика (или что-нибудь в этом роде) и дать мне квартиру в одном из китайских домиков в Царском, недавно освободившуюся за смертью генерал-адъютанта Арсеньева, бывшего воспитателя Вел. Кн. Алексея Александровича. Против такого назначения я не подумал иметь чего-нибудь и признаюсь, что, будучи в Царском, осматривал квартиру, в которой я мечтал покончить в покое свое земное странствование. Но человек предполагает, а Бог располагает! 28-го февраля состоялось отречение, и мне пришлось переписывать прошение об отставке... — на имя Временного правительства!

16 ноября, суббота 1918 г. В 10 часов утра, идя в Полибино на почту, зашел Гриля и сообщил, что вчера он был свидетелем следующего. Из Ново-Алексеевской волости приехали два (!) белогвардейца, которые пришли туда из Смоленска. Рассказывали, что они имели битву с красноармейцами, по преимуществу евреями (!), которые дрались отчаянно и убили их командира, но были побеждены. Идет их не много, но народ присоединяется к ним и получает от них оружие. В Ново-Алексеевской волости уже выбраны новые власти. На обратном пути из Полибина Гриля зашел к нам, передал письма и сообщил, что Даниловы — под домашним арестом, к ним не пускают. Вчера к ним прибыли 6 красноармейцев, заняли дом, съели только что зарезанного борова и произвели грабеж. Хотят Даниловых выселить, а дом занять под собрание («клуб бедноты»).

... Теперешняя наша жизнь есть сплошная мука. Вечно голодный, думаешь только о том, как бы утолить голод, а потому не можешь заняться каким-нибудь другим делом. Кроме голода еще хуже одолевает холод: в комнатах от 4 до 7 Р (по Реомюру. — *И. Г.*), дров нет... Все грязные работы приходится исполнять самому... — на 69-м году жизни невесело. Такой жизни не жаль, и смерти ждешь, как избавления, тем более, что знаешь: здесь, на этом свете, дальше будет все хуже и хуже! Признаю несправедливость прежней жизни, когда мы, «буржуи», пользовались жизнью, а народ страдал, потому что на его нужды обращали мало внимания. Знаю, «что посеешь — то и пожнешь»: дикость, некультурность нашего народа есть главная причина теперешней нашей неразберихи, но все-таки считаю социализм и коммунизм утопиями и уверен, что к всеобщему счастью они не приведут! Еще раз повторяю, что считаю в порядке вещей, что мы, «буржуи», страдаем, но вижу, что и демократия страдает не меньше нас, а благоденствуют только ловкачи и мошенники, которые окружают утопистов, стоящих во главе. А тем приходится хвататься за соломинку, чтобы спасти свое дело и отступать шаг за шагом от своих утопических теорий. Уничтожили артельщиков, а теперь пришлось их восстанавливать, ввиду бесчисленных краж среди комиссаров, кассиров и тому подобных лиц, о чем читаешь в газетах ежедневно. А что делается в провинции и чему я был свидетелем при выселении помещицы, моей сестры (с. Овсянкино Невельского уезда Витебской губ.): на ее заявление, при описи ее имущества, что хлеба у нее 30 пудов, а картофеля 20 пудов и т. д. председатель комитета бедноты командовал секретарю: «Пиши 15 пудов, пиши 10 пудов» и т. д., все наполовину

меньше, конечно, для того, чтобы вторую половину обратить в свою пользу. Кстати, все эти мальчишки – председатели и комиссары, – по всеобщему заявлению крестьян, уголовные преступники, сидевшие в тюрьмах, так как никто из солидных крестьян на эти должности не идет. А не то ли самое мы видим и здесь, в Петрограде? Всюду, а в том числе и из моих бывших сослуживцев, вперед выдвинулись ловкачи и пройдохи. Знаю, что «нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет», и не обвиняю всех тех, которые по нужде служат новому режиму, но подчеркиваю, я говорю о выдвинувшихся вперед, занявших видные посты, а не мелкой сошке. Знаю и верю, что всякая революция, сопровождаясь указами и всякими безобразиями, в конце концов делает исторический шаг вперед в жизни народа, и даже вижу и признаю, что наш народ за последние двадцать лет очень подвинулся вперед в своем развитии, но сомневаюсь: во-первых, стоит ли «овчинка выделки», а во-вторых, думаю, что и в движении вперед в жизни народа нужна также постепенность и нельзя сразу прыгнуть вперед на два столетия. При таком прыжке можно и шлепнуться и очутиться «при разбитом корыте». Похоже, что дело и идет к этому. Верно одно, что каша заварена большая и конца не видно. Сомневаюсь также, чтобы наш пример соблазнил бы другие, более культурные народы идти по нашим стопам.

Посмотрите, каким ореолом окружены лица, стоящие во главе правительства! Как они живут и чем питаются! И если это до некоторой степени присуще лицам, стоящим во главе правительства (Ленину, Троцкому, Зиновьеву и др.), то, казалось бы, не к лицу низшим агентам его. Но посмотрите, как живут комиссары... И вообще все власть имущие. А посмотрите, какие размеры приняли разного рода хищения и как они часты! Этого не скрывают даже правительственные газеты, хотя, разумеется, они сообщают не все. Например, нам достоверно известно, что наш ремонт не начинается до сих пор и доставка дров застопорилась потому, что комиссар, стоящий во главе Инженерного управления Петроградского военного округа (называю по-старому, не зная нового его названия), удрал, захватив с собой 6 миллионов! Его «залапали», но, говорят, без миллионов. В газетах об этом ни слова, и вряд ли его будут судить, так как он бесспорный коммунист... Хищения же в грандиозной степени увеличились!

7.09.1919 года. Что ныне, в правлении большевиков, бросается особенно в глаза – это невозможная волокита и безобразные порядки, принятые как бы нарочно для того, чтобы возмутить народ.

На роль белых и Антанты я смотрю теперь так. Белые пользовались большим сочувствием в массах, но их тактика роняет их престиж. С мечтой вернуться к старому пора покончить. Старое погибло и не воскреснет! Надо признаться, что оно имело много недостатков, а по отношению к массе, крестьянству, было крайне несправедливо. Земельный вопрос в особенности вызывал недовольство крестьян. Поэтому возвращение земель полностью помещикам не может не восстановить крестьян против белых. Во-вторых, наступление белых, в большинстве случаев, встречается народом восторженно, но, наступая малыми силами, они опять отступают, а народ подвергается строгим репрессиям и расстрелу со стороны красных. И то и другое, конечно, уменьшает число сочувствующих белым. Кроме того, я уверен, что и без войны с белыми советская власть не сделала бы Россию счастливой; голод, холод, и вообще вся та разруха и настроение, ныне существующие, были бы и тогда. И все бы видели воочию, что виновата в этом советская власть, которой никто не мешает. А теперь война с белыми дает возможность красным газетам обвинять во всем этом белых.

Не зная точной статистики о числе ежедневных смертей в Петрограде, а только вспомнив число смертей в среде своих знакомых за последний только год (более полсотни наберется) – число их громадно! А число жителей, по официальным данным, уменьшилось уже наполовину! Присутствуя же на отпевании умерших в церквях на кладбищах (4 ряда, гроб к гробу, насчитал более ста гробов), не понимаешь, как это Петроград еще не весь вымер?! Но на этих темах

останавливаться не следует. Давно решил жить сегодняшним днем: день прожил – благодари Бога. А завтра умрешь – благодари еще больше.

Я избегаю на курсах заходить в уборные, ввиду невообразимо грязного их содержания, но на днях зашел на минуту. Все стены исписаны нецензурными словами, и среди них поэт из «малограмотных» поместил следующее четырехстишие:

Для царя здесь кабинет,
Для царевны – спальня,
Для буржуа здесь буфет,
Для курсанта – ср...ня!

Несчастный пьет не понимает, что это более всего пахнет иронией над некультурностью курсантов. Я видел, как содержались эти уборные во 2-м корпусе. А в культурной Германии, зайдя однажды в маленькую биргале, около Зоологического сада, я не отказался бы в ее уборной и закусить. Не говоря уже о больших ресторанах и гостиницах.

21.08.1920 года. Нет, по-видимому, пока на свете будут существовать правящие и управляемые – без казней не обойдется. Пожалуй, анархисты в теории и правы. Но в теории и коммунизм выходит недурной, но, надо признаться, уж очень скучной жизнью. Если верить книге Нилуса («Великое в малом»), то самодержавие Иудейского царя, если сионистам удастся ввести его в жизнь в той форме, в которой они проектируют в теории, пожалуй, будет наилучшая форма правления на земле. Но сколько надо еще сделать преступлений, чтобы этого достигнуть! Но сионисты придерживаются иезуитского правила: «Цель оправдывает средства!» А поверив книге Нилуса, нетрудно допустить, что и наше Советское правительство (в большинстве евреи) преследует ту же цель сионистов. Тогда, по крайней мере, многое непонятное делается понятным.

17.03.1921 года. При своем воцарении большевики обещали «свободу, мир и хлеб». Эти заманчивые слова и привлекли, на первых порах, на их сторону темную массу. Ни одного из своих обещаний они не выполнили. Вместо свободы – беспримерный в истории гнет; невозможно разинуть рта, аресты, расстрелы; свобода передвижений совершенно отсутствует, в делах бесконечная волокита и хвосты, хвосты, хвосты! Трамваи почти совершенно отсутствуют, а если ходят, то только по 4–5 линиям с 7.00 до 11.00 часов утра и то постоянно останавливаются, и рассчитывать на них, если надо прибыть к сроку, невозможно. Не говоря уже о том, что попасть в трамвай – уже большое счастье.

Крестьян обирают дочиста: хлеб, лошади, коровы и пр. остаются в очень ограниченном числе. За оставленную корову – налог молоком и маслом. Вообще грабеж в огромных размерах!

Мира нет. После Деникина, Юденича – поляки, Врангель, Махно, Антонов и пр. Хлеб в очень ограниченном количестве...

...Последние признаки культурной жизни в Петрограде исчезли! Дров нет. Стоимость сажени дров с доставкой доходит до 100 тыс.! Печи в комнатах всю зиму не топили. У нас в спальней, благодаря соседству кухни комиссара, температура держалась все время 9–7 градусов Р, а в колшатах сына и дочери – 7–5 градусов Р и только благодаря тому, что в остальные две комнаты вселили заведующего ружейной мастерской (коммуниста), у которого есть дрова, и он топил часто свою большую комнату (быв. нашу гостиную), куда поставил железную печку...

Ватерклозеты не действуют. За чистой водой, а также для выноса грязного мусора и испражнений надо спускаться на двор. Извозчиков нет. Почти полное отсутствие бань! Отсут-

ствие лекарств, ткани, ниток, иголок и т. д. Скажите, намного ли эта жизнь отличается от жизни человека пещерного периода?

Под влиянием голода, всех этих антикультурных условий современной жизни, жители Петрограда впали в апатию. По улицам ходят (а не по тротуарам) как сонные мухи. Редко кто не тащит на плечах мешка или узла или тащит сани с поклажей. Неудовольствие современной жизнью общее. Нельзя встретить человека в народе, армии, среди курсантов, за исключением комиссаров и завязанных коммунистов (коих очень немного), довольного современным положением. Возмущения внутри России и у нас в Петрограде не прекращаются. Но все это отдельными вспышками, без взаимной поддержки. А так как шпионаж, не в пример монархическому, организован отлично и жидам не жаль христианской крови, то все эти вспышки скоро прекращаются арестами и расстрелами... При этом жида прибегают к мерам воистину драконовским. За измену главы семьи арестуют жену и детей, до грудных включительно. Семья Козловского, начальника артиллерии в Кронштадте, арестована, а сын его, говорят, несовершеннолетний, расстрелян! Можно удивляться, но нельзя не признать, что Троцкий, Зиновьев и К° – люди гениальные в своем роде. Благодаря им большевики, вопреки утверждению Талейрана, не только «опираются», но и «сидят на штыках» уже четвертый год.

На Шпалерной по ночам очень часто происходили сцены, при рассказе о которых у рассказчика на голове «волосы становились дыбом»! Приезжали на моторах люди, вызывали по списку арестантов, раздевали до белья, связывали попарно и как дрова укладывали их в грузовики и увозили на Ириновский вокзал! Здесь укладывали их таким же порядком в вагон и везли в артилл. полигон, около ст. Ржевка. Чтобы не тратить патронов, а главным образом потому, что красноармейцы очень неохотно принимали участие в расстрелах, приговоренных просто убивали из револьверов! В числе любителей-палачей отличалась одна женщина, фамилию которой, к сожалению, забыл...

18.03.1921 года. С конца прошлого года и по сие время число краж, грабежа, мошенничества и др. сильно возросло. В ноябре появились «живые покойники», как прозвал народ шайку бывших акробатов. Эта шайка в масках, с горящими углями в зубах, с пружинами на подошвах сапог, которые давали им возможность делать большие прыжки, пугала по ночам на улицах народ и грабила. Шайку вскоре изловили и, по словам досужих людей, семерых закопали в земле живыми. Так как воровство, грабежи и другие преступления так же увеличились в последние дни царизма и накануне падения Керенского, то я подумал, что не означает ли это явление и падение коммунизма? Но, по-видимому, ошибался: большевики держатся и, вероятно, продержатся еще долго!

Пришел под американским флагом пароход «Феникс» (если не ошибаюсь) с пищевыми продуктами для русских (?) детей. Капитан немец. Начали разгружаться, но капитану пришлось разгрузку прекратить: рабочие (русские) начали систематически воровать груз. Капитан донес в Смольный, что возобновит разгрузку только под охраной воинской части. Прислали красноармейцев. В комиссии, руководящей раздачей провизии, два доктора – евреи. Сына М., а также другого из наших преподавателей с русской фамилией не признали достойными получить продукты. М. говорит, что раздают по преимуществу детям евреев. Очевидно, это помощь американских евреев своим русским соотечественникам! А евреи у нас, как я уже упоминал неоднократно, не голодают: в хвостах ни одного нет, все вновь открытые лавки – еврейские! Без погрома дело не обойдется, очевидно. Говорят, что в Польше и у нас в Западном крае они уже начались.

Немец, капитан парохода «Феникс», по словам М., говорит: «Антанта вас, русских, считает теперь самым позорным народом в мире! Не ожидайте, что кто-либо окажет вам какую-нибудь помощь. Чем вы скорее передохнете, тем для Антанты выгоднее!» Может, это по суще-

ству и справедливо, и подтверждает мои давнишние предположения, но надо принять во внимание, что капитан – немец (!).

А все-таки мы – голодающие миллионеры. Но многие теперь живут хорошо. Открыты всевозможные лавки, кофейни и ночные рестораны, в которых подают разнообразные блюда, ценою 70 тыс. порция и выше. И все это переполнено! Хорошо живется и музыкантам. Сегодня знакомый скрипач рассказывал, что он, играя в одном кафе на Невском с 7 час. до 12 ночи, получает 250 тыс. в день и обед и ужин. После 12 час. идет в ночной ресторан, где за игру до 4 час. утра получает также 1/4 милл. Итого 1/2 милл. в день. Кроме того, перепадает малая толика от богатых и знатных посетителей (евреев и латышей по преимуществу), которых музыканты встречают «Интернационалом» или входным маршем! Вот он, «пир во время чумы»! Недаром Англия втайне поддерживает советскую власть, зная, что никто лучше ее не уничтожит России! Но, простите, я повторяюсь.

Спекуляциями и аферами занимаются чуть ли не все. Только и слышишь: «перепродал то-то», «спекульнул на том-то». Один мой знакомый, бывший лицеист... скопил оборотный капитал, а его жена ходит в бриллиантах. А нажил капитал на том, что покупал на вновь открытых фабриках и заводах товар и перепродавал в лавки на 50 % дороже. Такие аферисты живут широко. У одного из таких финансистов на Рождество был обед в старом стиле. В разнообразной закуске фигурировали: водка, икра, балык и пр. Обед из пяти блюд с вином; осетрина, индейка. Чай, печенье, пирожные. А вечером его жена проиграла 8 миллионов. Другой миллиардер, на днях, прокутил в ресторане 36 миллионов, дал «человеку» на чай полтора миллиона. Он, очевидно, расценивает миллионы по современному курсу и дал на чай 10 рублей. А мы, скромные обыватели, «голодающие миллиардеры», живем плохо. И едим пустые щи и кашу без масла. Мерзнем, водопровод не действует. К этому мы уже привыкли и носим воду из прачечной; благо она под рукой. Но когда и фановые трубы в уборной бездействуют и заливаемая вода не уходит, наступает сущий ад!

...В дополнение к ранее описанным картинкам нашей культурной жизни прибавлю то, что рассказывал на днях помощник заведующего продовольствием на наших курсах, это простой донской казак. По обязанностям службы он, во время балов и концертов, присутствует в кухне: «Ну и «слабода» теперь. Бога упразднили, и без всяких стеснений! Летом во время собраний парочки выходят и прямо под деревом... И зимой, заглянув в подвал, диву дался: три-четыре пары, не стесняясь и стоя... Ей-богу, не вру». Поистине, русские люди обратились в животных – и все свои потребности исполняют не стесняясь. Недаром преподаватели «политграмоты» начинают свой курс с происхождения человека по Дарвину. Ученики только подтверждают эту теорию и показывают, что русский человек еще и ныне недалеко ушел от обезьяны. К слову, об этих преподавателях. Это все молодежь, окончившая партийную (коммунистов) школу. Они, начиная с преподавателя «политграмоты», быстро повышаются по службе, получая назначение помощника комиссара, комиссара, начальника курсов и так далее. А потому преподаватели эти беспрерывно чередуются. Все они ужасно напоминают тип ломового извозчика: грязнейший полушубок, подпоясанный ремнем, и громадные валенки. При этом манеры и язык тех же ломовиков. Коллеги-преподаватели так и говорят: опять появился новый ломовик! Первые преподаватели этого предмета, интеллигентные еврейчики, давно ушли, поднявшись на верхние ступени служебной лестницы. Грязные полушубки и валенки встречаются нередко и среди преподавателей других предметов. Вчера и я купил за 300 тыс. старые сибирские валенки у своего племянника (а потому и дешево) и сегодня, на уроке в неотопленном классе, оценил их достоинство: ноги как в печке. На днях разыскивал водопроводчика, попал в квартиру в нашей же лестнице, в четвертом этаже. Дверь открыта; прохожу коридор, кухню, никого. Вхожу в комнату, грязь которой меня поражает. В особенности бросилась в глаза железная кровать с грязнейшей подушкой, покрытая остатками ватного одеяла, еще более, если это возможно, грязного, чем подушка. Встречает меня человек неумытый, в грязной и изорванной

ватной кофте, из-за которой выглядывают, грязные в высшей степени, остатки белья. Принимаю его за водопроводчика, которого я разыскиваю. Но оказывается, что я ошибаюсь. Передо мной бывший председатель военного суда на Кавказе генерал-лейтенант М. К. Л., на днях принятый к нам на курсы в качестве штатного преподавателя по русскому языку! Вступаем в беседу. Человек бесспорно интеллигентный, женат, пять человек детей, живут у тещи, где, по его словам, места ему не оказалось. Очень нуждается. Давно искал место и рад, что попал к нам, где ему и отвели комнату в квартире красноармейца, который имеет дрова, и он рад, что не мерзнет.

11.02.1922 года. Цены, убегая быстрее ставок, дошли уже до 1/4 миллиона за фн. сахара, а золотой 10-рублевик приближается к 3-му миллиону. Следовательно, мои 7 миллионов в месяц равняются 22 рублям! Умопомрачение! Действительно: «Редкий случай феноменального сумасшествия расы» (Р-С-Ф-С-Р). «По краям – розы, потом слезы, а в середине – фига».

На днях М. дал мне прочесть «Новое время», издатель М. А. Суворин, в Белграде от 13 декабря 1921 года В нем напечатано, что к 1 декабря 1921 года в России выпущено 777 триллионов и 879 миллиардов бумажных денег!!! Сопоставьте это с одним миллиардом их в 1913 году.

Перефразирую Сократа и скажу: «Понимаю, что я ничего не понимаю».

Лично я остаюсь при том убеждении, что ничего хорошего мы не дождемся и лучше всего поскорее умереть. К слову. В ноябре умерла моя двоюродная сестра Ольга Коссаржевская; похороны ее стоили 1 200 000 руб. В конце февраля я хоронил сестру Ольги, похороны ее стоили мне 10 млн. А на Пасху умер мой друг и многолетний товарищ Г. М. Яковлев. Его похороны стоили без малого 200 миллионов. Если я проживу еще год и умру не на службе и не в больнице, то мои похороны, пожалуй, будут стоить миллиард рублей! Поэтому и надо умирать, пока не выгнали со службы. Надеюсь, что гроб сколотит, по бывшим примерам, столяр курсов, а лошадь и телегу даст заведующий хозяйством курсов. А следовательно, скорее умереть во всех смыслах выгодно: избавишься от этой беспросветной, томительной и некультурной жизни – и похороны будут стоить дешево.

12.05.1922 года. До каких пределов разрушения дошел Петроград, до какой степени некультурности дошла наша жизнь – «этого ни пером описать, ни рассказать!»

Деревянные дома сожгли, добрались до старых каменных, из которых все деревянные части выбрали на дрова. Чудные, новые дома-дворцы с центральным отоплением приходят в негодность. Прежние владельцы, которым предлагали взять их обратно, не берут, так как на ремонт не хватит никаких средств. Дома стоят пустые и продолжают разрушаться. Редкие жильцы в них, занимая большие квартиры, за отсутствием дров, ютятся в двух или трех комнатах. Крыши текут, потолки обваливаются... Вообще все приходит в разрушение.

...Нравы совершенно изменились: украсть, надуть считается в порядке вещей даже в нашей среде, не говоря уже о демократах... Простите, не воздержусь и процитирую на память экспромт покойного Пуришкевича 1917 г.:

«Не видать земли ни пяди, вся покрылась: кони, б...и. С красным знаменем вперед обалделый прет народ. Нет ни совести, ни чести, все смешалось с г...м вместе, и одно могу сказать: «Дождались, е...ь!»

Нецензурно, но характерно, и русский стиль выдержан! Надо отдать справедливость и русскому народу: насчет стихов на современные темы, анекдотов и подбора слов на заглавные буквы – мастер. Упомяну о злободневном, на современную тему ограбления церковного имущества. Обмен телеграммами: 1) Ленину – «Троцкий», 2) Ответ – «Ленин» и 3) Ленину – «Зиновьев».

Все поняли и расшифровали:

1) Трудно Работать, Отберем Церковную Казну И Исчезнем, 2) Левушка, Если Нужно, Исчезнем Немедленно, 3) Зачем Исчезать, Надо Обороняться, Ведь Есть Еще Веревка.

О результате сбора с церковью говорят, что собрали громадные капиталы. Возможно. Но сопротивления были. Сам видел (Владимирский собор у Тучкова моста), подростки избили комиссию при выходе ее из собора, едва добрались до мотора. Рассказывают о бунтах в Казанском соборе и на Сенной. А в Москве уверяют, было хуже. Наши газеты косвенно это подтверждают, объявляя об аресте патриарха Тихона, митрополита и благочинных священников; уверяют, что последние уже расстреляны. Возможно и это. В твердости власти Советскому правительству отказать нельзя, а характер русского «быдла» они хорошо поняли и не боятся его.

Да, «дождались» и еще худшего можем дожидаться! «Свобода, равенство и братство»!!!

Думаю, что это будет на Земле только тогда, когда наступит Царство Божие и люди станут ангелами. Но вряд ли это когда-нибудь будет!

21.05.1922 года. Приходит на ум историческая параллель. И против Великой Франц. революции восставали чуть ли не все европейские державы, а ведь она восторжествовала?.. С другой стороны: к чему же привели ее лозунги – «Свобода, равенство и братство»? Вспоминаю «Панаму» и прочие прелести республики!

Допустим, что Коммунизм – рай, в теории (в который нас, глупых, тянут за уши), но ведь практика не всегда подтверждает теорию? А ведь люди-фанатики всегда желают оставить память в истории (это так соблазнительно), а стоять во главе и играть главные роли приятно всякому человеку.

Остаюсь при старом: Рай наступит тогда, когда люди станут ангелами!!!

25.05.1922 года. До какой степени нахальства и издевательства дошло наше правительство! Жалованье своим служащим не платит: «Нет денежных знаков – и баста!» А Васька слушает, да ест и благоденствует. Он знает, что народ, который пережил Ивана Грозного и многое другое, все вынесет. И верно, всем нам без исключения – цена грош ломаный! Посмотрите, как относится правительство к своей гвардии и жандармерии, к курсантам. Кормит впроголодь, одевает как нищих, зимой держало в холоде...

С 1-го июня лагери. На этой, последней учебной неделе были репетиции. В трех моих отделениях, из ста учеников, отвечали не более трети. Остальные говорят: «Ставь, дедушка, кол». «Красное командирство» их не прельщает, стремятся домой в деревню. Но начальство не желает делать поблажки и пугает оставлением на второй год. Посмотрим, что выйдет из этой борьбы. Многие курсанты прибегают к более радикальной мере. Побег постоянный... Они уверяют, что в деревнях таких принимают с распростертыми объятиями. А если поймают, назначают в рабочие роты в ближайшие части. А это их вполне удовлетворяет.

6.06.1922 года. Злоба дня – процессы: над эсерами и духовенством. Патриарх Тихон отказался, и временно управление церковью перешло в совет из трех священников: Введенского и двух других, фамилии которых не упомянул. Все трое, конечно, ставленники правительства. Говорят, что первый из евреев и большой фигляр, но у него много поклонниц. Про двух других рассказывают невероятные вещи, но, может быть, и врут, не знаю. Петроградский митрополит Вениамин, избранный народом, арестован и будет судим за то, что отлучил от церкви Введенского. Часть арестованных в Москве священников приговорена к смертной казни. Но все это наш народ, «богоносец», по словам Достоевского, вынесет, конечно, безропотно!

Барометр нашей жизни, цены, мчится в гору без удержу, только цена хлеба почему-то остановилась на 140 тыс. – фунт. Теперь денежная единица у нас – «миллион-рубль», но скоро перешагнем и его. «Пир во время чумы!» продолжается и принял гомерические размеры. Под

флагом помощи голодающим разрешены все азартные игры и скачки. Открыто множество игорных домов. Счет на миллионы. Счетчикам при игре в лото платят по три миллиона и более за вечер. Мы, мелкота, голодающие миллионеры, при игре в коммерческие игры, рассчитываем с точностью по десяти тысяч, т. е. пять тысяч и менее отбрасываем, а 6 и более считаем за десять. А в бывшем клубе приказчиков (Владим. проспект, 12), в этом прибежище миллиардеров, вновь нарождающихся буржуев, считают с точностью до десяти миллионов. При игре... закладывают в банк десятки миллиардов и выигрывают триллион! Вновь народившаяся буржуазия начинает копировать старые порядки... История повторяется, и возможно, что и наша революция кончится по образу Великой Французской. Ничто не ново под луной!

Возмутительный суд над эсерами, главными создателями нашей революции, идет своим порядком. Подсудимые разошлись на два лагеря. Одна группа, интеллигенты, с Гоцем во главе, держатся гордо, а другая, демократическая, «сознательные рабочие» по преимуществу, покаются и стоят на стороне обвинителей. Этим судом мало интересуются и мало о нем даже говорят! Суд над митрополитом Вениамином и священниками возбуждает любопытство более, и о нем много говорят. Рассказывают, что Михайловская площадь была засыпана цветами. Большая толпа народа встретила Вениамина пением «Исполати деспота» и «Достойно есть». Многочисленные добровольцы-защитники встретили владыку в зале Дворянского собрания и пошли под благословение, а доброволец-защитник из Москвы, еврей (!) – поцеловал у него руку. Из толпы на Михайловской площади многие тысячи арестованы. Так ли было дело – не знаю, сам этого не видел, так как никуда не хожу, а винчу беспросветно, надеясь этим скорее приблизить себя к нирване. Не оправдываюсь, а признаю себя истинным сыном русского быдла! Умнее всех нас поступил один из служащих в ГуВуЗе (фамилию забыл), который в первый день революции, убив свою жену, сам застрелился (детей не было). Завидую генералу Попруженко, который умер за две недели до революции. А умница А. Д. Бутовский умел хорошо приспособляться к жизни и умер в первый день революции.

Мы уже в обрыве и повергли в прах все, что веками было накоплено. Теперь вопрос в том, какой из «недругов» «коня опять взнуздает и запряжет не в старую» (спасибо и за это) «телегу»? Я всегда был и остаюсь поклонником немецкой ориентации: француз легкомыслен и очень ожидал, англичанин уже очень строг, а немец все-таки помягче; себя, конечно не обидит, но, насаждая культуру, приобщит и нас к ней. Возможно, очень вероятно, что «недруг» окажется не один, а несколько, и тогда от России останется одно воспоминание. И это будет в порядке вещей. Мы показали свою полную несостоятельность вполне наглядно. А не есть ли все то, что происходит ныне, выполнение программы сионистов? Все возможно! Поверишь Нилусу («Великое в малом»).

21.09.1922... В школах и на курсах, и у нас в том числе, средства для ремонта добываются оригинальными путями. 8-я школа комсостава (6. Павл. в. учил.) эксплуатирует «Аквариум», наши 6-е советские пехотные комкурсы открыли кафе на Невском, пекарню на Петроградской стороне и открывают кинематограф; само «Гувузпетво» (Главн. Упр. Воен. Учеб. Зав. Петр. Воен. Окр.) открыло на Невском игорный дом и т. д. К слову; мой питомец, кадет выпуска 1911 года, ныне занимающий высокий пост инспектора пехоты «Гувузпетво», как один из членов этого клуба, дежуря через день и получая за это какой-то маленький % с прибыли, зарабатывает по 100 миллионов в месяц! С января этого года нас заставили читать 32 урока в месяц бесплатно. А вчера (21 сентября) в «Гувузпетво» сказали, что число бесплатных уроков для нас повышено до 60 в месяц!!! Казалось бы, можно заявить протест или объявить забастовку. Но это никому и в голову не придет, ввиду продолжающего существовать красного террора. Аресты и расстрелы продолжаются непрерывно. «Чека» работает отлично, в числе служащих в ней называются несколько громких фамилий бывшей аристократии и в том числе и некоторых женщин!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.